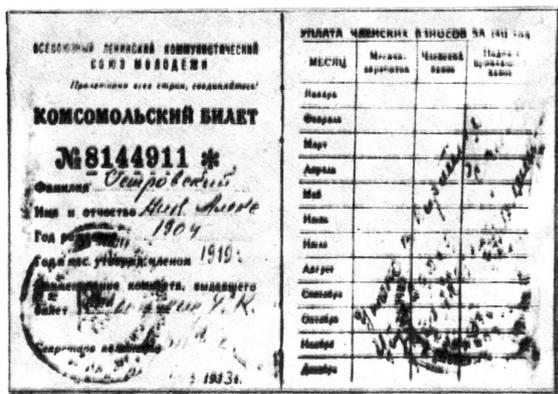

уральский

следопыт

№5 **** 1979

«ТОЛЬКО НА ЛИНИЮ ОГНЯ!»

Людмила СОЛОМЕНА

Оформление
С. Мальшева

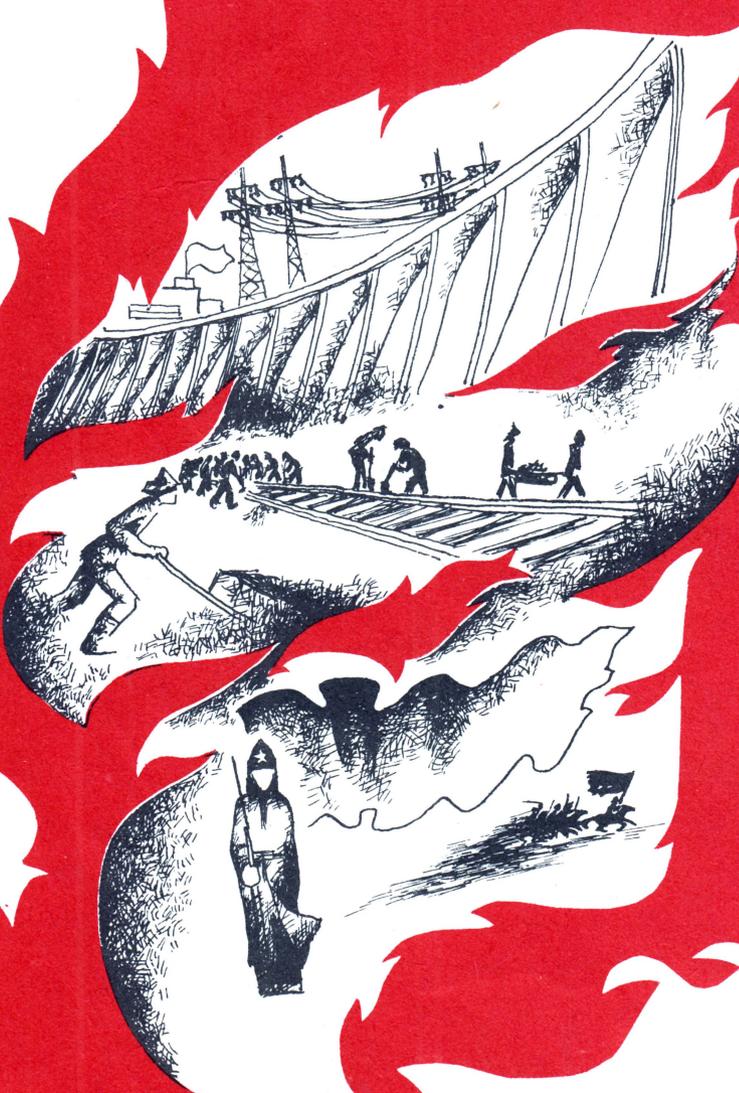
«Сочинская комсомолька обменяла мой старый боевой билет, и рядом со своим партийным папашей лежит маленький билет Ленинского комсомола, принадлежащий члену ВЛКСМ с 1919 года Островскому Н. А.

...Вы что же думаете, нам солнце не светило или жизнь не казалась нам прекрасной, или для нас не было привлекательных девушек, когда мы носились

по фронту и переживали боевые бури? В том-то и дело, что жизнь нас завала, мы, может быть, больше других чувствовали ее очарование, но мы твердо знали, что самое главное сейчас — уничтожить классового врага и отстаивать революцию...»

Николай ОСТРОВСКИЙ

Читайте стр. 23.

В номере:

Н. Сенчев ЖИВУТ ДВА ДРУГА	2
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	6
Ю. Немиров ПИШЕТ ЛЕНИНУ КАЗАК...	8
А. Печенкин «НАШ ЧЕРЕД ЗАПРЯГАТЬ!..»	10
Н. Черных ЧТО ЗАТЕВАЮТ НЕБЕСА	
Ю. Скоробогатов КОСТОРЕЗЫ	
В. Станцев ГРАНИЦА. Поэтический репортаж	20
Л. Соломеина «ТОЛЬКО НА ЛИНИЮ ОГНЯ!»	23
Л. Богоявленский ВАСЯ ТЕРКИН НА ЛЕНИНГРАДСКОМ ФРОНТЕ	24
Г. Браиловский ИЗ БЕЗВЕСТНОСТИ — В БЕССМЕРТИЕ	26
М. Черненко ПРИ ЗАГАДОЧНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ. Повесть	28
А. Матвеев ЯЗЫК ЗЕМЛИ. Продолжение	49
М. Иванов УРАЛЬСКИЕ ИМЕНА, УРАЛЬСКИЕ РЕЛИКВИИ	52
В. Гаков ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЛАНЕТЫ. Окончание	54
В. Юдин СТОЛИЦА ПЕРМИИ	60
И. Каплун КАКОЙ БЫЛА ТЮМЕНЬ 200 ЛЕТ НАЗАД	62
М. Дайбо ПОСЛЕДНИЙ ГЕНЕРАЛ	63
Ю. Сериков ТАЙНЫ ТОРФЯНИКА	67
Б. Рябинин ЛЕС, КОТОРЫЙ УТОПИЛИ	68
И. Панфилов ПО ТАЙГЕ — НЕ ПО КАРТЕ	70
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
 Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
 (ответственный секретарь).

Художественный редактор
 Маргарита ГОРШКОВА
 Технический редактор
 Людмила БУДРИНА
 Корректор
 Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 29/1 1979 г.
 НС 11027
 Подписано к печати 19/III 1979 г.
 Бумага 84×108¹/₁₆.
 Бумажных листов 2,62
 Печатных листов 8,8
 Учетно-издательских листов 11,8
 Тираж 247 000.
 Заказ 574.
 Цена 35 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий»,
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
 С. КИПРИНА

© «Уральский следопыт», 1979 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ДЕТЕЙ
 И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
 СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 РСФСР
 СВЕРДЛОВСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ
 И СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
 С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
 СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
 КНИЖНОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО

№5 * 1979

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

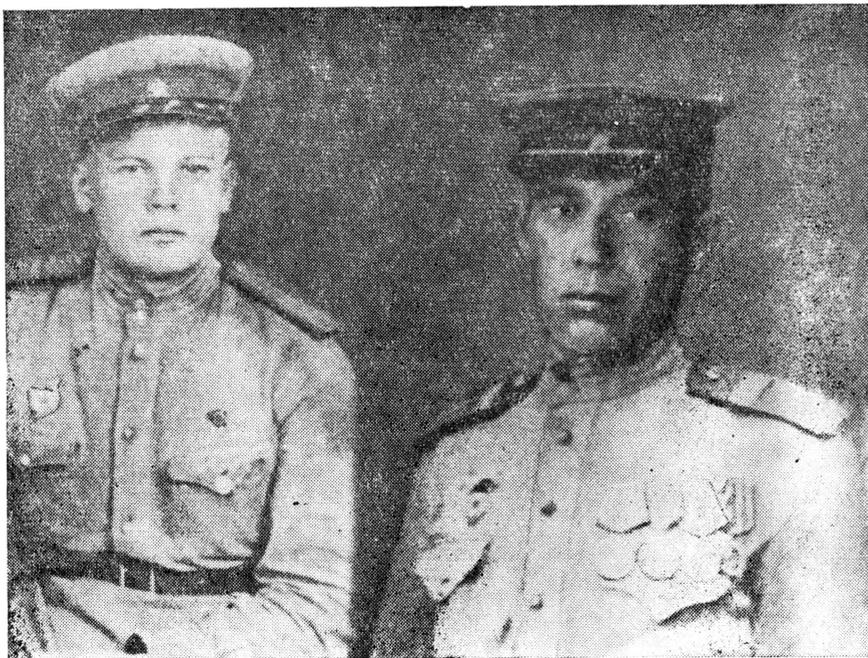
«Дорогая редакция!

Мне семнадцать лет. Вечерами, надвинув шапки на лоб, выходим во двор. Видим, как, побаваясь, обходят нас даже взрослые. Попробуй тронь — мы как один кулак! А прихожу домой и чувствую, что там, в компании, каждый по себе... Сказать друг другу доброе, самое тайное мы стесняемся, считаем несолидным. Дружба ли это? Не случайно иногда вроде с гордостью говорим: «Мы — толпа», а на самом деле — с горечью. Будь нас чуть поменьше — не десять человек, а два, три, и мы уже не уверенны, сами побаваемся... Да и нет среди нас такого, на кого бы я надеялся, как на себя самого. А я хочу надежного, верного друга! А может, напрасно хочу? Как там, у взрослых — бывает дружба, чтобы на всю жизнь? Фамилию не пишу — опасно... Хожу-то я пока в «толпе», с надвинутой на лоб шапкой.

Игорь Ч., г. Уфа.

Редакция показала письмо свердловскому журналисту Николаю Сенчеву. И он ответил Игорю рассказом о двух друзьях из небольшого уральского поселка Арамиль.

Полагаем, что очерк полезно почитать и тем друзьям из дворовых «толп», которые или не верят или не понимают пока, какова истинная цена верной мужской дружбы. Не на час, не на день, на всю жизнь...

ЖИВУТ ДВА

Маленькую очередь в пельменной выстоял быстро. Тут вошел целый взвод шоферов, подпятивших свои грузовики прямо под окна. Затем влетели накрашенные женщины из арамильского торгова. За ними — приземистая старуха с ведерной кастрюлей наперевес. И, наконец, возникшую в один момент очередь замкнули девчонки-десятиклассницы.

Водители ели пельмени ложками и закусывали толстыми ломтями хлеба. Женщины из торгова кушали интеллигентно, оттопырив в сторону мизинчики. Старуха утоптала в кастрюлю десятка два порций, и надо бы теперь ей бежать домой, где в ожидании казенных пельменей сидела вся семья. Она уже за дверью, но, то ли действительно вспомнив, то ли понарошку забыв, и теперь, как бы войдя в память, вернулась к буфетному прилавку.

— Слыхала, Клава, — обратилась она к буфетнице голосом, вовсе не требующим ответа, а наоборот, утверждающим, что Клава не слышать не могла и уточнить кое-какие детали требуется.

Случай, который волновал старушку, произошел недавно на берегу Арамильского пруда. Чей-то бычешка забурился в пруд, угонив в неглубокую скользкую, скрытую под водой воронку. Бычка моментально вывернуло вверх ногами, и быть бы ему успокоенным, да проходящие мимо армяне-строители выдернули бедного на берег.

А поговаривали, что животина чуть не пропала из-за вони, которая льется от пруда: у бычка' закружилась голова и он, ясное дело, потерял сознание.

Эта версия поначалу была чьей-то шуткой, но, как часто бывает, она послужила вполне серьезным поводом для возобновления старого разговора: когда же, наконец, горсовет во главе с Лаптевым пробьет вопрос об очистке пруда?

Многим было невдомек, что Лаптев уже много лет стучится в двери высоких кабинетов, что удалось ему выжать больше тысячи на очистку, и даже земснаряды два лета подряд ползали по водоему, но, как бы ни тужился председатель,

ДРУГА...

Николай
СЕНЧЕВ

старания и усилия возглавляемого им органа власти играючи смахивались гигантом, чудищем, каковым казался для жителей Арамиля Уралхиммашзавод.

Очистные южные сооружения пока не срабатывают так, как нужно, и заводские отходы, подхватываемые водой Исети, подпирают Арамиль и, словно в отстойнике, оседают в здешнем водоеме. Как поется в песне, на берегу некогда приятного пруда «ромашки спрятались, завяли лютики».

Дальше Арамиля власть председателя исполкома Арамильского горсовета Александра Михайловича Лаптева, конечно, не распространяется. Но председатель зону действия своих полномочий, данных ему арамильским людям, городской чертой не ограничил. Собрав чemoданчик, Лаптев улетел в Москву. Не ходатаем был. Знал: в столице нужно требовать. Именно по его требованию совсем недавно собрались в Арамиле люди из «научного мира» и мира прокуратуры. Благоухающий пруд произвел на них удручающее

впечатление. «Думайте, как помочь нам. Чем быстрее, тем лучше»,— говорил на прощанье председатель.

Все это в вздыханиях о судьбе бычка, чуть не ставшего жертвой своей неосмотрительности, конечно, не упоминалось, потому как рядовому горожанину деятельность председателя видится в основном с парадной стороны. Поругивая Лаптева, и старушка, и буфетчица Клава в то же время сострадали ему. Это чувство натурально вытекало из их нехитрых представлений: раз у председателя что-то не выходит, значит, плохо ему. Раз ему плохо, то и нам тоже не до хорошего. Между прочим, говорили они, «на этой самой почве» он разладил со своим старинным другом Александром Петровичем Бирюковым. Тот, якобы, предложил какой-то фантастический проект очистки пруда, Лаптев проект не принял, Бирюков обиделся— ну и пошло-поехало...

Эта новость меня, приехавшего в Арамиль писать об их дружбе, настолько огорчила, что я решил тут же идти на дорогу и голосовать

в обратную сторону. И уже без интереса наблюдал я за толкотней в пельменной и по инерции следил, как буфетчица Клава время от времени вступала в бой с мухами. Контуженные полотенцем мухи носились так, что, казалось, повышибают всем глаза.

— Но вчера видела я,— говорила Клава громко,— эти друзья выщелкнулись как на свадьбу и куда-то пошли рядышком. Значит, в ладу живут, чего бы им цапаться...

— Правда, чего им делить,— подхватила старушка.— У них с детства все поделено.

Каравай — кличка Сашки Лаптева — правил на своей улице осмотрительно. Соседи — низовские, заряцкие, гобовские — могли воспользоваться любым промахом этого нахрапистого скуластика и отвадить от него народ — ватаги арамильских ребятишек между собой назывались тогда по-серьезному — «народом». Сашка стоял во главе своего народа прочно. Его любили. За то, например, что под микитки он никогда не бил, хотя, при надобности, мог бы кому следует вправить дыхание. Детдомовские и номеровские (так назывались дети семей, которые жили в «номерах» — щитовых времянках, грудившихся на левом берегу пруда) часто цокались в тесных проулках, и никогда в эту кучу-малу не вклинивались ребята с Октябрьской улицы.

Выросшая на кромках (кромками назывались лоскуты, которые арамильские хозяйки «по благу» выписывали с суконной фабрики и шили из них одежду для детей), всегда голодная октябрьская ватага вряд ли могла выстоять против номеровских или детдомовских. Хотя и те были такими же недокормышами, так же и у них «щека щеку ела», но в них была драчливая закуска и кулачиться они умели.

Каравай создавал своему народу жизнь поинтереснее. Умел он втянуть октябрьских мальчишек в такую авантюру, где можно было обходиться без крови и ушибов.

Можно уверенно думать: как председатель Александр Михайлович Лаптев рожден был улицей —

той самой улицей, которую в нынешнее время любят называть стихией, неуправляемой средой, приносящей только вред и расстройство. Именно те Табурки, Таганки, Барчаниновки, сменившие свои ребячьи клички на уважаемые имена-отчества, дружно вознесли в председательское кресло Александра Лаптева. Было это двадцать семь лет назад. И до сей поры — факт уникальный — Лаптев бессменный председатель исполкома Совета.

Сашка Бирюков обрелся на улице порядком выше — на Красноармейской. Курносому мальчугану, на вид ангельскому, а ершистому и упрямому, не хватало того, что было в избытке у Каравая — силы, обыкновенной, мускульной, которая в условиях улицы в зависимости от того, кто ею обладает, может чинить или зло, или добро. Ничего странного не было в том, что Сашка Бирюков потянулся к Сашке Лаптеву — и наоборот. С самого начала в их дружбе наметилось состояние, напоминающее сообщающиеся сосуды.

Друзья близко сошлись в сорок первом году. Саша Бирюков в мае, после окончания седьмого класса, устроился в отделочный цех суконки. Начальник цеха Григорий Иванович Патрушев оглядел его и сказал: «Ты маленький — это хорошо. Куда хочешь, подползешь. Пошлю-ка я тебя ладить суконные машины». Пошел Саша в цех, а там уже — Лаптев! Он, оказывается, опередил друга на целую неделю.

На ремонте машин друзья нашибали множество шишек и сняжков, прежде чем научились по-настоящему орудовать инструментом. За смену приходилось менять прокладки в десятках фланцев. Когда мужики на фронт ушли (их на фабрике и так было наперечет), к сушильным машинам стали неопытные женщины: крутнут они винт до отказа — и пар, пущенный в напор, вышибал все прокладки. Молодым слесарям приходилось работать сутками. «Ничего, выдерживали. Правда, иногда кровь из носа шла, и падали частенько, обессилев, но смотрели мы друг на друга орлами», — вспоминая эпизоды многолетней

давности, рассказывал Александр Петрович Бирюков.

Больше, чем добавочная похлебка, замешанная на отрубях, им придавала силы та юношеская дружба, которой суждено было пройти через нелегкие долгие годы. Кто знает, выпади на Бирюкова и Лаптева другая доля — без перегрузок и перетрясок, судьба счастливого склада, не тронутая страданиями войны, — смогли бы они сохранить в своей душе это сложное и простое чувство привязанности друг к другу?

О дружбе не говорят, о ней молчат. В этом я убедился еще раз, когда встретился с Лаптевым и Бирюковым. Уже на склоне своей жизни, с высоты мудрых лет они вправе толковать о своих отношениях в «назидание потомкам». Но скванность и неудобство они ощущают каждый раз, когда заходит об этом речь.

У них часто выходило так: не сговариваясь, делали одно дело, одновременно приходили к одному решению. Осенью сорок первого года и Лаптев, и Бирюков, прослышав, что из учебных заведений молодежи легче попасть на фронт, чем с производства, подали заявления в Свердловский дорожно-механический техникум. Столкнулись в его коридорах — не удивились, Бирюков только спросил у Лаптева, в какой комнате он осел. Спросил для того, чтобы сейчас же перебраться к нему.

Как и ожидали, через три месяца их призвали в армию. Прошли ускоренное обучение в пехотном училище. Третий взвод, куда их зачислили, стал называться арамилским. В нем, кроме Бирюкова и Лаптева, были Василий Патрушев, Веня Зудихин, Аркадий Троицкий, два Ивана Бабушкиных, Коля Пинигин, Саша Чермянинов — вся компания арамилская. Командир взвода лейтенант Павлов, сам еще необстрелянный воробей, новобранцев гонял жестоко. Смысл происходящего на фронте он понимал ясно и поэтому требовал от желторотиков так: хотите выжить в атаке — умирайте здесь, на тренировках. Спасибо чутью Павлова: после беглых наблюдений он приказал Бирюкова и Лаптева свести в один минометный

расчет, высказавшись при этом почти афористично: «они друзья, им друг без друга нельзя». Дружба, как фактор морально-волевой готовности солдат, учитывалась во время войны особенно.

Нет, табак между собой они не делили, из одного котелка не хлебали, хотя всю войну прошли вместе. Махорку не делили потому, что Лаптев не курил и всегда журил Бирюкова за то, что тот не знал от дыма продыха. «Все равно не выжить в этом пекле, — грустно говаривал Бирюков, — так что табачок, считаю я, не во вред».

Такие слова однажды взбесили всегда спокойного Лаптева. «Как мне с тобой воевать, — говорил он похолодевшим голосом, — мне же в бою надежды на тебя не будет, если загади себя хоронишь». После этого они долго не разговаривали. Но переукладку парашютов (они воевали в десантных войсках) доверяли только друг другу.

Общего котелка, действительно, у них не было. Но если Лаптеву доводилось хозяйничать у взводного котла, то он норовил отвалить Бирюкову кусок побольше. Плохо это или хорошо — судить не будем. Лаптев всегда щадил, маленького, на вид малосильного Бирюкова.

Все было в их военной судьбе: и ночные марш-броски, и десантирование в тылу немцев, и ранения, и госпиталь, и снова бои. И наконец, желанный день Победы, который они встретили под Прагой. Тогда естественно было ожидать: как вели их вместе военные дороги, так должны их развести в разные стороны дороги мирные. Если раньше в их судьбе все диктовалось единственным обстоятельством — обстоятельством боя, войны, оно их единило, держало в железной паре, то теперь в их жизнь врывается «миллион» мирных обстоятельств. Сколько прекрасных историй мужской окопной дружбы не нашли продолжение в мирное время. И уже на закате жизни, когда память отсеивает все незначительное и второстепенное, старый солдат, тревожа большое сердце, шлет письма по старым, полузабытым адресам. Так и не дождавшись ответа, он не щадит свое изболевшее тело и сры-

вается с места. Это его мы видим в день Победы в скверах и на площадях столицы с табличкой на груди — «разыскиваю однополчан»...

Александр Михайлович Лаптев и Александр Петрович Бирюков после войны снова оказались рядом. Многие в их судьбе подчинялось законам дружбы, и человеку, не ведавшему об этом, жизнь двух друзей представлялась бы длинной цепью случайных событий и совпадений.

Друзья воевали до победного салюта, и хотя наград у них было не так густо, но главную солдатскую регалию — по две медали «За отвагу» — они скромно носили на груди.

Бирюков в Арамиле вернулся сразу же после войны, Лаптева армия придержала еще на четыре года. Переписки между собой друзья в этот период не держали, но «чистосердечные приветы и массу наилучших пожеланий» они друг другу передавали с оказией — то с родственником, едущим в те края, где служил Лаптев, то со служивым, возвращающимся в Арамиле.

В пятидесятом году Александр Лаптев сменил солдатскую гимнастерку на шевиотовый костюм и явился прямо на свадьбу друга. После рюмки «штрафной», еще не опомнившийся после дороги Александр Михайлович с сомнением спросил у Бирюкова: ты чего, подгадывал свадьбу к моему приезду? «Конечно, подгадывал», — смеялся Бирюков.

Каравай, некогда правящий своим «народом» на Октябрьской улице, неожиданно, казалось бы, стал во главе городского Совета. Детские забавы, игры, стихийно выдвигающие вожаков из табунка ребят, вдруг по прошествии многих лет обрели серьезный смысл: они послужили для Лаптева полезным социальным уроком, а дружба, которая еще в детстве свела вместе двух людей, открыла в его душе прекрасные человеческие качества.

Бирюков к приезду своего друга был первым секретарем Арамилского горкома комсомола. Теперь, когда Лаптев стал председа-

лем исполкома райсовета (впоследствии городского Совета), стали складываться такие отношения, которые успешно опровергали старую поговорку: дружба дружбой, а служба службой. Служба на пользу арамилского общества еще более укрепила их дружественные отношения.

Тогда, в пятидесятые годы, Лаптева и его помощников-депутатов одолевали иные заботы, чем сейчас. Если теперь Лаптев обеспокоен проблемой полного благоустройства всех домов, то много лет назад ломал голову над тем, где и как поставить эти дома, на какие средства построить детскую больницу, соорудить летний водопровод. Бирюков, вскоре перешедший работать начальником отдела кадров на завод «Полимерконтейнер», не только на правах друга, но и по долгу депутата «подкидывал» председателю деловые идеи. На какие средства построить детскую больницу? А зачем ее строить? — удивлялся Бирюков. Здание, просторное, солнечное, теплое, уже стоит готовенькое, но его занимают не по рангу несколько служащих конторы «Сельхозтехника».

Конечно, «Сельхозтехника» упиралась, но решение исполкома горсовета, подписанное Лаптевым, было непререкаемым по главной причине — оно, это решение, отражало волю арамилского общества, общество властвовало над Лаптевым и давало ему власть.

Так, опираясь на нее, председатель все подчинял интересам города. Известно: бюджет местного органа власти подобен Тришкиному кафтану. Ахнуть все средства на новые мосты — значит оставить несколько улиц без водопровода, открыть музыкальную школу — ясное дело, не построить позарез нужный детский сад. Словом, как ни выкручивай, дыры все-таки остаются. Бирюков, возглавляющий депутатскую группу на заводе, с намеком похвастался другу: «Я, заводской, богаче тебя — отца города».

Лаптев намек понял, и вскоре уважаемые директора по его приглашению собрались в исполкоме горсовета. К этой встрече председатель имел полную информацию о том, кто чем богат, и поэтому без предисловий четко распределил:

газификация города — на средства завода «Полимерконтейнер», очистка пруда — задача суконной фабрики, строительство водопровода — дело завода монтажных изделий. Напоследок Лаптев предупредил: будете, товарищи, увильвать — не взъщтите, найдутся возможности воздействовать на вас.

По городу они нередко проезжают вместе. Вовсе не для того, чтобы, остановившись, например, возле кинотеатра, спросить друг друга: «А помнишь?..» Конечно, вспомнить им есть что. Каждое мало-мальски интересное дело, которое затевалось в городе, так или иначе связано с Лаптевым и Бирюковым, и само оно связывало их между собой. Было бы неправильно думать, что дружба родилась вместе с ними, что она прошла через их жизнь неизменной в своем выражении. Но кому об этом дано знать? Дружба на то и есть дружба, чтобы многое оставалось только между двумя людьми.

В день пятидесятилетия Бирюков подарил Лаптеву добротный большущий кошелек. Через несколько месяцев Лаптев точно такой же подарок вручил Бирюкову. Друзья в свои пятьдесят лет сохранили чувство юмора...

На снимках: слева — Александр Бирюков и Александр Лаптев на фронте. Справа Александр Михайлович Лаптев и Александр Петрович Бирюков (февраль 1979 года. Фото А. Нагибина).

● Солдатские вещи, фотографии и письма военных лет просят присылать учащиеся ижевской школы № 5, где создается музей боевой славы воздушных десантников.

● 20-я средняя школа Херсона — ровесница городу. За годы существования старейшее учебное заведение выпустило немало учеников, среди них — выпускники бывшей гимназии академик Е. В. Тарле, писатель Б. Лавренев... Об учениках, об истории школы рассказывает школьный музей.

● Хроникально-документальный фильм «Первый пост» снят о пионерском карауле у Вечного огня в Волгограде. За двенадцать лет в карауле побывало шестьдесят тысяч волгоградских пионеров и школьников.

● Музей Николая Островского появился в каунасской средней школе № 16. Следопытами собрано немало изданий книг писателя. Значительное место занимает раздел «Наследники Павки Корчагина».

● Героическим защитникам Аджимушкая посвящают поиск воспитанники школы-интерната № 1 города Керчи. По многолетней традиции ученикам школы, вступающим в комсомол, комсомольские билеты вручают в Аджимушкских каменоломнях.

● Музей 33-й армии, в составе которой рядом с советскими солдатами сра-

жались польские воины, создан в школе № 660 Железнодорожного района Москвы.

● Комната Н. Г. Чернышевского создана в средней школе № 2 города Вольска Саратовской области. Годы учебы в Саратове, в Петербургском университете, пребывание в ссылке, работа над романом «Что делать?» — этапы жизни писателя-революционера отражены на восьми стендах.

● Большой популярностью пользуется в Тихвинском районе школьный этнографический музей села Шугозеро. В нем стали традиционными уроки родного края, которые проводятся для всех классов.

● Музей боевой славы 121-й школы, один из лучших в Новосибирске, включен в туристический маршрут города.

● Десять лет военно-исторический кружок 37-й вильнюсской школы собирает материалы о фронтовиках — кавалерах ордена Ленина. В следопытском списке — восемьсот фамилий. Двадцать четыре человека из этого числа не знали о награде и получили ее благодаря поиску следопытов.

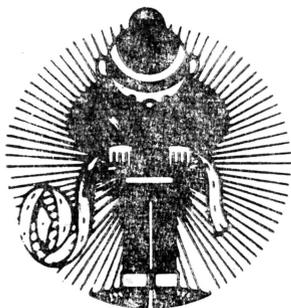
● Четвертый слет ветеранов Краснознаменной Демидово-Хинганской 262-й дивизии прошел в школе № 1 поселка Мелехово Владимирской области. Поиском руководит бывший радист, служивший в дивизии, учитель И. П. Монахов.

● Барабанщик на бастионе

Книга называется «Сын бомбардира», вышла она в издательстве «Молодая гвардия». А написали ее севастопольские писатели М. Лезинский и Б. Эскин.

Начиналась книжка с тоненькой папки, на обложке которой было выведено крупно «К. П.» Сверху в ней лежала фотография бюста одиннадцатилетнего Коли Пищенко — героя первой Севастопольской обороны, георгиевского кавалера. Легко ли было найти документы, открыть имена, факты со времен войны 1854 года? Севастопольские следопыты начали их собирать, писатели продолжили поиск. Книга рассказывает о маленьком Гавроше-Николке, стоявшем на бастионе защитников Севастополя и выбивавшем на барабане призывную, бесстрашную дробь...

И сейчас, после того как книга издана, поиск продолжается. Один из бывших следопытов Станислав Фролов — курсант морского училища в Ленинграде, телеграфировал недавно в Севастополь: «Обнаружил материалы пребывания Николая Пищенко в школе кантонистов Петербургского гвардейского экипажа».

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

• Шли и дети России...

В архиве челябинца Николая Васильевича Чижя — ветерана гвардейской Челябинской добровольческой танковой бригады хранится снимок.

— Мы стояли в каком-то польском селе, — рассказывает Николай Васильевич. — И вот к нам во двор в полном наряде входит Толик Якушев — сын танковой бригады, мальчишка лет десяти-одиннадцати. Орден Красной Звезды и медаль «За отвагу» на груди, на погонах — лычки младшего сержанта... А у хозяев петух был. Хуже всякой собаки: увидит чужого — непременно наскочит. Напал он и на Толю. А при мне оказался фотоаппарат, и я «засек» эту картинку...

Поэт Михаил Львов, служивший в той же бригаде, написал к этому снимку стихи:

Есть у мальчишка орден
И гвардейский значок!
Он — и храбрый, и гордый,
Юный наш землячок.
И его не пугает
Фронтовой этот ад...
Что же вдруг отступает
Перед Петей солдат?
Да ведь если взглядеться —
Это что за боец?
Да ведь он еще в детстве,
Совершенный малец...
Шли и дети России
Вместе с нами в бои.
Были годы такие,
Дорогие мои...

...В конце июля сорок третьего года на территории расположения бригады задержали паренька. Он просил, чтобы его зачислили в солдаты. Назвался местным жителем. Родителей, сказал, расстреляли гитлеровцы. Как его зачислить в бригаду — впереди бои, всякое может быть, да и худ больно мальчишка...

— Накормить и отправить домой! — приказал командир.

Толя в слезы:

— Вы не глядите, что я маленький... Я всё могу!

Уговорил, одним словом. Зачислили его в медсанвзвод. Толя ухаживал за ранеными, даже перевязки делал. Бригада шла на запад. Ожесточенно сопротивлялся враг у деревни Екинсдорф, превращенной в опорный пункт, однако и тут гвардейцы разгромили фашистов. Командарм Д. Д. Лелюшенко, прибывший в бригаду, спросил бойцов:

— Ну, как, челябинцы, готовы штурмовать Берлин?

— Так точно, товарищ генерал!

— Посмотрим, как готовы. В какой батальон поведете?

— К автоматчикам. Они только что овладели деревней Екинсдорф, — предложил командир бригады Фомичев.

Вдруг раздался выстрел. Пуля чуть не задела Фомичева. Фашист из засады прицелился еще раз. Но выстрелить не успел — сам был сражен меткой пулей. Его опередил Толя Якушев, доставлявший к тому времени донесения из штаба.

— Спасибо, сынок! — поблагодарил его командир армии. И тут же прикрепил к гимнастерке юного гвардейца медаль «За отвагу».

...Анатолий Григорьевич Якушев живет сейчас в Москве. После войны он дружился, наверстывал упущенное. Поступил в профтехучилище, стал работать на заводе и окончил школу рабочей молодежи.

На этом можно бы и закончить рассказ о сыне полка, если бы у Н. В. Чижя не хранился другой снимок. Трое их, сыновей, было у бригады. На фотографии они сняты вместе с бывшим комбригом, ныне генерал-лейтенантом танковых войск, дважды Героем Советского Союза М. Г. Фомичевым — Толя Якушев, Рома Сакульский и ефрейтор Цыганов. Судьба Сакульского и Цыганова не известна.

Борис ДРОБИЗ

Челябинск

ПИШЕТ ЛЕНИНУ КАЗАК...

**Юрий
НЕМИРОВ**

*Рисунок
С. Сухова*

К 50-летию Советской власти в журнале «Новый мир» была опубликована подборка писем трудящихся Владимиру Ильичу Ленину. Мое внимание привлекло одно из этих писем, посланное 10 мая 1919 года с Восточного фронта красноармейцем 10-го кавалерийского полка Третьей кавалерийской дивизии Михаилом Пронкиным. Находился он тогда в селе Екатериновке Самарского уезда, а перед глазами казака, корневшего над листком бумаги, стояла родная донская степь... Не раскаты далеких орудий слышал он, а журчанье тихой речки Медведицы. И рождались корявые, но искренние строки:

*«Дорогой наш товарищ Ленин!
Прошу Вас, не сочтите за дерзость меня к Вам, я решился осмелиться — написать несколько слов Вам, так как Вы истинный наш защитник трудового народа от наших угне-*

тателей, которые крепко присосавши как уязвительные пьявы и много сот лет высасывали нашу рабочую, дорогую для нас кровь.

Дорогой наш освободитель товарищ Ленин, я казак-красноармеец Донской области, шлю Вам, дорогой вождь наш, товарищ Ленин, сердечный от души привет!

Дорогой наш вождь, товарищ Ленин! Я имел счастье съездить на родину в отпуск, в Донскую область, в Усть-Медведский округ, где я провел с 17 апреля по 28 апреля праздничные дни пасхи. Я удивляюсь: почему-то еще наши седобородые старики казаки не могут опомниться до сего времени, верят в буржуазные и поповские сказки. Совершенно им буржуазия затмила их глаза. Буржуазия запугивает несознательных стариков, вот что говорит молодым казакам: «Вы присоединились к боль-

шевикам и им помогаете в войне, но большевики скоро, скоро нас будут выселять в Сибирь».

Я не понимаю, почему там так хладнокровно смотрят советские работники — Председатели и почему там не стараются, в глухих хуторах не делают митинги и почему там не дают газеты, хотя бы одну в две недели...

...Дорогой наш товарищ Ленин! В такие глухие места нужно бы, хотя очень редко, посылать газеты, особенно московскую «Бедноту». Она понятлива. Да не мешало петроградского или московского рабочего сознательного послать туда — открыть им темноту.

*Донской казак-красноармеец
М. Пронкин».*

Станица Арчединская вытянулась вдоль асфальтированной дороги, идущей из бывшей Усть-Медведицкой, ставшей городом Серафимовичем, в город Михайловку. В станице — летняя тишь, и только машины с зерном все идут и идут на михайловский элеватор.

Наверное, в каждой станице, в каждом селе есть человек, который знает всех и все знают его. Здесь этот человек — Евгения Семеновна Ефремова, учительница на пенсии, всю жизнь прожила она в Арчединской.

— Всю, да не всю, — уточнила Евгения Семеновна.

Мы сидим в прохладной горнице, а за окнами — немислимая жара августа.

Было хозяйке этого дома несколько месяцев от роду, когда ее отца — казака станицы Клетской Семена Варсонофьевича Ефремова — выслали из Арчединской в Хабаровский край. За что же?

Евгения Семеновна рассказывает:

— Отец совсем еще молодым закончил учительскую семинарию. В Арчединской он, работая в школе, организовал хор. Якобы для разучивания церковных песнопений, но пели в хоре и запрещенные песни.

Да, коренной казак учитель Ефремов был противником существующего строя. Не скажу, что он стал бы большевиком в годы революции, так как путаницы в его голове было немало, но в мае 1905 года он вместе с тремя другими учителями помог бежать нескольким политическим ссыльным, которые шли по этапу через станицу и ночевали в «этапке».

В 24 часа семью Ефремова выслали. Там, на Дальнем Востоке, и умер отец Евгении Семеновны. А мать после февраля 1917 года вернулась с детьми в Арчединскую. Выпускной вечер у гимназистки Жени Ефремовой был уже в Усть-Медведицкой.

Когда в станице организовалась ячейка РКСМ, Женя Ефремова вступила в комсомол.

В апреле девятнадцатого, когда Михаил Пронкин приехал в Арчединскую, Женя Ефремова была в родной станице. А потом она служила в Красной Армии, в одной из дивизий, воевавших в Поволжье. Оттуда попала Женя на Третий съезд комсомола, слышала знаменитую речь Ленина. Его призыв учиться, учиться и учиться Женя приняла к обязательному исполнению. Она уехала в Петроград сразу же после демобилизации, а летом 1924 года юная учительница с дипломом Ленинградского педагогического института имени Герцена решила проведать старенькую маму. Мать хворала, и дочь надумала поработать несколько лет в станичной школе. Думала Женя, что приехала на два-три года, оказалось, навсегда.

Я прочитал Евгении Семеновне письмо Пронкина Ленину. Она внимательно выслушала, потом сказала: — Нет, Михаила Пронкина не помню. Люди с такой фамилией живут в хуторах вокруг станицы, надо искать там.

Впрочем, искали и не нашли. Да это и понятно: столько лет прошло. Тогда, в девятнадцатом, вернулся казак на Восточный фронт. Не нашла ли его там пуля колчаковцев? А может быть, он не вернулся в родную станицу или погиб на другой войне — с фашистами?

— Ну-ка, прочитайте, как там у него в конце сказано, — попросила Евгения Семеновна.

Я прочитал из письма Пронкина: «...Да не мешало петроградского или московского рабочего сознательного послать туда — открыть им темноту».

— Вот-вот. Верно. У нас ведь тоже были пролетарии из Ленинграда в начале тридцатых годов.

До сих пор живет в Арчединской память о двадцатитысячниках. Рабочий Путиловского завода коммунист Михаил Иванович Барсков был организатором и первым председателем колхоза в Арчединской. Председатель из Питера не жалел тратить колхозные деньги на приобретение книг для станичной библиотеки. «С грамотными людьми можно горы свернуть», — приговаривал он. Однажды колхоз премиривали.

— Но награду выбирайте сами: пара рысаков для председателя Барскова или рабфак для станицы, — сказали в райкоме.

Барсков не раздумывал ни секунды:

— О чем говорить? Даешь рабфак!

Рабфак открыли при школе, и преподавать в нем стали те же школьные учителя. Среди них была и Евгения Семеновна Ефремова.

Каждый год 8 сентября над Арчединской гремят барабаны, звучит

горн. Именно в этот день 1924 года Царицынский губком комсомола прислал в станицу пионерское знамя, барабан и горн. Так началась история пионерской организации в Арчединской, а Евгения Семеновна Ефремова стала здесь первой пионервожатой.

Весной 1919 года в Арчединской побывали организаторы Союза молодежи. После выступления перед казаками и иногородними станицы Арчединской члена Донбюро ЦК РКСМ Леонида Полечихина казачьим сходом было вынесено такое постановление:

«Приветствовать Союзы молодежи, пожелать им мира и процветания, пожелать им увеличиваться во всей России и в особенности у нас на Дону, протянуть им свою братскую помощь и провозгласить: «Да здравствуют наши детки, вошедшие в Союз!»

Весной девятнадцатого года, когда проходил этот сход, могли на нем стоять рядом отпускной боец с Восточного фронта Михаил Пронкин и Женя Ефремова — вчерашняя гимназистка, комсомолка... Может быть, и парой слов они перекинулись...

А как же быть с Пронкиным? Так мне и не удалось его найти. Но я ничуть не жалею, что пустился в путешествие по его следам. Зато я встретил Евгению Семеновну Ефремову и написал о ней. Да и краткая хроника станицы Арчединской, испытавшей все, что выпало на долю нашей огромной страны, имеет, мне кажется, прямое отношение к письму красного казака Михаила Пронкина Владимиру Ильичу Ленину.

«Наш черед запрягать!..»

**Андроник
ПЕЧЕНКИН**

Рисунок
В. Ильина

*Андронику Тимофеевичу Печенкину
было пятнадцать лет,
когда захватил его
вихрь гражданской войны.*

*В меру своих мальчишеских возможностей
помогал Красной Армии.*

*Позже был комсомольским вожаком
в селе Мингали,*

*участвовал в раскулачивании,
служил в Красной Армии, воевал.*

*За создание летописи родного села
А. Т. Печенкин награжден*

*дипломом Центрального штаба
Всесоюзного комсомольского похода*

*по местам
революционной, боевой
и трудовой славы.*

Батюшка с амвона вещал: «Отрекся от престола его императорское величество! Временное правительство ноне станет защищать Россию от антихристов-немцев. Поклянемся же, православные, примем присягу на верность...»

Плакал на амвоне отец Иван. А православные со слезами на глазах радовались: вот — конец войне, вернутся по домам мужики. Когда уходили — по всей деревне пели: «Проклятый германец на Русь наступает, на нашу державу, на крест золотой...» А возвращаться начали — кто без ноги, кто на побывку — другие поют: «Не подумаем вернуться, из окопов — да домой! Рассказал бы вам всю правду про германско-русский бой...»

Но война не кончилась, не тут-то было. Она все тянулась и тянулась. Не успеют бабы по одному отголосить, уж на другого похоронка пришла...

И только когда Советскую власть учредили, стали подходить домой солдаты и заниматься всяк своим делом. Работать спешили на поля, по хозяйству наवरстывали. Того не знали, сколько крови еще будет пролито, сколько народу разного пройдет через родное село.

В жаркий июньский полдень пыль клубами вилась под босыми ногами мальчишек:

— Красноармейцы приехали!

Мы, мальчишки, рассматривали винтовки с гранеными воронеными штыками, шупали тесаки на поясах. Нас забавляло, как говорят пришедшие: вроде по-русски, только как-то твердо слова у них выходят, не по-нашему. Мы быстро разнюхали, что у красных трое разведчиков — мадьяр Паша, австриец Ваня и еще Лютиков. Кони их стояли на дворе нашего односельчанина Пайвина. Знали мы уже и командира Ян Су-хана, и комиссара Немца. Это была рота интернационалистов 4-го Уральского полка.

Я подружился с Пашей и Ваней. Спал вместе с ними в телеге. Днем они приносили мне свой суп, я ел его, и он мне нравился, а они пили наше молоко. Играли мы с ними в ребячьи игры. А молодежь, что постарше, ходила с красноармейцами танцевать под духрядку.

Все мне было в новинку. От красноармейцев я впервые услышал о Ленине, услышал «Интернационал». А еще запомнилась песня, которую любили петь Паша и Ваня, сидя на лавочке возле нашего палисадника:

Сербия, Бельгия,
Жаль мне тебя:
Немец проклятый
Разграбил тебя...

Красные разведчики ходили в сторону Кургана до села Окуневского, в сторону Мишкино и дальше. Они уходят — я их провожаю. Своих, мингалевских, посты не задерживали, кто ехал на работу в поле и обратно. Однажды свернул я к пожарному сараю. Народу там собралось много, ну я и подался. Шмыг в толпу самую, и разговор слышу: — У нас вон, видите, какая власть... А на станции Мишкино, говорят, есть другая власть. Что за власть? Проведать надо...

Кулака Злодеева голос. А другие кулаки-горлохваты как заорут, заматюкаются — сам черт не разберет. Наших, за красных которые, на сходке я никого не приметил.

Странные и непонятные события происходили вокруг. Как-то красноармейцы привели в село трех человек. Один — высокий, толстый буржуй, во всю грудь золотая цепочка; другой — высокий, сухой, согнулся, как знак вопроса; а третий — маленький, черныш, голова, как у филина, во все стороны вертится... Поставили их к казенным амбарам, а толстый — бряк на колени, да как заорет во весь свой буржуйский рот: «Отпустите душу на покаяние!» Потом их всех тронх на ходках отправили в Шадринск. Так и не дознался я — что за буржуй, что с ними стало? Австриец Ваня с ними уехал и не возвращался больше.

А то вдруг мастерские пошли через деревню, говорят; из Окуневского... Человек по десять-двадцать: одеты в гражданское, в руках всякий плотницкий инструмент. Паша их проверял, в штаб водил. А они все шли и шли — не меньше сотни прошло за два дня. Откуда такие мастера? Никогда в наших краях их столько не было... Потом выяснилось: переодетые белогвардейцы шли через Окуневское и Мингали к Шадринску, к станции...

В деревне той порой венчанье готовилось. Ротный писарь Соколов сосватал нашу Маню Печенкину. Подружки ее живо снарядили, и поехали все в церковь. Народу — уйма! Отец Иван обвенчал молодых, а четыре красноармейца, когда из церкви вышли, четыре раза стрельнули в их честь из винтовок.

В толпе, незамеченный, оказался белый разведчик. Вернулся к своим, доложил:

— У красных свадьба!.. Все пьяные, нужно наступать быстрее и захопнуть их, как мух.

После свадьбы ротный писарь Соколов, наш Паша и Лютиков поехали в разведку, в сторону Ново-Песков. И вот что там увидели: в районе Хмелева Куста дорога вся размытая, и белочехи вытаскивают из грязи автомашины.

Белочехи шли на село колоннами, с трех сторон.

У церкви завязался горячий бой. Мы, трое мальчишек — братья Пахомовы, Серега и Максим, и я — крути-

лись тут же. Если бы не стрельба, можно было бы подумать, что село идет на село, как бывало... Драться мы уже умели, даже кирпичами лупили без промаха. Но как ни хотелось нам ввязаться и помочь красноармейцам, «умение» наше тут не годилось — не драка... А стрелять мы не умели.

В ход пошли уже гранаты, штыки, а белочехи все ползут и ползут... Не меньше трехсот их было, а красных — сотня всего; но окружить и взять себя в плен они не дали: ушли окольными путями на шадринскую дорогу.

В двенадцать часов дня село было занято белыми.

Кулаки вырядились по-праздничному, идут приветствовать новых хозяев, причитают: «Ах вы, батюшки, наши спасители!..» Сосед мой, ростом маленький, ножки колесиком, корзинку несет главному — доверху с ватрушками... Отец Иван, вчера венчавший красноармейца, хоронит убитых белочехов; отпевать ему запретили — и как быть, он не знает...

На другой день собрала новая власть сто подвод, чтобы в Шадринск отправить. Меня посадили, приказали на дорогу вывести. За мной — три человека и пулемет. Как из Мироновой выехали, слышу — кричат: «Стой!» Пулемет за моей спиной развернули, а с подвод попрыгали солдаты и — цепью пошли к колочку. Я поглядел: там мужик лошадей кормит. Пахал, выдать... Белочехи приняли его за отряд красной кавалерии... Вот как трусят!

Раненых, что взяли в Мингалах, всех убили. Четырех мадьяр покололи штыками, русских расстреляли. В округе озверели кулаки: в деревне Погадайка побили большевиков; в Демино активиста Турганикова бросили на дорогу и атаман их проехал по нему на лошади; старика Попова за то, что его сын в Красной Армии, тоже избил, отца красноармейца Пайвина испороли плетью...

За два дня столько злодейств. А власть их держалась чуть не год...

Летом 1919 года фронт колчаковцев начал трещать по всем швам. В Шадринске, говорили, тюрьма переполнена арестованными, еще и ломбард ими забили. Люди, как могли, скрывались от мобилизации в колчаковскую армию.

Брали всех — и молодежь зеленую, и пожилых. Наш, сельский, Сергей Пайвин скрылся. Тогда вербовщики пришли к нему в дом, где были мать и малолетний брат. Они отобрали ребенка и грозились утопить в колоде — требовали, чтобы мать сказала, где скрывается старший сын. Сколько ни билась, не призналась она.

Кое-кто стал «кустарником» — ушел жить в леса, вместе с лошадьми и коровами, чтобы избежать мобилизации и расправ. Даже мы, мальчишки, старались не попадаться на глаза — тут же заберут в подводы.

Двое наших, Иван Злодеев и Яков Ильиных, который был назначен в штаб уборщиком, решили, что надо украсть печать, и тогда брат не будет — чем списки заверять? Их поймали. Повели на расстрел. Пока шли к лесу, Злодеев попросил разрешения переобуться и, улучив момент, сумел сбегать: стреляли каратели, да не попали. Зато уж Якова убивали со всей злостью; еще одной жертвой стало больше в Мингалах...

В подводы я все же угодил. Отправили в Шадринск. Приезжаем, а там парад готовится. Побегал я на Хлебную площадь — посмотреть, разговоры в толпе послушать. Много чего наслушался: что будто и пушек мало исправных, и снарядов жидко... А солдаты про себя говорили: «Если на фронт — так в кусты или в леса, чтоб в плен к Красной Армии попасть».

Обратно поехали — встретили у Каргополя колчаковскую кавалерию со знаменами и пиками; за ней пехота в «бутаковском» сукне идет, а за пехотой обоз движется. У моста через Миасс старый солдат сказал мне:

— Через мост не езжай, отберут подводу. Вишь, сколько их... Вся степь обставлена. Тут ложок есть — бери выше и проедешь им.

Я обрадовался и «сбулькал» в ложок так, что лошадь едва устояла.

Приезжаю ночью в Мингали: ворота у пригона открыты, и полно в нем лошадей. Мать рассказала, что вся деревня живет в лесах, одни старухи да старики остались. Население в «кустарники» подалось. Колчаковцы все требуют лошадей в подводы. Сел я снова верхом на Пегушку,—мама рукой успела махнуть, и—во весь карьер за ворота, за поскотину... Ночь уже в лесу ночевал. Соседа своего, Мокеева, там встретил. Он на год моложе меня, в подводах не бывал еще.

Назавтра пошли мы с ним еду раздобывать. Глядим: во весь опор гонит на нас разъезд конных. Бежать некуда—идем. Кони встали как вкопанные. Офицер спрашивает:

— Откуда идете?

Смотрю: у моей груди пика торчит, и у Алешкиной тоже.

— Из деревни,—говорим.

— Солдаты есть?

— Полна деревня...

— Кто такие?

Пригнул я голову, посмотрел внимательно:

— Да такие же, как вы...

Пика от меня вверх пошла, и от Алешки тоже. Отступили мы в сторону, дали им дорогу. Потом узнали: белые банды лошадей для подвод в поле искали. И наш табун хотели увести, да «кустарники» по ним стреляли, не дали угнать.

Вскоре прослышали мы, что Шадринск взят красными. Стали ждать, когда наши на Мингали выйдут. Отсиживаемся в лесах и ждем: со дня на день придут.

Когда в Мингалиях раздались винтовочные выстрелы, мы подумали: «Вот оно! Бой начался. Как-то там будет? Ведь полна деревня врагов, и все конные...» И вдруг раздался колокольный звон. Во все колокола звонит наша церковь... Что такое делается?!

А делалось вот что: колчаковцы отступили без боя. Иван Мингалев первый увидел, что они отошли, пришел в деревню и заставил попа и звонаря бить в колокола, созывать людей из лесов.

На звон мы и вышли. Угодили в самую пору—в село входили конные красноармейцы.

Командир спрашивает:

— Это что за поп у вас? В честь кого перезвон устроил?

Мингалев отвечает ему:

— Поп такой, что за колчаковские харчи ни одного большевика не выдал!..

Поглядел командир на отца Ивана и говорит:

— А ну, снимай шляпу.

Батюшка снял и держит обеими руками, ждет невесть чего. Командир достал монетку, да и кинул в нее, за ним—другие, накидали попу в шляпу. Красноармейцы смеются, мы хохочем, а отец Иван с места сойти не может, до того ослаб и расстроился. Взял его Мингалев под руку и увел.

Вечером красная пехота подошла. Заиграла гармошка на улицах, мингалевцы вернулись по своим домам и красноармейцев поразобрали с собой. Всю ночь в селе горели огни—угощали дорогих гостей, кто чем мог.

«Кустарники», выйдя из леса, кое-кто даже с колчаковским оружием, вступали в Красную Армию.

Часть, что ночевала у нас в Мингалиях, пошла дальше, на Окуневское. Один наказ давали им: добить как можно скорее Колчака!

Население вздохнуло свободно, занялось уборкой урожая. А урожай в том году хороший уродился.

Только в первых числах сентября снова стали приходить мрачные вести. Колчак, собрав все силы, бросил их в бой против Советской власти.

Пришел наш черед запрягать.

В Мингали поступило распоряжение: дать фронту сто пятьдесят подвод с возчиками. И я на своей Пегушке поехал добывать Колчака. Сказали мне: будешь возить патроны и снаряды.

Отряды Колчака стояли под Курганом. Мы пробрались через реку Тобол по какому-то мосту, который того и гляди сорвется. Подъехали к бору, а там—к нашим батареям.

Артиллеристы завидели нас, кричат. Один из них подзвал меня:

— Дергай за шнур!..

Я дернул. Как подбросит меня вверх, потом вниз—стою с открытым ртом и сообразить не могу. Артиллерист говорит:

— Ну вот... И ты послал свой первый гостинец Колчаку!—Потом посулов сразу:—А теперь давай снарядов вози еще. Да побольше. Да побыстрее...

Поездили мы тогда!.. А с последней ездки завернули наши подводы не в бор, к батареям, а куда-то по другой дороге. И открылось большое-большое поле, пшеница на нем стоит, еще не убрана, и все поле снарядами изрыто... Везде солдаты лежат убитые. Вот тут мы и поняли, как помогли красноармейцам...

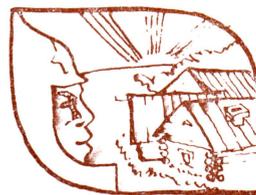
31 октября части Красной Армии заняли Петропавловск. Ночевали мы здесь две ночи. Наутро нам дали деньги за подводы и отпустили домой. Только приказали заехать на станцию, забрать раненых, довезти до Петухово и там сдать. Дорога застыла. Лошади не кованы. Раненые стонут и ругаются. Но довезли мы их все же, сдали. А самим спать негде оказалось—переночевали в телегах. Проснулись—земля вся белая: первый снег выпал...

Отмахали мы тридцать километров и добрались до дома. Больше двух месяцев в подводах были—нас уж не чаяли видеть в живых. А мы приехали—три старика и три мальчика,—кто выдержал до конца. От ста пятидесяти подвод только шесть осталось.

Вслед за нами пришла весть: белогвардейская столица Омск занята Красной Армией.

С Колчаком было покончено.

*г. Дегтярск,
Свердловская область*

ЧТО ЗАТЕВАЮТ НЕБЕСА

**Нонна
ЧЕРНЫХ**

В подмосковном городе Обнинске теперь размещено несколько научных учреждений Главного управления гидрометслужбы СССР — Институт экспериментальной метеорологии, Центральное конструкторское бюро гидрометприборов, Всесоюзный научно-исследовательский институт гидрометеорологической информации, Всесоюзный научно-исследовательский институт сельскохозяйственной метеорологии.

Диапазон работ этих учреждений — от исследований элементарных микрофизических процессов до экспериментов глобального масштаба. Здесь создаются автоматические станции, новейшие приборы — разведчики воздушного океана. Здесь «упакована» на вечное хранение обширная информация о всех стихийных процессах, разыгрывающихся на гигантском полигоне планеты.

Федоровская вышка

Это было в феврале 1958 года. В Обнинск прибыла первая группа геофизиков. Ей предстояло заложить основы будущего научного центра, план которого в деталях разрабатывался до этого в Москве в Главном управлении гидрометслужбы СССР под руководством Героя Советского Союза, академика Евгения Константиновича Федорова.

День был неприветливый. Метель застилала смотровое окно «газика», на котором геофизики везли в Обнинск первые приборы. Да и сама машина с трудом пробиралась по лесному заснеженному бездорожью. Природа всеми силами обрушивалась на тех, кто готовился вмешаться в ее права. Но это были бывалые экспедиционники. Среди них — старые полярники в меховых куртках, один из первых покорителей Арктики, и посланцы с юга, с эльзбрусской экспедиции.

Они поселились в дощатом бараке, в лесной чаще, на окраине города. Сначала им построили небольшую опытную вышку. В сравнении с «настоящей» она показалась бы сооружением из деталей детского набора «конструктор». Но с ее помощью уже можно было разрабатывать методику предстоящих экспе-

риментов. Как только появились первые этажи мачты, геофизики начали свои опыты.

Мачту, которую обнинцы сразу назвали «Федоровской вышкой», построили в том же 1958 году. Тогда, 20 лет назад, у города и было-то всего-навсего две-три улицы да соединенный с ними деревянным тротуаром весь в строительных лесах будущий микрорайон, который так и шагнул в жизнь со своим «проектным именем» — 20-й квартал.

Постепенно город подходил к мачте все ближе и ближе. Сейчас она оказалась в кольце жилых кварталов. Может быть, от этого потеряла свою загадочность и экзотичность, но ее научная ценность, по отзывам специалистов, не убавилась.

О мачте проще говорить цифрами. Полая сварная труба высотой 315 метров и диаметром 2,5 метра стоит на круглом подпятнике диаметром всего 300 мм, на одной точке и не падает. Ее поддерживают четыре яруса стальных тросов-растяжек. Башню опоясывают 13 балконов с выдвинутыми ряями. На ряях закреплены приборы. Сотни приборов.

Исследователю не надо обегать балконы и «собирать» показания. Рядом с башней — небольшой домик. В домике разворот стоек — панелей с многочисленными регистраторами — образует пульт управления измерительной системой метеорологической мачты.

Наука подняла свою лаборато-

рию столь высоко не случайно. Погода — порождение союза Солнца и Земли. Погоду формируют состояния окружающей нас среды и подстилающей поверхности, многочисленные физико-химические процессы, в этой окружающей среде происходящие.

Обнинская вышка — это первоклассная геофизическая обсерватория, где целая система автоматических устройств изучает «характер» и «настроение» погоды. Но не всей, а только той, что разыгрывается в приземном пространстве, в так называемом «придонном» или пограничном слое атмосферы. Ее 13 этажей дают возможность увидеть пограничный слой в разрезе, помогают проследить, как меняется с высотой скорость и направление ветра, «увидеть» воздушные потоки, переносящие тепло и влагу, измерить самую низкую границу облаков и солнечную радиацию, заглянуть внутрь облака.

Лифт внутри стальной трубы поднимается вверх, открывается люк — и вот оно... небо! Это — самая высокая точка Обнинска. Там, внизу, тихо и тепло, а здесь холодно, сильный ветер треплет одежду. Балкон под ногами неподвижен, но от гордой высоты дух захватывает и кажется, что он, как палуба легкого суденышка в сильный шторм. Глядя на ажурность сооружения и сопоставляя ее с силой ветра, думаешь, что башня неизбежно должна качаться. Но расчетом в ней предусмотрено такое сочетание жесткости и гибкости, что при любых ветрах самая верхняя точка мачты не отклоняется.

Наползает густой белый туман. Это облака. Они сверху, над головой, они под ногами. Проплывая мимо и соприкасаясь с приборами, облака раскрывают ученым свои секреты.

Каждый день, каждый час что-то затевает погода в околоземных просторах. Ученые теперь могут узнать, какие она готовит человеку сюрпризы. Но башня нужна не только для понимания мира стихий. Она дает сведения, очень нужные для практической деятельности. Гололед, изморозь, тот же ветер — это опасные явления, и их тоже надо знать, чтобы правильно рассчитывать все нагрузки при строительстве телевизионных мачт, высотных зданий, линий электропередач. А эдак мачта может быть использована в качестве модели дымовых труб заводов, фабрик, теплоэлектростанций. С балкона разбрасывается «меченый» пластмассовый порошок. Он вместо пыли, дыма и гари. «Пойманные», как мухи на липкую бумагу, в 15—20 километрах от башни, эти частицы расскажут, какой они совершили путь в потоках воздуха. И тогда ученые рассчитывают, на

какую высоту надо поднять выхлопные и вентиляционные трубы тепловых электростанций, химкомбинатов, заводов и фабрик, чтобы они не вредили здоровью людей.

Здесь делают погоду

Воздушный океан, на самом дне которого протекает жизнь человека, вечно беспокойный, изменчивый и неуловимый, всегда был интересен исследователю. Он — фантастическая лаборатория, полная противоречий и необъяснимых превращений. Он — наш друг и недруг. Не будь над землей воздушного покрывала, и все живое испепелили бы лучи солнечной радиации, все погубило бы от непрерывного обстрела мелких метеоритных осколков. Но в воздушном куполе таятся и грозные для человека явления, в нем рождаются ураганные ветры, сметающие все на своем пути, пыльные бури, превращающие день в ночь, ливни, затопляющие целые города, молнии, прорезающие огнем землю.

Обнинский научный комплекс приблизил к научным природные процессы. Пройти по его лабораториям и посмотреть в работе уникальные установки — все равно, что в мгновение ока перенестись из средней полосы на Северный полюс, а оттуда — в тропики. Темно-желтое здание с узкой и высокой башней, увенчанной красно-белым шаром, — это завод природных стихий. Сверху донизу, через все 11 этажей, проходит вертикальная аэродинамическая труба. Для нее и потребовалась пристройка в виде средневековой башни. Снизу эта труба начинается похожим на сопло гигантского двигателя колоколообразным раструбом. В него засасывается воздух с аэрозольными частицами, состав и размеры которых задаются в зависимости от требований эксперимента. А сверху, с высоты 30 метров воздушный поток «тянет» мощный вентилятор. Если наклониться и крикнуть, раскатыстыми каскадами побежит эхо вниз. На каждом из 11 этажей есть иллюминаторы для наблюдений и металлические люки, похожие на дверцы сейфа, через которые в аэродинамическую трубу вводят приборы. В вертикальной аэродинамической трубе изучают поведение частиц в восходящих потоках.

В ней воздух гуляет спокойно, так, как вокруг нас. А в других аэродинамических трубах, таких же гулких, только горизонтальных, бушуют ураганы, самуны, тайфуны.

Рядом — термобарокамеры. Их

двойные стенки одеты в асбестовую шубу; между ними — фреон. Включаются вакуумные насосы, холодильные установки. И к услугам исследователя — опытный образец: «законсервированный воздух», какой бывает на высоте 30 километров. А это уже стратосфера.

Но самое яркое впечатление оставляют моменты рождения облака. Большая облачная камера поражает своими размерами (ее объем 3200 кубических метров!) и какой-то сказочностью внутреннего снаряжения. Черные, как воронье крыло, стены, пол и потолок. Театральными ярусами опоясаны стены. На ажурных кольцевых балконах установлена аппаратура, на тоненьких тросах свешиваются с потолка приборы. В хаотическом беспорядке мерцают светильники, в глазницы окон-иллюминаторов заглядывают объективы оптических устройств. Зелеными, красными, фиолетовыми пучками вспыхивают лазерные лучи. Оптика, электроника, автоматика, тончайшая механика ополчились и ждут момента, чтобы броситься на очередной шторм облачных тайн.

...Спокойно, почти неслышно где-то посапывают насосы — несколько десятков минут необходимо, чтобы закачать в большую камеру воздух и поднять давление до нужной величины. Готовится очередной эксперимент.

Легким нажатием кнопки оператор открывает люки. С диким грохотом, ревом и свистом наружу вырывается воздух. Проходит всего несколько секунд, и в камере единым неслышным хлопком образуются мириады мельчайших капелек — это за счет внезапного расширения воздуха сконденсировались пары воды. Облако готово. Оно клубится, движется, расплывается молочным туманом, нежно и мягко окутывает приборы. Они «хватают» облако и спешат установить размеры капелек, сосчитать их в единицах объема, определить количество воды, измерить прозрачность. Все это должно помочь ученому разобраться в сложных процессах и выяснить — когда и при каких условиях подобное, но уже реальное облако прольется на землю благодатным дождем, радуя сердце земледельца, а когда знойный ветер пронесет его мимо иссушенных солнцем полей.

Планеты и частицы

Охрана окружающей среды — проблема № 1. Проблема века.

У института есть достижения в той обширной области, которая сей-

час составляет предмет особой заботы и беспокойства человечества. Получены экспериментальные данные об уровнях глобального радиоактивного загрязнения земли, воды и воздуха в стране. Исследования показали, что в последние годы после соглашения о прекращении испытаний ядерного оружия значительно снизился «радиоактивный» фон. Но те страны — Китай, Франция, — которые не отказались от взрывов, повысили радиоактивность в отдельных районах.

Институт исследовал, с какой скоростью воздух и вода очищают себя от продуктов ядерного взрыва. Теперь известно, за какое время они «перекочуют» из одного полушария в другое.

Сначала здесь расскажут об аэрозолях — о частицах, среди которых есть такие, что их не увидишь и не услышишь, но они могут наделать много бед.

Ядовитая пыль скапливается в атмосфере городов-гигантов Западной Европы и Америки. Крупные заголовки зарубежных газет кричат: Швеция — «Отдаем себя в чистку», Япония — «Ртуть — старая и новая опасность», Англия — «Внимание! Окись серы — едкий дождь».

Зонт густой пыли и дыма. Он соткан из различных частиц — аэрозолей. В одном кубическом метре их может быть несчетное количество, примерно единица с 14 и 16 нулями. Сколько таких частиц может вдохнуть человек, если он «потребляет» в сутки около 20 кубических метров воздуха!

Воздух этот не принадлежит никому, он все время движется. Но куда, как? Ученых сейчас это особенно тревожит. Воздушные потоки, которым не поставишь заслон, могут принести из одной страны в другую частицы тяжелых металлов.

На картине небосвода, которую рисует воображение, «печатаются» узоры, сплетенные из точек — аэрозолей. Ничтожно малые по величине, они становятся участниками больших событий. Частицы натрия и кальция — центры образования облачных капель. Их все больше, больше, и на землю обрушивается ливневый шквал. Но другие частицы, наоборот, сплетают такое облако, из которого не выжмешь и каплю дождя. Оно, это облако, лишает воздух прозрачности, солнечный свет не льется беспрепятственно на землю. И тогда величина теплового баланса земли резко падает.

Аэрозоли-невидимки вступают в «диноборство» с человеком и наносят ему тяжелые удары. Разве могли предполагать парижские шляпные мастера, что они потеряют распуск из-за того, что надышатся паром ртути во время выделки фетра.

Но не только здоровье жителей планеты ставится в зависимость

от мельчайших частиц. И не только метеорологи хотят выяснить, какие пути-дороги прокладывают аэрозоли в воздушном океане. Могучую стальную мачту, которая выстоит против самых сильных ветров, могут «расшатать» эти незримые обитатели Вселенной. Для нее они подобны той капле, которая долбит камень.

Сама жизнь подвела науку к тому, чтобы она искала способ взять на учет частицы тяжелых металлов, снующих в воздухе, и разгадать их агрессивные планы.

Один из таких способов есть теперь в Институте экспериментальной метеорологии. Он основан на эмиссионной спектроскопии. За небольшую промежуток времени исследователь определяет содержание 20 металлов в одной пробе воздуха.

Как это делается? Между расположенными вертикально друг над другом электродами зажигается разряд — маленькое яркое солнышко, где любое вещество под действием высокой температуры «превращается» в постоянно движущиеся излучающие атомы. Свет этого разряда проходит через линзы в щель спектрального прибора. Там с помощью дифракционной решетки свет разлагается в спектр, и на фотопленке, поставленной в кассете прибора, вырисовываются тонкие черные линии.

Атомы каждого элемента дают только для него характерный рисунок — набор линий. По этим линиям и определяется наличие элемента и его содержание.

Идут десятки, сотни экспериментов. Свинец, кадмий, ванадий, никель, марганец, хром, висмут, молибден, олово, медь, алюминий, титан, цинк, серебро... Вся таблица Менделеева прошла «через руки» исследователей.

Они могут не только зафиксировать их присутствие, но и сосчитать, сколько частиц и какого металла находится в каждом кубическом сантиметре воздуха. Значит, теперь можно узнать все про эти частицы в горах, вдали от них, над океанами, в тропиках, на Северном полюсе, в любом месте огромного воздушного пространства земной атмосферы.

Семя знает время

Институт экспериментальной метеорологии дал жизнь Центральному конструкторскому бюро. И еще один творческий центр вырос в его стенах — Всесоюзный научно-исследовательский институт сельскохозяйственной метеорологии. В канун 60-летия Великого Октября на основе

решения Коллегии Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике в Главном управлении гидрометслужбы СССР был подписан приказ о создании нового института. Основой для него явился сектор сельскохозяйственной метеорологии ИЭМ.

В 1964 году во владение агрометеорологам дали опытный полигон. С него и начинается история сектора. Этот полигон занимает площадь в 3600 квадратных километров, или 360 тысяч гектаров; в него входят земли северо-западной окраины Среднерусской возвышенности с оврагами, балками, речными долинами, с пашнями, лесами — типичная местность для центральной России. Он охватывает территорию трех северных районов Калужской области: Боровского, Жуковского и Малоярославского с их 50 хозяйствами.

Революция в современном естествознании началась с физики. Революция в физике быстро вызвала революцию в химии. Сейчас подобная революция происходит в биологии. Мы находимся в самом начале будущего развития агрометеорологической науки. Обстоятельства сложились так, что из двух агрометеорологических институтов в стране не осталось ни одного. И теперь надежды науки связываются с новым институтом.

Помочь земледельцу — самая жгучая проблема всех времен и народов. Календарь хлебороба строился на народных приметах: «Всякое семя знает свое время», «Ранний посев к позднему в амбар не ходит», «Овес говорит: топчи меня в грязь, так будешь князь». Запечатленные в приметах, пословицах, поговорках, старозаветные истины были истоком науки о земледелии. Они учили, «когда сеять, когда жать, когда скирды метать». Они хранят и до сих пор немало полезного, проникательного подмеченного. По словам академика Н. И. Вавилова, «человечество и сейчас использует преимущественно тысячелетний опыт земледельца».

Велика роль сельского хозяйства в нашей стране, площадь угодий составляет более 200 миллионов гектаров. Но только 80 процентов этой площади получают каждый год достаточно влаги. Все наши сельскохозяйственные угодья занимают полюсу, которая претерпевает постоянное влияние то холода, то жары, то влаги, то сухости.

Как избавиться от этой извечной зависимости природы? Как оградить растение от того, что ему вредно, как его защитить? В секторе агрометеорологии поиск шел в разных направлениях. Разрабатывались методы прогноза урожая. Пользуясь этими методами, уже ранней весной можно предсказать, где земля

даст хорошие всходы, а где она не уродит. Есть здесь лаборатория, которая занимается обоснованием размещения сельскохозяйственных культур по всей территории страны, исходя из того, что каждой культуре соответствует свой климат. Исследователи также готовят рекомендации хлеборобам, чтобы они знали сроки и нормы сева, глубину вспашки в зависимости от природных условий.

И еще сектор моделирует. Ученые по своему усмотрению делают климат — засухи, заморозки, повышенную влажность, оттепель — все то, что может погубить растение. Чтобы потом узнать, как его вернуть к жизни.

Вооруженный средствами моделирования исследователь теперь может имитировать природу, свои методы сначала «проигрывать» на моделях, затем проверять их действие в экспериментах и потом уже проводить в жизнь. И если ему удастся в каждом отдельном случае повысить урожай всего на один-два центнера с гектара, то какая прибавка будет к тем 200 миллионам гектаров, которые составляют общую площадь страны!

Коллектив сектора уже создал динамическую модель «Погода — урожай». Она дает объективную оценку агрометеорологических условий формирования урожайности. Экспонаты моделей получили диплом первой степени и четыре медали ВДНХ.

Старты на острове Хейса

Ракета... Космос... Впервые они зазвучали в полную силу на границе века в работах великого земляка мечтателя К. Э. Циолковского. Он нарисовал контуры мирного применения ракет.

Первые советские ракеты, у колыбели которых в 30-е годы стоял молодой инженер С. П. Королев, несли на себе метеорологические приборы. Продолжателями этого направления его идей на калужской земле стали обнинцы.

В россыпи островов архипелага Земли Франца-Иосифа есть один настолько маленький, что сыскать его можно далеко не на всякой карте. Всего около 20 километров в поперечнике. Каменистое плато вулканического происхождения на две трети своей площади скрыто под панцирем вечного ледника.

И только на маленьком южном мыске, отгороженном скалистой грядой от ледника, бурлит вполне современная жизнь. Удивительно

правильной овальной формы пресноводное озеро, как драгоценный камень в оправе из сурового базальта. Природа создала неповторимую картину. А вокруг озера, на узенькой полоске суши между двумя берегами хоровод маленьких полярных домиков. Один берег — берег озера, второй — берег студеного моря — Северного Ледовитого океана. Вдали, за торосистыми проливами, виднеются купола соседних островов. В проливах хрустально-сине-зеленые громады айсбергов.

Когда науке потребовалось иметь свой форпост у Северного полюса, ученые облюбовали именно эту узкую полоску земли. Теперь здесь крупный исследовательский центр — самая северная в мире обсерватория «Дружная». Метеорологическая, сейсмическая, ионосферная, магнитная станции расположились со своими приборами и аппаратурой, со своим штатом в домах-лабораториях с яркими названиями — «Малая ракета», «Метеор», «Ионосфера». Отсюда, со стартовых позиций, тянется вверх, к космосу, магистраль для метеорологических ракет.

Остров Хейса, если на него можно было бы взглянуть с космической высоты, наверное бы, предстал маленькой точкой где-то на дне глубокой воронки, «выложенной» из магнитных силовых линий, которые невидимыми, но плотными обручами охватывают земной шар и сходятся в двух местах около Северного и Южного полюсов. И он, этот остров, как и все, что рядом с ним, находится под постоянным невидимым обстрелом космических частиц и лучей, которые именно тут, где меньше всего им преграждают путь магнитные силовые линии, врываются непрошеными гостями в нашу землю.

Здесь разливаются по небу неувловимые, быстро меняющиеся краски волшебных сияний. Они до сих пор загадка науки.

Разгадать тайны полярных сияний и магнитных бурь, проследить, как зарождаются холодные северные ветры — такую цель поставили себе ученые.

На Северный полюс в гости не приглашают. Но можно мысленно стать участниками эксперимента и «посмотреть» на него глазами исследователей.

...Издали видно, как в красном обрамлении горят зажженные буквы: «Огневая позиция».

Уходит в сторону стальная крыша ангара. Медленно выплывает ствол пусковой установки. Сама ракета серебристым отливом проглядывает из его ажурного рисунка. Она еще там, внутри, готовая в любой момент метнуться вверх.

— Даю борт, — разносится по линии громкой связи.

Службы одна за другой докладывают:

— Все в порядке.

Дежурный нажимает на кнопку с надписью «Время в укрытие!».

...Из ангара с грохотом вырывается огненный шар в густом облаке дыма, пыли и снега. И, словно стремясь выскочить из него, делает прыжок вверх ракета. Освободившись от «земных» оков, она начинает кружиться, как в танце. Сначала медленно, потом все быстрее, быстрее. Наконец, ввинчиваясь в небо, тело ракеты с вытянутым длинным хвостом исчезает совсем.

Потом были последующие эксперименты. Несколько лет советские и французские ученые работают в области аэронавтики — космической метеорологии.

Уходят в небо ракеты, идут эксперименты...

Старт! Минуты высшего эмоционального напряжения, ожидания. Уверенные и спокойные наблюдения. Отбой! И так день за днем. Старт!.. Отбой!.. Старт!.. Отбой!..

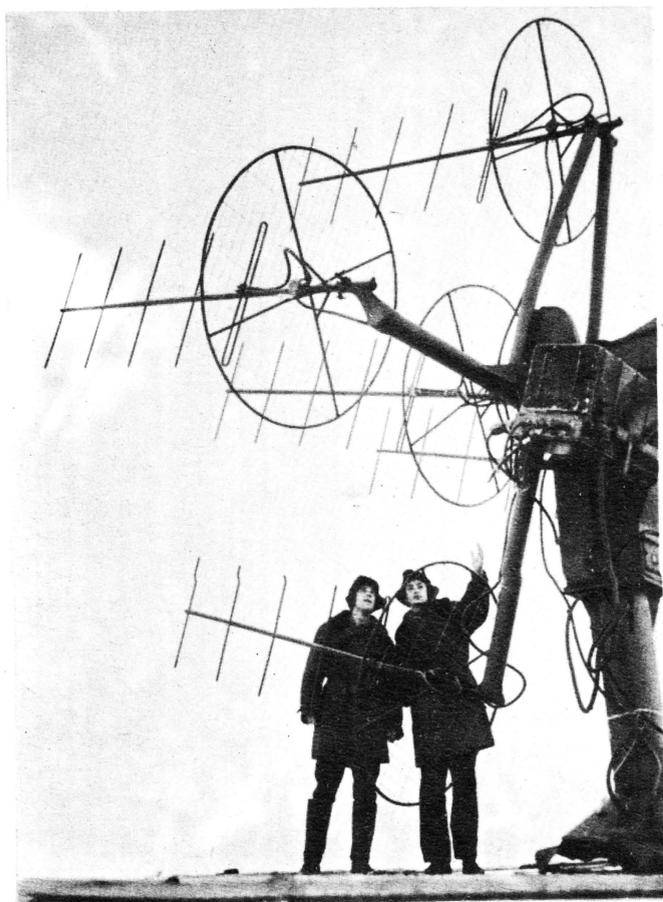

Фото
В. Ветлугина

Архипелаг Земля Франца-Иосифа.
Остров Хейса. Обсерватория «Дружная».
На снимках: на рейде дизель-электроход «Обь»;
такие метеорологические ракеты стартуют в высокие слои
атмосферы; направлены в небо.

Фото В. Ветлугина

ТАЙНЫ ТОРФЯНИКА

Юрий
СЕРИКОВ

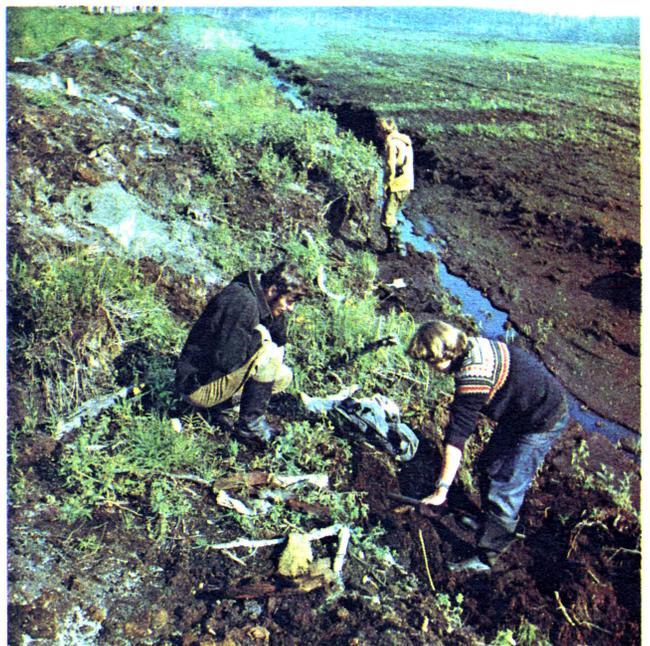
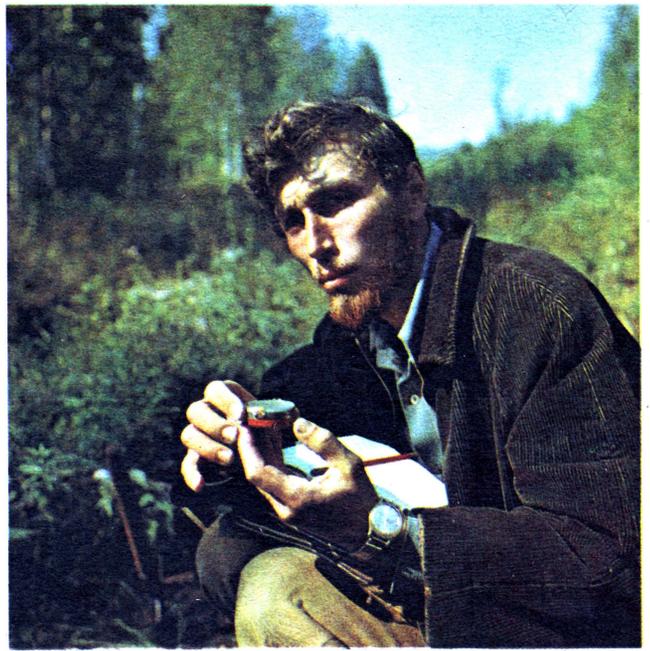
Фото
А. Нагибина

Если сесть на поезд узкоколейки Нижний Тагил — Висим, то через тридцать минут он остановится на небольшой станции Горбуновский торфяник. Здесь находится брикетный завод, при нем — небольшой поселок. Сам торфяник с трех сторон окружен невысокими горами, длина его — 3,65 километра, ширина — 1,5 километра. Здесь добывают ежегодно 75 тысяч тонн торфа.

Вроде бы ничем не отличается он от других торфяников Урала, но имеет мировую известность.

А началось все 5 июля 1908 го-

да. Служащий Тагильского завода Николай Федорович Топорков сообщил Уральскому обществу любителей естествознания (УОЛЕ) о находке на Горбуновском торфянике древних вещей. Он же писал, что в середине бывшего озера, в 150 сажнях от восточного его берега, в разрезе № 4, на глубине одной сажени от поверхности наткнулся на мост, или деревянный настил, на котором «встречаются то осколки кремня, то пепелища и черепки горшков». От УОЛЕ на торфяник был послан М. О. Клер, который обследовал ме-

сто находок и 2 сентября 1908 года выступил на общем собрании общества с сообщением «Заметка о деревянном мосте каменного века в Горбуновском болоте близ Нижне-Тагильского завода».

Однако только в советское время этим ценным находкам было уделено должное внимание. С 1926-го по 1940 год почти ежегодно работал на Горбуновском торфянике профессор Д. Н. Эдинг. Им была раскопана стоянка на IV разрезе, стоянка Стрелка и I Береговая стоянка. В 1944 году известный уральский ар-

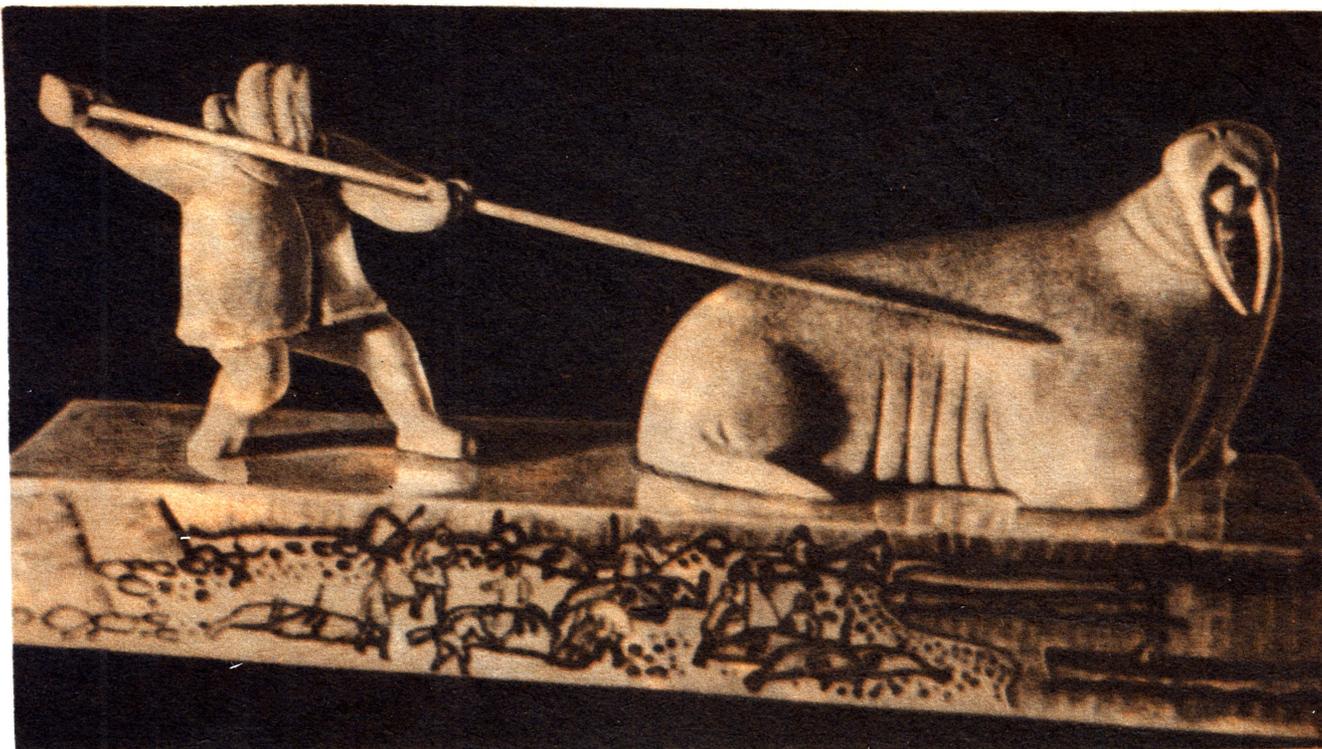
хеолог О. Н. Бадер открыл на торфянике II Береговую стоянку.

После войны раскопками археологических памятников на торфянике занимался профессор А. Я. Брюсов. В 1963 году московский археолог В. М. Раушенбах раскопала неолитическое поселение Чашиха.

Самыми уникальными являются находки с VI разреза. Стоянка находилась в торфе, поэтому на ней хорошо сохранились всевозможные деревянные изделия, возраст которых оценивается в 3,5—4 тысячи лет. Деревянные идолы, фигурка лося, ков-

шики с ручками в виде головок водоплавающей птицы, весла, луки, стрелы, бумеранг, остатки саней и лодки... Именно это и принесло мировую известность Горбуновскому торфянику. Именно эти деревянные изделия и произведения древнего искусства и привлекают внимание посетителей краеведческого музея в Нижнем Тагиле и Государственного Исторического музея в Москве. Находки с Горбуновского торфяника явились объектом пристального внимания ученых в СССР и за рубежом.

Читайте стр. 67.

Охота на моржа.

Неудача в пути.

КОСТОРЕЗЫ

**Юрий
СКОРОБОГАТОВ**

Уэлен — географическая достопримечательность. Он расположен между двумя океанами — Тихим и Северным Ледовитым. Это самое восточное поселение на Азиатском материке. А в ясную погоду с уэленских утесов можно увидеть скалы Аляски — берег Американского континента.

Здесь, в Уэлене, находится центр самобытного косторезного искусства чукчей и эскимосов. Почему именно здесь? Наверное, благодаря географическому положению. Отсюда недалеко до Инчоунского лежбища моржей, на которых всегда была неплохая охота.

В 1929 году в Уэлене была создана мастерская, объединившая наиболее талантливых косторезов. Готовые изделия стали сдавать в кооператив. А после выставки народного творчества в Третьяковской галерее в 1937 году начался триумфальный путь миниатюрных резных шедевров из кости.

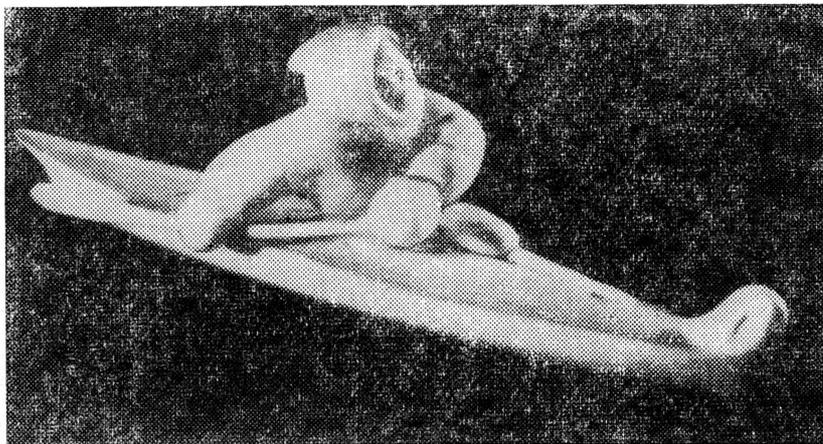
Вывезенные в столицу, в большие города, сначала как экзотические безделушки, произведения чукотских умельцев теперь экспонируются в музеях, изучаются искусствоведами, путешествуют по выставкам. Это самобытное народное искусство прославили чукчи Вуквутагин, Онно, Хальмо, Туккай, Сейгутегин, Аромке, Хуват, Килилой, чукчанки Эмкуль, Янку, Энмина, Тынатваль, Печетегина, Ге-

мауге, эскимосы Хухутан, Уэкен, Жиринтан и многие другие.

В разные годы возглавлявшие уэленскую косторезную мастерскую талантливые художники Вуквутагин и Туккай были награждены орденами Ленина, а Хухутан — орденом Трудового Красного Знамени, и все трое удостоены звания заслуженного художника РСФСР. Нынешний художественный руководитель мастерской Иван Сейгутегин — заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии и премии имени Репина за 1976 год, которой также были удостоены Вера Эмкуль, Галина Тынатваль и Василий Емрпкаин.

Чукотское и эскимосское искусство резьбы и гравировки по кости зародилось в глубокой древности при изготовлении предметов, необходимых в быту северных охотников. Наконечники гарпунов и стрел, амулеты и разные фигурки культового назначения вырезались из моржовых клыков. А гравировка по кости имеет и вовсе древние корни, уходящие к наскальным рисункам. Правда, популярная сейчас сюжетная гравировка распространилась сравнительно недавно — в последнее столетие, и прежде всего под влиянием европейцев, которые весьма заинтересовались столь самобытным творчеством. Клыки стали гравироваться

Охотник на каяке

по заказу и специально на продажу. Сюжеты рисунков постепенно отошли от ритуальных. На костяных пластинах стали изображать содержание сказок и легенд, пейзаж и бытовые сценки.

Иными стали и скульптурные миниатюры: целые композиции из быта охотников и оленеводов, из жизни животного мира выходят теперь из-под резца мастера. Эти произведения так бесхитро и называются: «На охоте», «Ловля оленей», «Возвращение с охоты», «Схватка моржа и медведя», «Волк и олень»... В них безукоризненно точно переданы повадки животных и позы людей. Характерно, что никогда в фигурке охотника вы не найдете портретного сходства с конкретным человеком. И старушка, встречающая сына у входа в ярангу, — просто старушка, но эта крохотная фигурка столь совершенна, что невозможно спутать ее с изображением молодой женщины или девушки. Это тем поразительнее, что чукотское косторезное искусство отличается отсутствием мелких деталей. Предельная выразительность достигается сочетанием высокого мастерства с тонкой наблюдательностью, умением подметить и передать наиболее типичное.

Для косторезов Уэлена характерна преемственность профессии, видимо, одаренность передается по наследству. Тут никого не удивляет, что в одной мастерской работали талантливые братья Вуквол и Туккай, а дочь Туккай Елена Илькей тоже стала гравировщицей; что по следам отца Вуквутагина пошла его дочь Тынатваль. Старик Гемауге известен как непревзойденный автор вырезанных из кости шхун, а дочь его Майя знаменита как гравировщица. Рядом работает уже и ее дочь Зоя. По стопам прославленной художницы Веры Эмкуль пошли ее дети — Виктор и Лида Тюютины.

А в уэленской средней школе, где косторезное дело изучают на уроках труда, подрастает младшее поколение мастеров. Профессия костореза по-

четна, дает хороший заработок и удовлетворяет стремление к творчеству, столь свойственное этим народам.

Руки у Сейгутегина гибкие и цепкие, потому что резчику по кости нужны не столько сила, сколько точность и чуткость пальцев.

Я видел эти руки в работе. Они трудились над скульптурой «Кеглючин», изображающей хищного моржа, который схватил нерпу. Работа была уже, на мой взгляд, закончена, но Сейгутегин все еще что-то обтачивал. Любовно оглаживая каждую ложбинку. Как нежны были его пальцы, столь же выразительные, сколь и создаваемое ими произведение!

Художник снова и снова оглядывал работу со всех сторон, стараясь найти последние изъяны. А потом убрал ее в ящик стола: завтра свежий глаз обнаружит что-то, не замеченное сейчас. Куда торопиться, на Чукотке это не принято...

Даже массовые изделия уэленских косторезов несут на себе печать индивидуальности, потому что это, хоть и копии, но копии шедевра. А его творят нечасто. Как это происходит? Кто знает. В каждом случае по-своему. Но для этого самое главное — рождение идеи, образа.

Чтобы косторезы могли набраться новых впечатлений, чтобы могли появиться интересные замыслы, им дается один творческий день в неделю. Мужчины обычно уходят на охоту: не развлечься, а как на работу. Там, в торосах, сидя у разводьев, они не просто подстерегают нерпу, а наблюдают.

Сидит, к примеру, Килилой за торосом, а неподалеку охотник притаился у полыньи: поставил на ребро лыдинку, придвинул к самой воде, спрятался, ждет, когда вынырнет пугливый зверь. Все примечает Килилой: как лыдинку поставил, как сидит охотник, как ружье держит, где у него бинокль, где акын (закли-

душка с крючками), которым достают убитую нерпу. Примечает, а сам уже мысленно представляет, что из этого можно изобразить.

Бывает, вынырнет нерпочка перед самым носом, вылезет на лыдину, задремлет. Не спешит человек нажимать на курок, наблюдает. Хоть целый день может сидеть — ему в меховой одежде тепло. Глядит, запоминает, как зверь нежится. Да вдруг ненароком и выдаст себя. Нерпа толстая, на вид неуклюжая, но удивительно проворная: уже насторожилась, а в следующий миг нырнула. Но в тот момент, когда испугалась зверушка, оглянулась на человека, и «сфотографировал» ее в своей памяти художник: динамичная поза, полные ужаса глаза, гибкое и сильное тело.

А потом остается только (всею навсего!) взять кусок моржового клыка и вырезать из него фигурку. И глядишь, где-нибудь через неделю окажется на ладони мастера та самая испуганная нерпочка, которую он увидел в торосах.

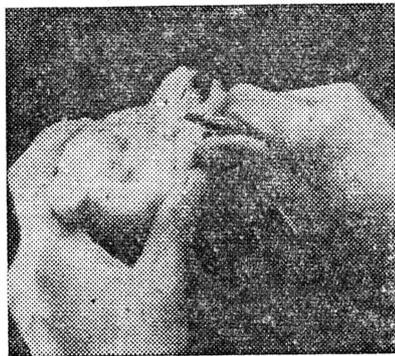
Моржовый бивень сам по себе совершенство, сотворенное природой, но мастер, начиная работу, прежде всего разрушает эту красоту. Сильными и точными ударами острого чукотского топорика гаттэ — больше похожего на долото, привязанное к топоричу, — стесывает он с клыка твердую и хрупкую эмаль. И под рукой резчика возникает грубая заготовка. Но даже после того, как кусок кости испытает на себе остроту сверл, циркулярных пил, наждаков, электролобзиков и других приспособлений, он лишь отдаленно будет походить на то, чем ему уготовано стать.

После этого начинается главное: тщательное, по капельке, убирание всего лишнего. В ход идут уже тончайшие фрезы бормашины, какими пользуется зубной врач. А еще несколько лет назад всю работу делали только острыми резцами-ножками, наждачными камнями да напильником, и уж совсем давно главным орудием костореза был острый и твердый камень. Можно представить, сколько труда и времени тратил он на вырезание простой нерпочки.

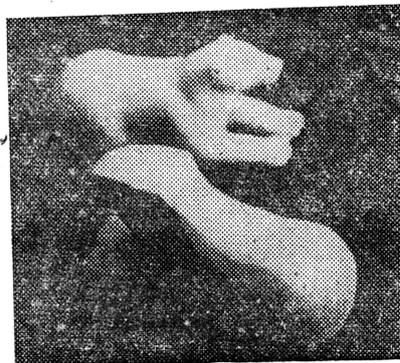
Сейчас косторезная мастерская — оснащенное техникой предприятие. Некоторые станки взяты из деревообделочных цехов, другие — из металлообрабатывающих мастерских. И трудоемкие, но не творческие операции делаются на станках. Например, окончательная полировка. А главным орудием остается рука, вооруженная бормашинной.

...Вьетса вокруг мастера тончайшая белая пыль, пахнет жженой костью. Но резчик ничего не замечает. Он поглощен одним: уловить тот миг, когда уже хватит выбрать кость из заготовки. Все более нежными и плавными становятся линии,

Руки мастера

Белый мишка и его «полуфабрикат»

оживает под руками податливый материал.

Наконец, оглядев фигурку со всех сторон, мастер убеждается, что сделанный им зверь — действительно медведь и ни что иное. Теперь остается самая легкая и грязная работа — шлифовка и полировка изделия. Чтобы не забрызгаться у станков, надевают клеенчатые фартуки, защищают лицо. И под струей воды вдруг проявляется что-то такое чистенькое, блестящее, даже нежное на вид, что хочется положить его на ладонь, ощутить пальцами мягкость линий. Мертвая кость кажется теплой, будто навечно согрели ее горячие руки мастера.

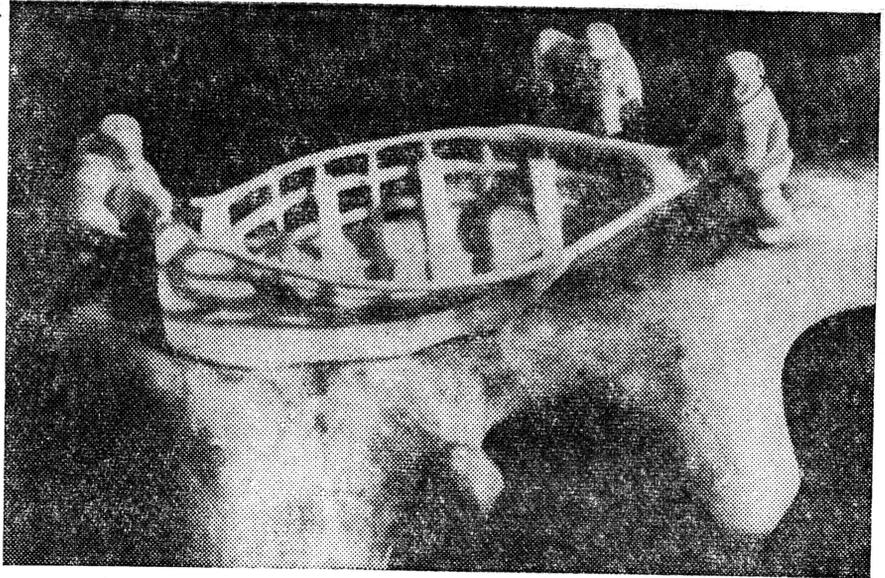
Вырезание фигурок из кости имеет аналогию и у других народов (например, изделия из мамонтовых или слоновых бивней), но разрисовка клыков моржа — собственное изобретение чукчей и эскимосов.

Технология разрисовки довольно проста. Сначала берут хорошо выдержанный клык. Выдерживают его несколько лет при постоянной температуре. Лучшими считаются пролежавшие долго в вечной мерзлоте или в море и потом выкинутые штормом. Эти дары моря особенно ценятся, они зачастую имеют различные оттенки коричневого цвета и идут на украшения. Молодой клык называют сырым. Лишенный эмали, он потом станет трескаться, художественное произведение погибнет.

Итак, берется выдержанный или мореный клык. Снимается эмаль, и поверхность полируется почти до зеркальной. Уже и в таком виде клык красив и может стать украшением. Но для гравировщика он то же самое, что холст для живописца.

Орудием труда служит резец в форме когтя (его чукотское название вагыльхын так и переводится — коготок). Им процарапывают рисунок. Уверенный в себе мастер рисует сразу. Если он предполагает варианты, то сперва рисунок обозначает простым карандашом. Возможно, сотрет его не один раз, пока не остановится на том самом, единственном, которым останется доволен. Ученик переносит рисунок с оригинала с помощью копирки. Такая осторожность необходима, потому что перерисовать уже трудно: придется заново полностью полировать всю поверхность на глубину царпины.

Процарапывать — самый кропотливый труд, так как рисунок на светлом фоне мало заметен. Каждый мастер для этой операции имеет особый резец. Есть резцы в форме стамесочки или треугольно заточенного толстого шила, каждый — для своего рисунка. Одним проводится линия в виде крохотных точек, другим рисуется фон — небо, вода, третьим — мех нерпы. Специальный резец нужен, чтобы провести линии волн или застругов.

Изготовление байдары

Цвет придается мелко измельченным грифелем самых обычных цветных карандашей: порошок нужного цвета втирается в определенном месте. С гладкой поверхности он осыпается, зато в царпины и ямочки проникает прочно. Цвет получается чистый и нежный, а рисунок — навечно.

О чем они рассказывают? Судите по названиям: «Охота на кита», «Праздник в тундре», «Уэлен старый и новый», «Гонки на собачьих упряжках»... Поскольку гравировают обычно женщины, то тематика у них своеобразная. Частые мотивы — рассказы о повседневном труде чукчанок. Например, сбор трав в тундре: плавные склоны сопок, кочки, кустарник, цветы и травы, а среди всего этого — женские фигурки в национальной одежде.

Красивы разрисованные клыки: такие синие тут волны и голубое небо, такие зеленые травы и яркое чистое солнце!..

Шестидесятилетняя Вера Эмкуль однажды сказала:

— Если все клыки, какие разрисовала, сложить вместе, больше-ой склад получится!..

Судьба была щедра к этой женщине. Ее заплечную сумку — теючгын, в которой чукчанки носят различную поклажу, жизнь заполнила до самого верха. Кому-нибудь такая ноша оттянула бы плечи, согнула спину, потому что и слава — нелегкий груз. Но Эмкуль из другой породы.

Когда узнала, что ей присуждена почетная Репинская премия, тоже отнеслась спокойно. Не потому, что избалована славой. И не потому,

что не знает цены награде. Значит, так положено. Пожалуй, сделанного за сорок с лишним лет хватит не на одну премию.

Легко прожитое легко забывается. Помнится трудом преодоленное. В памяти Эмкуль — годы войны.

— Кто тогда работал в мастерской? Вуквутагин, я, Энмына, Ая, еще другие. В домике холодно, угля нет, света нет. Пароходов мало приходило. Всего не хватало. Лампы керосиновые без стекол. Темно, глаза устают. Плохо видеть из-за этого стала. А все равно приходили каждый день без опоздания. Во время войны много работать надо было!..

Полон ее теючгын: три дочери и сын ушли в самостоятельную жизнь, работают, дождалась внуков. Ее имя известно в Москве, печатается в книжках, уходит далеко-далеко. Пенсии тоже хватает, можно спокойно доживать век. Но нет покоя. Больше всего печалит то, что ушло зрение, унесли его трудные военные годы. Однако живет надежда.

— Последнее время лучше вижу. Может, еще лучше будет. И тогда нарисую. Много хочется работать. Ничего... К какому-нибудь большому дню сделаю. Очень хочу!..

...Мастер творит не только тогда, когда держит в руках резец. Он творит невидимо, в душе. Может, и не один год, может, и всю жизнь. А когда замысел созреет, возьмет он в руки острый гатэ, и брызнут из-под него частицы твердой и хрупкой эмали. Начнется очередное восхождение к вершинам красоты.

ГРАНИЦА

Поэтический репортаж

Венедикт
СТАНЦЕВ

Рисунки
В. Меринова

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ПОГРАНИЧНОЙ ЗАСТАВЕ
ИМЕНИ ИВАНА ВАСЮХНО

«Здесь врагу заслон
постаален прочный...»
Из песни

ОТ АВТОРА

1

Граница вот она —
рядом,
даже не верится,
четкая,
как нарезы в стволе...
Сначала проходит она
через сердце,
а потом уже —
по земле.
Здесь не в моде
пустые слова,
здесь и сосны настороже.
Всего один шаг —
та же трава,
но чужая уже.

2

На правом фланге —
фронтное право —
я стою в гражданском пиджаке,
солдаты гордые,
как боевая слава,
и плотные,
как литеры в строке...
Война, война, —
суровый отзвук дальний.
Под мирным небом
мирная весна...
Молчат бойцы,
но в лезвиях зеркальных
видны мои литые ордена...
И здесь совсем другая тишина.

Станцев Венедикт Тимофеевич
родился в 1922 году в деревне Ро-
дионовка Саратовской области. По
образованию — учитель. Участник
Великой Отечественной войны, на-
гражден орденами и медалями.

С 1944 года — военный журна-
лист. Член СП СССР. Автор четы-
рех поэтических книг.

3

Солнце скатилось.
Запрятались птицы.
Ветер упал
в приграничные травы...
Чеканит приказ
на охрану границы
по-юному строгий
начальник заставы:

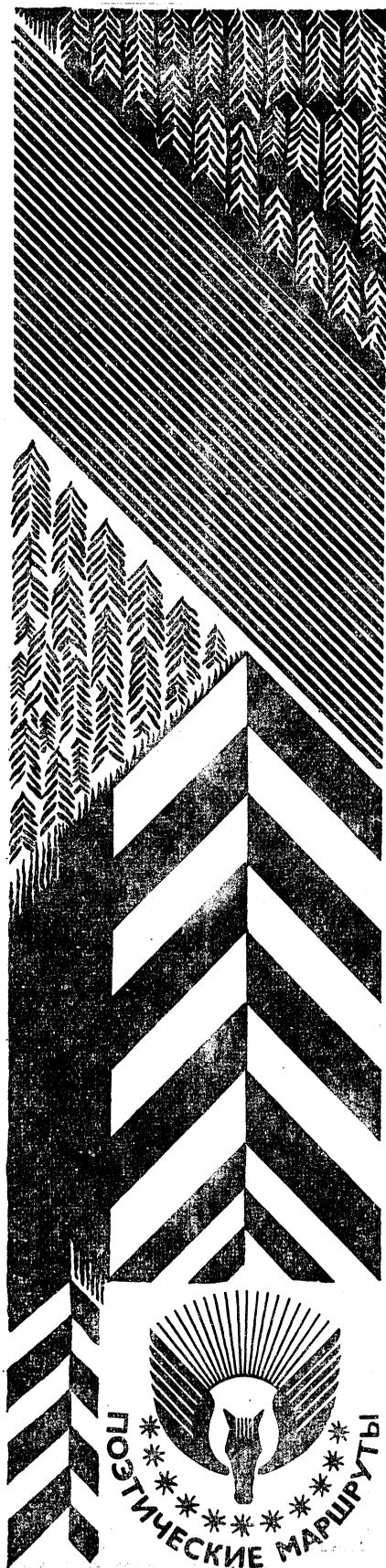
Приказываю выступить
на охрану государственной
границы Союза Советских
Социалистических Республик!

Вместе со всеми
в густеющей сини
внимает ему
за открытым окном
Иван Васюхно —
паренек из России... —
в бронзе оживший
и в сердце моем!
Он смотрит в лицо мне
живыми глазами,
он мне говорит:
«Послушай, солдат...»
Бывает, живые молчат,
словно камень,
а мертвые лучше живых
говорят...

Говорит Иван

Из письма к родителям
от 23 июня 1948 года

Поклон глубокий отчему порогу
и всей далекой сторонке...
Вы пишете,
что часто благодарите бога
за то, что минула
дом похоронка,
что хлеба в достатке,
живете в радости,
и что яровые в хорошем соку,
что яблоки будут такие в августе —
каждое по кулаку...
Я рад, что живете
в тиши и мире,
но не скучайте очень за мной.
И не просите моих командиров,
чтоб дали досрочно отпуск домой.
Родные,
мне часто снится пшеница,
«Скорей бы до дому», —
такую держу я мечту,

но пока еще некому
стоять на границе:
молодых-то осталось —
все на счету...
Ждите, вернусь я
живым и здоровым,—
снова в поля —
к пшенице золотой,
чтоб хлебом пахло
под нашим кровом,
а не мертвой золой.
Куплю в сельпо
баян напевный,
стану в клубе
музыкантом знаменитым,
чтобы звучал
баян на деревне,
а не плач по убитым.
А, главное, обзаведусь я сыном,
заживу с Татьяной
семьею справной.
С войны вернулся же
невредимым,
а сейчас — и подавно...

*Из неотправленного письма к невесте
от 23 июня 1948 года*

Дорогая моя! Недавно закончил
читать «Как закалялась сталь»... Как
хочется хоть чуточку быть похожим
на Павку Корчагина. Вот самоотвер-
женность и человечность!.. Скоро ис-
течет срок службы, а мне еще не при-
ходилось быть в настоящем деле. Но
знай, если придется столкнуться с
врагом, твой Иван не дрогнет...

Я скоро вернусь к тебе. Ты толь-
ко жди.

Рассказывает Михаил Смолянинов

Тридцать лет
проплыли — и нет.
Ушли, словно камни в воду.
Забилось многое
за тридцать лет,
а полночь ту
не забуду сроду.

Громыхая, прокатился гром,
будто железная бочка с горки...
Не спеша мы с Иваном идем
по знакомой «дозорке».
С нами — овчарка на поводке —
чутье — за версту,
с волчище ростом.
Снова грохнуло невдалеке,
и молния —
зигзагом острым.

И грянул ливень...
«Хлещет, как дробь,—
в шепоте Ивана нотка злая.—
Это нам с тобой
погодка — гроб,
а для них —

мечта голубая:
ни звука тебе,
ни следа,

ни знака,
одна надежда — на собаку...»
И вдруг тревожно:
«Смотри-ка, смотри...»

Смотрю — поводок
натянулся струною.
Иван — весь пружина:
«Рейда, бери!»
И Рейда скрылась
за ближней сосною.
И тут ударили ей навстречу
сразу две очереди —

под углом,
и со вскриком почти человеческим
покатилась Рейда под уклон.
Все потонуло
в грохоте и мраке.
А мы вдвоем
ошалели в ночи,
ставшие слепыми без собаки
и глухими ставшие почти.

Иван поднялся:
«Где же они, товарищи?..
Пойду один —
нельзя вдвоем:
если они по мне ударят,
ты прикроешь огнем...»
И вдруг сквозь ливень —
две очереди.

И кто-то застонал
в глухомани ночи.
Услышав стон,
я чуть не закричал:
один из автоматов
не по-русски стучал.
Я кинулся на стон:

«Неужели он,
неужели он?...»
Лежал дружок мой
на краю поляны,
дождь уже не сыпался
с черных небес.

Под самым сердцем
кровоточила рана...
Чуть слышно дышал
встревоженный лес.
Увидев бинта
белоснежную ленту,
друг тихо сказал:
«Не время... Не надо,
не теряй, Михаил, момента:
как бы не скрылись гады...»
А потом еще тише:
«Это приказ,
Миша!..»

Я дал зеленую ракету,
и все озарилось
мерцающим светом...
И бросилась,
не разбирая дороги,
вся застава,
поднятая по тревоге,—
только ветер
вздувает погоны:
погоня,

погоня!..
И диверсант попался,
словно волк в капкан,
словно заяц в петлю
темной ночью
(другого срезал Иван
той очередью).
Нагнали лазутчика,

окужили
и, дав три очереди в ряд,
носом в бурьян положили,
и руки — назад...

(Это я рассказываю долго,
а прошло минут десять только).

Еще парила
набухшая кровью трава,
еще не остыла
в открытых глазах синева,
приподняли Ивана
шесть осторожных рук.
Услышав слова капитана:
«Ну что, очень больно, друг?...» —
прошелестел ответно
(не голос, скорее — намек):
«Нет, боли уже незаметно,
значит, конец недалек.
Ах, ребята мои холостые,
скажите Тане:
мол, не «есть», а «был»,
что любил я ее,
как всю Россию,
как деревню нашу
любил...»

Говорит Татьяна

*Из письма к Ивану
от 25 июня 1948 года*

Милый Ванюша! Каждую ночь
вижу тебя во сне. Стоишь ты передо
мною, как в тот последний вечер.
Приезжай домой хоть на недельку.
А то у меня сердце совсем изболе-
лось — не случилось ли что с тобой,
дорогой?..

Плач родителей

Не случилась похоронка
в годы смертные войны,
а случилась похоронка
с порубежной стороны.
Не взмахнет крылами сизый
пулей сбитый голубок.
Мы отдали бы две жизни
за одну твою, сынок,
чтоб женился ты на Тане,
сына за руку водил,
чтоб играл ты на баяне,
по-сыновьи нас любил.
Без тебя и дни пустые,
стали скорбными поля,
сиротливее Россия,
вся родимая земля.

Рассказывает комсорг заставы

Ну, денек...
Будь он неладен:
уже четыре тревоги за день.
Летишь, как из пушки,
в гору —
а все виноваты приборы:
ну, не смешно ли, ей-богу,—
лисица проскочит
и сразу — тревога...
А за четвертой — пятая,
пятая проклятая:
бежали —

не мило ничего на свете

уже не на втором дыханье,
а на третьем...
Но это я так.
Здесь нет штучек-дрычек:
сегодня — лисица,
а завтра — лазутчик.
Давайте, к примеру,
мы с вами возьмем
тех вот,

которые в сорок всеьмом...
О, это классные шпики были
(нам не раз о том говорили),
подумать только —
целых два года
зубрили они

полосу перехода,
карту сварганили —
как и куда,—
чтобы ни запаха и ни следа.
А разных там справок
и паспортов

хватило б, наверно,
на десять домов.
И денег несли они —
целую кучу,

министру хватило б
на сотню получек...
И, как по заказу,—
ливень и гром,
тешились, видно:
«Теперь-то пройдем...»
Целых два года
готовились «в путь»,
а в сети попали
за десять минут...
Второй-то умом
ковырнулся с колес
от лютои зверской к нам:
сунул руку
меж тесных берез
и —

кость напополам.
Прошли бы волки
таких мастей,—
они бы у нас
наломали костей.

И все еще рыщут —
в жару и метель —
матерые волки
у наших земель.
Такая она —
эта волчья стая...
Опять тревога —
за день — шестая!..

ОТ АВТОРА

1

Кто там,
сбежав от России,
люует, Россию кляня?..
Живая вода оросила
зябнувшие зелена.
Ах, теплый дождик,—
добрый вестник,—
ты шелестишь
в моей строке,
как будто мать
мне шепчет песню
на колыбельном языке.

2

Кто там
молится на Россию,
аж весь лоб в синяках?
Не нужны ей
слова пустые
и любовь — на словах.
Знал я одного святошу —
был просто ангел божий.
И что же?
В стихах неистово
на Россию молился,
а сам за границу
смылся...
Разве клянутся
быть матери верным?
Просто надо —
всегда и во всем —
быть ее защитником первым
и первым кормильцем ее...

3

Если Россия
встанет с мечом
и беспощадна
на поле брани,
то Россия тут ни при чем,
а при чем те,
кто за гранью.
Много их,
что на Россию зарятся,
за дальними границами
и близкими.
Но намертво граница заперта
живыми сердцами
и обелисками,

«ТОЛЬКО НА ЛИНИЮ ОГНЯ!»

См. 2-ю стр. обложки

**Людмила
СОЛОМЕННА**

Комсомольский билет № 8144911. На имя Островского Николая Алексеевича. Год рождения 1904-й. Время вступления — 1919-й. Выдан Сочинским горкомом комсомола в 1932 году. Подлинник хранится в Сочинском доме-музее писателя.

Этот билет заменил прежний — старенький, боевой билет, который Николай Островский одним из первых получил в Шепетовке. С ним он мчался на взмыленном коне с обнаженной саблей, учился побеждать в огне классовых боев. С новым билетом Островский помогал строить новую жизнь и собственной судьбой дал пример нового человека...

«Было так, что вместе с комсомольским билетом мы получили ружье и 200 патронов», — этими словами Островский начинает разговор с сегодняшним сверстником.

В зале музея все сурово. Панели обиты серым шинельным сукном. На таком же сукне под стеклянным колпаком — буденовка, сабля, бинокль, потрепанный томик «Овода»... Это — время юности Островского, время юности Павки Корчагина.

Документы рассказывают о детстве, которое закончилось в десять лет, о боевой юности, начавшейся в пятнадцать. О комсомоле. О революции. Как горячий осколок времени плакат на стене: «Райком закрыт. Все ушли на фронт!». Островский ушел воевать, даже не дождавшись пятнадцатилетия. Кавалерийский разведчик в дивизии Котовского. Отчаянно смелый боец конницы Буденного. В шестнадцать лет тяжело ранен, но — как бы ни были мучительны перевязки и операции, Островский стонет лишь тогда, когда теряет сознание. Рядом с ним — Овод, его герой, его идеал. В восемнадцать лет — полностью нетрудоспособен. Но он все же стоит на ногах, а это значит: вперед, только на линию огня, только через трудности к победе!

Жизнь Николая Островского не измерялась десятилетиями. Счет шел на месяцы, недели, часы.

Грустно звучит в зале музея запись рассказа супругов Тарасюк, у которых он жил в то время: «Был он крепко нездоров тогда, особенно мучился ногами. Они распухали в коленях и не сгибались... Спал мало, ел когда попало... Все было некогда, все

на работе. Время было беспокойное, и ночевать дома не часто удавалось: то в облаве на банду участвует, то в походе на контрабандистов, то в милиции или райкоме на ночном дежурстве занят».

Он растратил свое здоровье, не оглядываясь. Ему так много нужно было успеть сделать: «Надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-нибудь трагическая случайность могут прервать ее». Так думал Павка. Так думал Островский. Он не зря торопился. Случилось самое страшное: в двадцать два болезни навсегда приковала его к постели.

Но не победила: «Только мы... так безумно любящие жизнь... не можем уйти, пока не останется хоть один шанс».

В двадцать четыре года Островский ослеп.

И тут он находит свой единственный шанс — пишет книгу о своем поколении, о комсомоле. Островский начал писать «Как закалялась сталь» не в роскошном доме, где сейчас размещается музей, — первые строки книги он писал в маленькой перенаселенной московской комнатухе. Шумели соседи, гудели примусы, не было бумаги... И ни на минуту, ни на секунду не оставляла его боль в суставах. И все же он был счастлив: «То, что я прикован к постели, не значит, что я больной человек. Это неверно! Это чушь! Я совершенно здоровый парень. То, что у меня не двигаются ноги и я ни черта не вижу, — сплошное недоразумение, идиотская шутка, сатанинская!»

В тихих залах музея звучат слова человека, у которого училось мужеству не одно поколение советских людей: с его книгами солдаты Отечественной шли на смерть, их брали с собой наши космонавты... Островский работал здесь, в шумном праздничном Сочи, куда стекаются люди, чтобы отдохнуть, приятно провести время — этой стороны жизни ни Павка, ни Островский не знали: они не умели отдыхать. «Когда я работал по десять часов в сутки, я еще чувствовал свою болезнь, — писал он. — Но когда я стал работать по восемнадцать часов, у меня не стало времени на болезнь».

...Машинка «Мерседес». На ней печатались «Как закалялась сталь»

и «Рожденные бурей». Кабинет-спальня. Кровать без одной спинки — чтобы больше друзей поместилось рядом. Письменный стол, рояль, воронка репродуктора, диван, стулья, книги, шахматы. Дом приспособлен для работы. Он сам его сделал таким. В этом доме кипела работа, кипела жизнь. Островский приехал в Сочи даже не лечиться — он знал, что никогда не встанет на ноги. Он хотел просто подержать свое здоровье. Он торопился, он очень спешил: «Да здравствует упорство. Побеждают только сильные духом. К черту людей, не умеющих жить полезно, радостно и красиво. К черту сопливых нытиков. Еще раз да здравствует творчество!»

Трудно поверить, что эти слова говорил человек, которому предвещало его тело вынесло смертный приговор. Вот несколько слов из истории болезни Островского: «Прогрессивный анкилозирующий полиартрит. Одеревенелость позвоночника. Травматический невроз. Плеврит. Пиелит. Камни почек. Слепота...» Этот список можно продолжить. И не надо быть врачом, чтобы понять, каких сил стоило жить и бороться этому негибшему человеку.

Шесть лет Островский прожил в Сочи. Шесть из десяти лет творческой деятельности. Эти шесть лет отвоены у смерти. Отсюда, из Сочи, прозвучали слова: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

Сочи, улица имени Павки Корчагина — героя книги Островского. В вечном торжественном карауле застыли могучие кипарисы у дома с табличкой «Государственный музей Н. А. Островского». Этот дом был подарен писателю правительством Украины. Он стал первым музеем Островского в нашей стране.

Со всех концов страны идут в музей отчеты корчагинцев наших дней. Юность Корчагина, жизнь Островского не стали музейной реликвией. Островский и сегодня борется.

**Леонид
БОГОЯВЛЕНСКИЙ**

В 1943 году, летом, купил я в Ленинграде тоненькую, как школьная тетрадка, книжицу «Вася Теркин на Ленинградском фронте». Она еще пахла типографской краской и свежей, из рулона, бумагой.

Враг продолжал осаду города. Варварски обстреливал улицы из дальнбойных срудий, а ночью обрушивал на жилые дома фугасные и зажигательные бомбы.

И то, что в такой обстановке в Ленинграде печатали и продавали книги, казалось чудом. Это и удивляло, и восхищало.

У маленькой, невзрачной на вид книжки оказалась завидная судьба и богатая событиями история. И вовсе не случайно появилась она именно в сорок третьем году. Об этом узнал я потом, а тогда, прислушиваясь к разрывам, открыл страничку и прочитал:

*Много, много у солдата
И лишений, и тревог.
Сколько пройдено, ребята,
Сколько стоптано сапог!..*

Близкое и знакомое. Сам в свои девятнадцать лет стоптал на дорогах Ленинградского фронта не одну пару солдатских кирзовых сапог на рези-

новой подошве. Знал я, что и автор стихов, Михаил Дудин, побывал в огне Гангута.

Книжка начиналась стихотворением А. Прокофьева о возвращении Васи Теркина на Ленинградский фронт:

*Весь в патронах, весь в
гранатах,
Через села, города...
Вы поверьте мне, ребята,
Как я рвался к вам сюда!..*

А заканчивались стихами А. Фли-та и М. Дудина «Вася Теркин в день двадцатипятилетия»:

*Красной Армии ровесник
Наш разведчик боевой!..*

На каждой из остальных 27 страниц помещалось по шесть картинок в рамках и по шесть четверостиший, составляющих рассказы о славных боевых делах смелого и умелого сержанта разведчика Васи Теркина: «Как Вася Теркин немца в оцепу превратил». «Как Вася Теркин самолет фашистский сбил». «Как Вася Теркин мешок приспособил» и т. д.

Картинки рисовал ленинградский художник-карикатурист Борис Михайлович Лео. Стихи писали и про-

фессиональные поэты В. Иванов (большой Иван Муха), Б. Лихарев, В. Сянов, А. Флит, М. Дудин, А. Прокофьев и просто бойцы и командиры.

Все это печаталось в газете Ленинградского фронта «На страже Родины». Лучшее и составило сборник.

Отшагала книжка со мной до Победы и вот жива и поныне.

Как-то в редакции «Уральского следопыта» заглянул в справочник Союза писателей, нашел Владимира Михайловича Иванова. А не он ли Иван Муха? Набираю номер телефона и в ответ слышу мягкий, добродушно усмевающийся голос:

— Иван Муха — это я...

Владимир Михайлович и указал те тропки, которые привели меня к кладезям сведений о Васе Теркине.

Напомню: как литературный персонаж Вася Теркин появился в газете «На страже Родины» в финскую кампанию. Образ этого героя создали поэты А. Твардовский и Н. Шербаков, художники В. Брискин и В. Фомичев.

5 января 1940 года в первом стихотворении, открывающем теркинский цикл, А. Т. Твардовский дал общий портрет героя:

*Вася Теркин? Кто такой?
Скажем откровенно:
Человек он сам собой
Не обыкновенный!..*

Заголовки всех последующих стихотворений начинались единообразно: «Как Вася Теркин...» Тогда же удачно определился и характер рисунков: забавные, остроумные картинку в рамках, похожие на мультипликацию.

По душе пришелся фронтовикам новый литературный герой. Его полюбили и запомнили.

...Надо сказать, успех Васи Теркина объяснялся не только потребностью солдатской души позабавиться чем-то веселым, несколько разряжающим нервное напряжение, но и удивительным совпадением литературного образа с реальными людьми. Теркины были, и обязательно, — в каждом подразделении, в каждом воинском коллективе: рассказчик ли, частушечник ли, гармонист, танцор или просто балагур, но обязательно удачливый, неунывающий, верный и надежный. С ним не пропадешь, а без него не проживешь.

Уже в Отечественную войну встречались мне подобные человеческие типы и среди шоферов, с которыми колесил по избитым фронтовым дорогам, доставляя на огневые позиции боеприпасы, и среди пехотинцев где-нибудь в окопе боевого охранения впереди переднего края, под самым носом у противника, и во всех иных местах, где на какое-то время сходились люди — на вокзалах, на пересельных пунктах...

В апреле 1940 года, после окончания войны с Финляндией,

А. Т. Твардовский задумывает большую поэму о войне и главным героем ее выбирает Василия Теркина.

К 1941 году было «написано уже строк сто», но 22 июня А. Т. Твардовский прервал эту работу, убыл на фронт и только весной 1942 года, приехав в Москву и «заглянув в свои тетрадки, вдруг решил оживить «Василия Теркина». 4 сентября 1942 года в «Красноармейской правде» печатаются первые главы поэмы, а в декабре — на фронте и в январе 1943-го — в Москве первая часть поэмы выходит уже отдельной книжкой. В марте того же года в Ленинграде появляется на свет тот сборничек «Вася Теркин на Ленинградском фронте», который я и купил летом. Произошло небывалое раздвоение литературного героя. И вот как это случилось.

Ленинградцы пережили первую, самую тяжелую блокадную зиму 1941/42 года. Весной начались активные боевые действия по деблокадированию города. Еще еле заметно, но уже брезжила заря победы. И тут фронтовики вспомнили о бывалом солдате «Васе Теркине». В газету «На страже Родины» пришли письма с просьбой возобновить теркинский цикл. Настражинцы посоветовались и решили поставить Васю Теркина в литературный строй. Максим Ильич Гордон, редактор «На страже Родины», писал в своих воспоминаниях, что А. А. Фадеев, в апреле 1942 года перебравшийся через фронт в блокированный Ленинград, поддержал намерение журналистов.

— Правильно сделаете, — сказал он. — Ваш коллектив это дело вытянет.

А. А. Фадеев с интересом прочитал подготовленные к печати тексты и дал немало полезных советов по улучшению всего цикла.

Первого мая 1942 года (впервые после финской кампании) в газете появляется стихотворение А. Прокофьева о возвращении Васи Теркина и тут же «Как Вася Теркин фрицев обедом накормил», пятого — «Как Вася Теркин захватил фашистского писака».

Возможно, эти публикации и подтолкнули А. Т. Твардовского вернуться к своему «Теркину». В июне 1942 года, возобновив работу над «Теркиным», пишет он первые строки вступления к поэме.

Настражинцы ничего об этом не знали и продолжали начатое дело. К февралю 1943 года решают они издать сборник лучших публикаций о Теркине. И вот почему. Три года назад, в феврале 1940 года, уже выходил пятитысячным тиражом сборник-альбом, выпуск первый «Вася Теркин на фронте». Издание 1943 года становилось как бы традицией, естественным продолжением первого выпуска.

Сборник 1940 года начинали сти-

хи А. Твардовского, а заканчивали стихи С. Маршака:

Не в Париже, не в Нью-Йорке —

*В деревушке под Москвой,
Родился Василий Теркин,
Наш товарищ боевой...*

С. Я. Маршак дорожил своим причастием к созданию образа Васи Теркина и хранил у себя его портрет, выполненный тушью. Он же определил место рождения героя. Поэтому-то А. А. Прокофьев и писал в 1942 году о возвращении Теркина в Ленинград, полагая, что после финской войны он жил под Москвой. Тогда же А. М. Флит и М. А. Дудин установили и возраст бойца. Таким образом полностью составил литературный портрет первого Теркина. В сборник 1940 года входили, кроме того, стихи Н. Тихонова, Ц. Солодаря, Н. Шербакова...

Вот так и получилось с Теркиным: Вася воевал на Ленинградском, а Василий — на других фронтах. Один — из области литературной сатиры и публицистики, другой — из области лирики...

Помню, я подметил, что в стихах о Васе Теркине есть не только забавное, но и поучительное. Позже в качестве назидательной иллюстрации я даже читал курсантам, с которыми проводил военные занятия, стихи о том, «Как Вася Теркин лопатой действовал» и «Как Вася Теркин самолет фашистский сбил». Последнее настоящим образом излагало правила стрельбы из винтовки по воздушным целям.

И вот что рассказал М. И. Гордон в своих воспоминаниях (он был и ответственным редактором второго сборника). Командующий войсками Ленинградского фронта генерал-лейтенант артиллерии Л. А. Говоров (с июня 1944 года Маршал Советского Союза) сказал однажды Максиму Ильичу:

— Я знаю, как солдаты любят Теркина. Не попробовали ли вам вложить в его уста вместе с острым словом полезные для бойцов советы? — Л. А. Говоров заметил, что порою бойцы пренебрегают лопаткой, плохо окапываются, и подразделения несут потери в людях: — А если правильно разработать тематику действий бывшего воина Теркина, он может в какой-то степени содействовать обучению бойцов.

Газетчики выполнили рекомендацию командующего и напечатали стихи бойца Ивана Мухи «Как Вася Теркин лопаткой действовал». Постепенно весь цикл приобрел военно-прикладной характер.

Владимир Иванович Иванов писал мне в октябре 1977 года: «Как-то к нам в редакцию «Боевой красноармейской» 55-й армии летом 1942 года из редакции «На страже Родины» приехал поэт-сатирик Александр Матвеевич Флит.

Как Вася Теркин за «кукушью» охотился

Из разведки Вася Теркин
Возвращался в полк
Взрывом рожней
Взрыв взрыв — моторы
Самшит — каждый звук
Лесной

Глаз-те балюка у оптички
Вотки стелуи и скривает
Истре мот, то
Скрити «кукушью»
Нася скривити автобат

По-оложички приидется
Эту пичку приидити
Каска динитесь трясется
Нася дергает за нить

Гут «кукушка»
Со сарфаном
И каску с дуром наиз
Стои голубушка
Ловкаво
Нася отичке говорит...

Тя же отел: нет макушку
Ланкой на отавом
Ме Вася сны «кукушка»
Матков чухай тавали

Теркин много с пичкой
Сила новаший автомат
И донел к себе с трубой
Историчитесь навал

Александр Матвеевич стал жаловаться, что очень трудно вести отдел «Прямой наводкой» — уголок фронтового юмора и сатиры и особенно тяжело продолжать серию стихотворных рассказов о фронтовой смекалке, мастерстве и доблести Васи Теркина.

Я пообещал поспросить кое-что у фронтовиков.

В одном из подразделений разведчики мне рассказали: чтобы обмануть врага, они набили мешок травой, приделали к мешку каску, с двух сторон привязали тонкие веревки. С наступлением сумерек мешок ожил — стал двигаться то в одну, то в другую сторону. Фашисты открыли пальбу по мешку. Той порой разведчики незаметно подползли к вражеской огневой точке и закидали ее гранатами. 17 сентября 1942 года в газете «На страже Родины» напечатали «Как Вася Теркин мешок приспособил». Было указано: «Текст бойца Ивана Мухи». Этот псевдоним придумали сотрудники «Боевой красноармейской» как коллективный псевдоним, но закрепился он за мной...

Настражинский Вася Теркин добросовестно выполнил свою задачу и с окончанием Великой Отечественной войны ушел «в запас». Мне захотелось напомнить о нем.

Из безвестности — в бессмертие

Григорий
БРАЙЛОВСКИЙ

Эхо войны...

*Это — притаившаяся смерть
от неразорвавшихся снарядов.*

*Бурьян на месте
испепеленных деревьев.*

*Безымянные могилы в лесной
глухомани.*

*Это — и трагичная отписка войны:
«Пропал без вести...»*

*Эхо войны живет в сердцах
старых фронтовиков и в
сердцах тех, кто родился
после Победы, — фотокарточкой отца
в семейном альбоме,
найденной следопытами
последней солдатской запиской,
болью родных,
не ведающих,*

где могилы пропавших без вести...

*Много тайн хранит до сих пор
земля бывлых сражений.*

*И хорошо, что есть люди,
которых не смущает
ни давность подвига,
ни сложность поиска —
даже когда они работают
в одиночку.*

«Самолет горит, экипаж ранен, задание выполнено. Прощайте, товарищи! Белугин».

Радиограмму приняли в штабе 58-го бомбардировочного полка 19 декабря 1943 года.

К железной дороге через деревню Корпикюли Гатчинского района Ленинградской области весь день тянулись колонны фашистских войск. В полдень в воздухе появились советские бомбардировщики. Встав в круг, они один за другим атаковали врага. Запылали грузовики и железнодорожные эшелоны, в панике разбегались фашистские солдаты... На помощь из-за облаков вынырнули вражеские истребители, завязался воздушный бой. Фашистам удалось отсечь один бомбардировщик и поджечь его...

Вылетевшие в район гибели экипажа майор Анискин и капитан Жуков место падения самолета обнаружить не смогли. После освобождения Гатчинского района в деревню приезжали однополчане погибших, спрашивали местных жителей. Все помнят — был бой, все видели, как загорелся самолет... Но взрыва при падении не видел никто.

И тогда в книге безвозвратных потерь 58-го полка появилась запись: «Экипаж в составе капитана Белугина Виктора Павловича, старшего лейтенанта Гончара Павла Максимовича и старшины Алтухова Сергея Федоровича 19 декабря 1943 года с боевого задания не вернулся». Родным летчиков были посланы официальные извещения: пропал без вести...

Уже в наши дни о гибели бомбардировщика узнал гатчинский слесарь Михаил Алексеевич Марков. Узнал от старожилов.

Не одни сутки в зной и под дождем колесил Марков на своем мотоцикле по деревням, лесам и болотам. Расспрашивал жителей, мысленно восстанавливал картину боя. Опытным глазом нашел почти незаметные следы от падения самолета — их сохранили деревья и земля. Пустил в ход самодельный миноискатель, а потом — просто штыковую лопату.

Обнаружилась кабина самолета... И Марков сказал себе: «Они». В кабине, пристегнутый ремнями к сиденью, положив руки на штурвал, сидел пилот. Вернее, то, что осталось от него. Второй член экипажа находился рядом, третий — позади.

Три дня велись раскопки бомбардировщика. Боевые ордена, документы, обнаруженные при погибших, подтвердили — да, это экипаж Белугина. И пошли запросы в архивы, военкоматы, газеты... Марков искал родственников.

Спустя тридцать пять лет отдать последний поклон героям приехали жена Белугина Таисия Петровна, сын Валерий, брат и сестра Гончара — Михаил и Нина, сестра Алтухова. Они никогда раньше не знали друг друга, приехали из разных областей и здесь впервые встретились — у холмика братской могилы.

А чуть в стороне стоял Михаил Алексеевич Марков, неутомимый следопыт, пославший всем этим людям весть о том, что их мужья и братья не пропали без вести...

Слесаря-сантехника Маркова знают в Гатчине сослуживцы, да еще соседи. Имя Маркова-следопыта известно далеко за пределами Ленинградской области. «Низкий вам поклон, Михаил Алексеевич, за ваш благородный труд...» — такие письма приходят по адресу: Ленинградская область, Гатчина, улица Куприна, 50, Маркову. Их много, писем. Тем, кто писал их, никогда не приходилось раньше бывать на ленинградской земле, не доводилось слышать названий: Тосно, Сабск, Волосово, Луга, Копикули... Знали эти названия их отцы, сыновья и братья, сражавшиеся в здешних краях и покоящиеся безвестно более тридцати пяти лет в этой земле.

Разный поиск ведут следопыты. Одни восстанавливают списки погибших в войну земляков, сослуживцев или сокурсников, одноклассников. Другие ищут неизвестных героев...

Михаил Алексеевич Марков ищет эпицентры воздушных боев и места падения боевых самолетов. Ищет и находит!

Результат этого труда — сорок два разысканных и извлеченных им из болот и озер самолета, останки двадцати летчиков. Фамилии четырнадцати из них Михаилу Алексеевичу удалось установить, найти родных и сообщить им о случившемся много лет назад. По найденным деформированным деталям приборной доски, искореженным частям фюзеляжа и крыльев, вооружению, по десяткам других, известных ему признаков определял он тип самолета, принадлежность его к той или

Белугин В. П.

Гончар П. М.

Аптухов С. Ф.

иной воинской части. состав экипажа.

По возрасту Марков солдатом Отечественной войны быть не мог. Когда местность, где он жил с родными, была захвачена гитлеровцами, ему было только двенадцать лет. За два с половиной года оккупации он стал взрослым.

— Все мои родные погибли от рук фашистов,— рассказывает Михаил Алексеевич.— Сам чуть не умер от голода... Не раз мальчишкой мне приходилось видеть воздушные бои, и всегда щемило сердце — кто кого?.. Помню, как над нашим селом И-16 вел бой с тремя «мессерами». Никогда не забуду свою радость, когда летчику удалось свалить двух стервятников, и свою боль, горечь, когда истребитель загорелся, упал и взорвался на поле... Я переживал гибель летчика и свое бессилие...

Далекое событие проросло, как глубоко запавшие зерна. Бывший мальчишка, плакавший от бессилия, ищет сейчас тех самых летчиков, что погибли в схватке с врагом.

...О гибели бомбардировщика СБ ему рассказал житель деревни Язвище В. И. Чугунсов. Место падения на этот раз оказалось известным — болото. Обследуя ближайшие подступы к нему, Марков нашел на поверхности останки одного из летчиков, при нем был только перочинный нож.

Залитая водой трясина не позволяла продолжать поиск. Лишь спустя два года, когда здесь стало

суше, Михаилу Алексеевичу и его добровольным помощникам Саше Ефимову и Саше Одинцову удалось обнаружить бомбардировщик. В обгоревшей полевой сумке — штурманские расчеты, хорошо сохранившаяся карта, бортовой журнал и другие документы. Время и болото не пощадили бумагу, но кое-что прочесть можно было.

— Случилось это в двадцатых числах августа сорок первого,— говорит Михаил Алексеевич,— видите записи в бортовом журнале: «Рассвет — 2 ч. 14 мин., темнота — 23 ч. 40 мин., восход луны — 5 ч. 35 мин. Самолет взлетел в 3.00 в совхозе «б. Заречье», маршрут — совхоз «Красногорский», ст. Оредеж, озеро Орлинское, время полета — 50 мин.»

Марков показывает чудом уцелевший недописанный рапорт: «НКО. Лисино... старшего лейтенанта Старовойтова командиру 2 эскадрильи...»

Они тоже пропали без вести. Тридцать шесть лет стояли эти слова против фамилий летчиков Линчевского и Старовойтова в архивных документах Министерства обороны СССР, тревожили память родных и однополчан. Благодаря гатчинскому следопыту и эта тайна теперь раскрыта.

Недавно в отделе «Отзовитесь!» ленинградской газеты «Смена» опубликовано письмо М. А. Маркова:

«6 июля 1941 года не вернулся с боевого задания самолет 311-го разведывательного авиационного

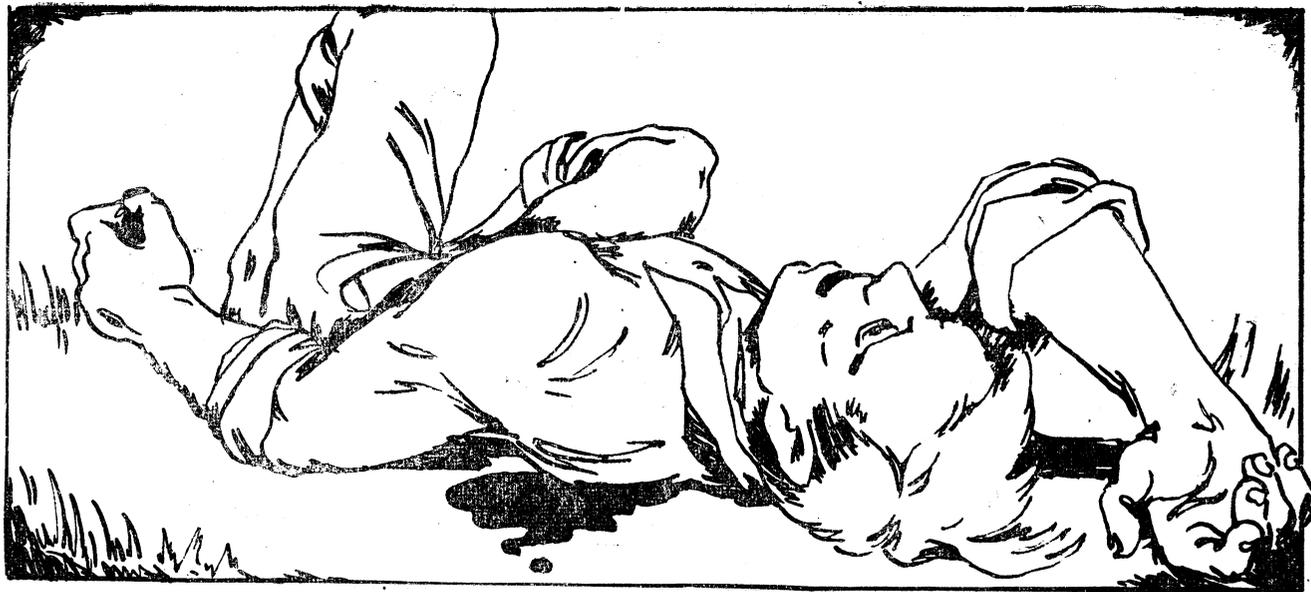
полка, ведомый летчиком капитаном Панфиловым Константином Ивановичем. Это случилось после воздушного боя, когда в неравной схватке над деревней Бизюлино Островского района самолет Панфилова был сбит. Пилот и штурман старший лейтенант Тютюник погибли, а стрелка-радиста Анатолия Кузнецова спасла местная жительница Маруся Орлова. Мне удалось разыскать место захоронения летчиков и поставить памятный знак. Удалось путем запросов отыскать племянницу летчика Панфилова, жительницу Калужской области М. В. Костылеву, она в свою очередь сообщила, что в Ленинграде проживает дочь Панфилова. Хотелось бы ей поведать о героической судьбе ее отца.»

А вскоре газета получила отклик: «Из публикации в «Отзовитесь!» я узнала о судьбе своего отца капитана К. И. Панфилова. Весть о нем мы с мамой ждали более тридцати пяти лет. Выражаю глубокую признательность следопыту из Гатчины Михаилу Алексеевичу Маркову. Т. К. Панфилова-Артемьева.»

Еще один поиск закончился успешно. Не первый поиск. И не последний...

Ленинград

ПРИ ЗАГАДОЧНЫХ

Повесть

Михаил
ЧЕРНЕНОК

Рисунки
Н. Павлова

Глава I

Такого заядлого грибника, как дед Лукьян Хлудневский, в Серебровке со дня ее основания не знали. Несмотря на свои «семьдесят с гаком», старик был еще так легок на ногу, что не каждый из молодых мог с ним потягаться. От колхозных дел Лукьян отошел по «пенсионным годам», а поскольку мать-природа здоровьем его не обидела, то с наступлением грибного сезона дед не мог усидеть дома и целыми днями сновал с берестяным туесом по серебровским колкам.

Тот сентябрьский день для Хлудневского начался неудачно. Едва старик достал из-под лавки туес, обычно спокойная бабка Агата заворчала:

— И когда ты угомонишься? Девать-то грибы уже некуда...

— В сельпо сдадим,— тотчас ответил дед Лукьян.— На прошлой неделе Степан Екашев с сыном полста рублей отхватили за малосольные грузочки.

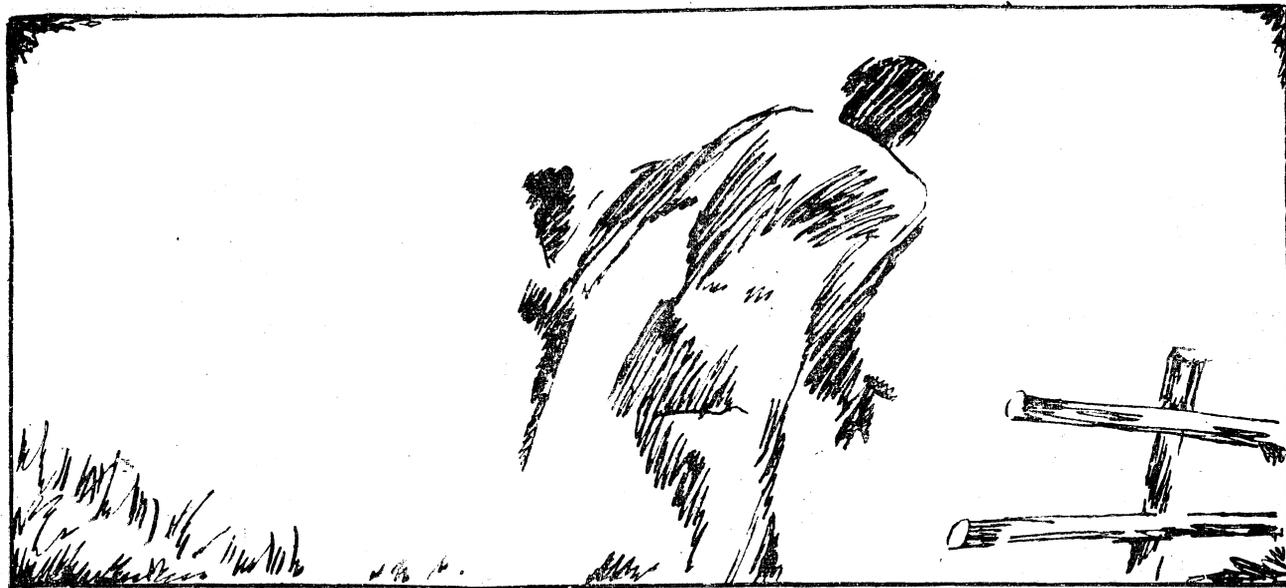
— То Екашев! У Степана копейка меж пальцев не проскочит, не то

Черненко Михаил Яковлевич родился в 1931 году в селе Высокая Грива Тогу-чинского района Новосибирской области. Окончил штурманское отделение Новосибирского речного техникума. Долгое время работал в судовой инспекции Обского бассейна и в Западно-Сибирском речном пароходстве. В 1969 году перешел на газетную работу, затем был редактором отдела прозы в журнале «Сибирские огни». Член Союза писателей СССР.

На протяжении многих лет М. Черненко избирался заседателем народного суда. Здесь и возник у него замысел цикла повестей «Следствие установлено» («Тайна старого колодца», «Поручается уголовному розыску», «Кухтеринские бриллианты», «Ставка на проигрыш»), где основным героем стал сотрудник уголовного розыска Антон Бирюков. Повести печатались в журнале «Сибирские огни» и выходили отдельными книгами в Западно-Сибирском книжном издательстве. Они переведены на чешский язык.

«При загадочных обстоятельствах» — новая повесть, продолжающая цикл «Следствие установлено». В «Уральском следопыте» М. Черненко публикуется впервые.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

что у тебя простофили. Вчера ить только полный туес по деревне задарма разнес и опять направляешься.

— Не задарма, за спасибо.

Бабка Агата махнула рукой и сердито принялась мыть в чугуне картошку. А дед Лукьян юркнул за дверь, забыв в второпях бутылку воды, которую всегда брал с собой.

Как на зло, день выдался безветренным и жарким, будто в разгаре лета. Когда солнце поднялось к зениту, старик изрядно запарился. Добравшись до Выселков — так серебрявцы называли место прежних крестьянских отрубов, — дед Лукьян свернул на знакомую тропку и зашагал к студеному роднику. До желанной воды оставалось рукой подать, но Хлудневский вдруг вспомнил, что у родника обосновался цыганский табор, подрядившийся слесарничать в колхозе. Дед Лукьян издавна не любил цыган и старался избегать с ними встреч. Досадливо крикнув, старик поцарапал сивую бороду, развернулся и задал кругая до колхозной пасеки. Возможная встреча с пасечником Гринькой Репьевым, прозванным в Серебровке Баламутом, тоже не радовала деда Лукьяна.

Сокращая путь, старик свернул в молоденький березовый колок и, поглядывая по сторонам — не попадет ли где попутно добрый груздь, — неожиданно увидел роящихся над ворохом прошлогоднего сушняка пчел. «Х-хэ, дурехи, нашли медовое место», — усмехнулся дед Лукьян. Из любопытства старик подошел к суш-

няку и осторожно, чтобы не жиганула шальная пчела, стал растаскивать хворостины. Под ними оказалась алюминиевая фляга, полнехонькая свежего меда.

«Мать моя, мачеха! Не иначе Гринька припрятал, чтоб уворовать», — встревоженно подумал Хлудневский и, отмахиваясь от пчел, торопливо уложил хворост на место. «Глаза бы мои тебя не видели, Баламута», — возмущался дед. Но до деревни было добрых две версты, а пасека — вот она, за колком сразу. Пить хотелось — хоть помирай. И дед Лукьян все-таки решил зайти на пасеку.

Безудержно стрекотали кузнечики. Словно соревнуясь с ними, одинокая пичуга раз за разом вопрошала: «Никиту видел, видел? Никиту видел, видел?» Рядом с избушкой пасечника, уткнувшись оглоблями в густую траву, стояла телега. За ней, раскинув босые ноги, навзничь лежал Репьев. Неподалеку валялись куски медовых сотов и опрокинутая металлическая чашка.

«Вот работник царя небесного натрескался», — осуждающе подумал о Гриньке Хлудневский. Опустив на землю туес с груздями и подошел к избушке, у которой, возле распахнутой настежь двери, на скамеечке стояло ведро с водой. Вода была теплой, но дед Лукьян прямо из ведра пил ее жадными глотками. Утолив жажду, отдышался и вдруг почувствовал необъяснимую тревогу — показалось, будто Гринька Репьев не дышит. Дед Лукьян крадучись подошел к нему и остолбенел — горло пасечника было

глубоко перерезано, а на порванной рубахе за-
пеклась кровь.

Хлудневский никогда не отличался религиоз-
ностью, но тут, чувствуя, как ноги будто при-
росли к земле, старательно начал креститься.

Глава 2

Оперативная машина милиции свернула на старую проселочную дорогу и устремилась к серебрянской пасеке. Через несколько минут между березок замелькали разноцветные ульи. За ульями показалась черная от времени избушка-зимовник, возле которой, будто часовой на посту, замер худощавый участковый с капитанскими погонами на серой форменной рубашке. Сидя на ошкуренном бревне, курили бригадир Гвоздарев и еще два колхозника, приглашенные в качестве понятых. Дед Хлудневский, как свидетель, был тут же.

Еще машина не остановилась, а щупленький старший лейтенант милиции уже выскочил, шагнул к участковому.

— Ну, что тут, Кротов?

— Убийство при загадочных обстоятельствах, товарищ Голубев,— участковый показал на труп.— Огнестрельное ранение в грудь. К тому же, видать, бритвой по горлу.

Из машины вылез грузноватый районный прокурор с двумя звездами в петлицах. Протягивая участковому инспектору руку, проговорил:

— Здравствуй, Михаил Федорович. Как же ты проморгал такое?

— Здравия желаю, товарищ Белоносов,— поздоровался Кротов и стал объяснять:— Случай, полагаю, преднамеренный. Предупредить его было затруднительно, поскольку участок у меня, как знаете, не малый, и на всей территории наблюдается массовый наплыв горожан, которые...

— Считаешь, это — дело рук приезжих? — перебил прокурор.

— Непременно, товарищ Белоносов. За двадцать лет моей службы такого тут не было.

— Вот, а на двадцать первом году зарегистрируем,— мрачно сказал прокурор.

Участковый развел руками — дескать, что делаешь.

Выбрались из машины и остальные участники оперативной группы: белобрысый молодой следователь прокуратуры Петя Лимакин, преждевременно расплывший хирург районной больницы Борис Медников, выполняющий обязанности судебно-медицинского эксперта; всегда хмурый эксперт-криминалист РОВД капитан милиции Семенов и пожилой проводник служебной собаки Онищенко со своим подопечным Барсом.

— Приступайте,— коротко сказал прокурор.

Онищенко, ослабив поводок, что-то шепнул овчарке. Шерсть на загривке Барса вздыбилась. Пригнув морду к траве, дымчато-серый пес уверенно потоптался перед входом в избушку и сунулся к трупу. В трех шагах от него нервно заводил носом, словно принюхиваясь к босым ногам пасечника, затем покружил у телеги и потянул Онищенко к березовому колку. Старший лейтенант Голубев устремился следом.

Ворвавшись в колок, Барс сунулся к сушняку, из-под которого виднелся белый бок фляги, повернул было назад, но словно передумав, тут же закружил на месте. Неожиданно повеселев, он потянул проводника вдоль тропинки. Быстро миновал березовый колок, прыжком перемахнул через журчащий родничок и, вместе с Онищенко выбежав на утопанную поляну, где чернело пепелище недавнего костра, светло сделал несколько восьмерок. И лег, виновато посмотрев на своего хозяина.

— Упраздился, лучший друг человека? — оставившись рядом с Барсом, спросил запыхавшийся от бега Голубев.

— Многие тут побывали,— попытался оправдать собаку Онищенко,— затоптали след.

Голубев медленно побрел по поляне. Кругом валялись обрывки газет, окурки, пустые пачки «Севера» и «Примы», консервные жестянки, несколько бутылок из-под вина «Волжское». В трех местах торчали колышки от просторных палаток. Лежала раздавленная каблуком белая пачка от сигарет «Союз — Аполлон».

Суглинок у родника густо затоптан босыми ребячьими ногами. В кустах за родничком обломки старого тележного колеса. За кустами трава примята, словно от поляны по направлению к пасеке проехали на телеге.

Онищенко пустил Барса по этому следу. Обогнув колок, тележный след вывел на выкошенный неширокий луг. Здесь по отпечаткам копыт можно было предположить, что лошадь гнали во весь мах к старой тракторной дороге, проходящей от пасеки метрах в ста пятидесяти.

Возле пасеки телега, похоже, останавливалась. У этого места Барс опять занервничал и круто свернул влево, к пасечной избушке. Не добежав метров пять до трупа, остановился, поводил носом и через реденький колок вернулся к тележному следу на кошенине. Отмахав вдоль него до старого тракта, покрутил восьмерки и точно так же, как прошлый раз на поляне, прилег, высунув язык. Голубев, пристально рассматривая старую дорогу, без подсказки Онищенко понял, что дальше собака ровным счетом ничего не покажет — проехавшая следом за телегой груженная машина широкими своими скатами, словно утюгами, пригладила поросшую травой колею.

Когда Голубев и Онищенко с понурым Бар-

сом пришли к пасеке, следователь Лимакин уже набрасывал схематический план места происшествия, а эксперт-криминалист Семенов, сосредоточенно морща лоб, «колдовал» над принесенной из колка флягой, снимал с нее отпечатки ладоней и пальцев. Борис Медников, докуривая сигарету, разговаривал с прокурором. Участковый Кротов, старик Хлудневский и понятые слушали их.

— Что за туристы там стояли? — кивнув в сторону родника, спросил Голубев.

— Табор цыганский с полмесяца обитался... — густым басом ответил бригадир Гвоздарев и, словно сам испугавшись своего голоса, смущенно кашлянул. — Дело такое — уборочная в разгаре, а слесарей кот наплакал. Подвернулись эти самые цыгане, предложили свои услуги. Я, конечно, с председателем согласовал, с Бирюковым. Пристроил я цыган в мастерской. Работу нарядами оформлял, оплата — в конце каждой недели. Так договорились. Работали любо-дорого. Сегодня спозаранку, как всегда, в мастерской появились, а когда удочки смотали — ума не приложу...

Голубев удивился:

— Что, и деньги, заработанные за последнюю неделю, не получили?

— Деньги они получали в правлении колхоза, в соседней деревне Березовке, — бригадир посмотрел на старика Хлудневского. — Когда дед Лукьян мне сообщил об убийстве, я как-то сразу на цыган подумал. Позвонил из конторы в мастерскую — там их нет. Стал звонить в правление колхоза, чтобы расчет не выдавали,

а мне говорят, что цыгане в Березовке не появлялись сегодня...

В разговор вмешался участковый Кротов:

— Товарищ Голубев, в ваше отсутствие по распоряжению прокурора я из служебной машины связался по радию с дежурным райотдела и попросил, чтобы организовали задержание табора, поскольку на него подозрение падает.

— Правильно сделали, Михаил Федорович.

Прокурор, глядя на Гриню, сказал:

— Семенов предполагает, что из допотопной берданки почти в упор стреляли.

Голубев подошел к труп, спросил Медникова:

— А горло действительно бритвой?

— Это уже мертвому разрезали.

— Зачем?!

Медников тщательно загасил окур, усмехнулся:

— Тебе, Слава, как инспектору уголовного розыска, самому на этот вопрос ответить надо, а ты врача спрашиваешь...

В избушке у единственного оконца стоял самодельный стол с перекрещенными ножками. На нем — крупно нарезанные ломти хлеба, черный от копоти эмалированный чайник, две деревянные ложки, захватанный пальцами граненый стакан и чуть сплюснутая алюминиевая кружка. За столом, в углу, Голубев увидел узкую кровать с перевернутой постелью. Возле нее — опрокинутая табуретка и новенькие женские босоножки небольшого размера. В правом углу, сразу у двери, была сложена из кирпича приземистая простенькая печь, на которой стоя-

ла прикрытая крышкой кастрюля. От печки вдоль стены выстроился ряд пустых водочных бутылок. У стола валялись окурки, и один из них — с фильтром.

В избушку заглянул прокурор. Спросил у Голубева:

— На месте табора, Вячеслав Дмитриевич, нет характерных деталей?

— Кто-то на телеге торопился в сторону райцентра, Семен Трофимович,— ответил Голубев.— Ума не приложу— куда обувь пасечника делась? Почему он босиком?

— Вчера утром, говорят, ходил в новеньких кирзовых сапогах. Приезжал в Серебровку за колесом для пасечной телеги. Получил его на складе, а куда дел— тоже не известно, так как телега стоит на старых колесах. Бригадир предполагает, что цыганам продал. У их телеги одно колесо совсем негодное было.

— Вполне такое возможно, за родником обломки старого колеса спрятаны. Как понятия о пасечнике отзываются?

— Бригадир рассказывает, что Репьев выпивал лишнего, но дело свое исполнял старательно.

— Из местных жителей?

— Нет, приезжий.

— Это чьи?— показывая на женские босоножки, спросил Голубев.

— Говорят, одной цыганочки из табора. Розой зовут,— прокурор, достав из кармана пачку «Беломорканала», закурил.— Видимо, приласкал пасечник эту Розу, а у цыган на этот счет обычай строгий. Кстати, участковый такую версию выдвигает.

— Михаил Федорович!— позвал Голубев, и Кротов тотчас подошел.— У цыган было ружье?

— По моим сведениям огнестрельного оружия в таборе не имелось.

Голубев сдвинул фуражку на затылок.

— Что за табор был, Михаил Федорович?

— Просто-напросто две цыганских семьи, а вожак— Козаченко Николай Николаевич. Имеет паспорт с временной пропиской в городе Первоуральске Свердловской области.

— Как вели себя цыгане?

— В первые дни цыганки продавали местным женщинам губную помаду, краски для глаз и бровей. Но я побеседовал с Козаченко, и спекуляция прекратилась. Одновременно состоялся разговор и на предмет незаконного хранения не только огнестрельного, но и холодного оружия. Козаченко заверил меня, что такового в таборе не имеется. Оснований для производства досмотра вещей, как сами понимаете, никаких не имелось.

— Может, зря, Михаил Федорович, мы цыган подозреваем,— заговорил прокурор.— Криминалист предполагает, что пасечника застрелили из старой берданки. У местных есть такие?

— Ружья системы Бердан, товарищ Белоносов, местными жителями давно не употребляются. Теперь в моде двустольные бескурковки.

Подошли бригадир и следователь Лимакин.

— Извините, Семен Трофимович,— обращаясь к прокурору, сказал следователь,— осталось только поглядеть избушку внутри и протокол осмотра места происшествия составить.

— Осматривайте с криминалистом,— ответил прокурор.

Голубев вспомнил про смятую пачку «Союз-Аполлон», спросил у бригадира Гвоздарева:

— Кто курил такие сигареты?

Бригадир пробасил:

— Козаченко курил, он чуть не весь запас этого «Аполлона» закупил в серебрявском магазине.

— Хорошо цыгане зарабатывали?— спросил прокурор.

— За последнюю неделю около двухсот рублей вышло. Наряды у меня в столе лежат, можно подсчитать точно.

— О Розе какого мнения?

Бригадир махнул рукой:

— Смазливая, молоденькая. Пляшет, поет, гадает, ребятам подмигивает. Вот Гриня за ней и приударил.

— Сколько же лет Репьеву было?

— Тридцать еще не исполнилось.

— Холостяк?

— Да.

Помолчали. Прокурор опять спросил:

— Слушай, Гвоздарев, а из местных никто с Репьевым не мог счеты свести?

Бригадир отрицательно крутнул головой:

— Нет, за местных я ручаюсь. Гриня, конечно, не ангелом был, и прозвище «Баламут» к нему не случайно прилипло. Иной раз, как выпьет, зубатится с людьми. Но из наших селян на убийство ни один человек не решится.

Прокурор повернулся к Голубеву:

— Будем отрабатывать версию с цыганами. Мы сейчас закончим и уедем, чтобы не тянуть с экспертизой. Тебе же, Вячеслав Дмитриевич, придется остаться на денек в Серебровке, потолковать с народом...

Глава 3

Смерть пасечника не вызвала у серебрявцев особого удивления. Все, с кем пришлось беседовать Славе Голубеву, будто сговорившись, заявляли, что Репьеву на роду было написано умереть не своей смертью. Мнения расходились незначительно: одни считали, что Гриня должен был сгореть от водки, другие— замерзнуть по пьяному делу в сугробе.

В Серебровке Репьев появился пять лет назад, освободившись из тюрьмы. Где он отбывал наказание и за что, никто из серебровцев не знал. В колхозе начал работать шофером,— водительские права у него были,— затем пробовал трактористом, комбайнером, куда-то уезжал из Серебровки, но быстро вернулся и упросил бригадира Гвоздарева направить его на курсы пчеловодов. Прочувшись зиму в Новосибирске, прошлой весной принял колхозную пасеку. С той поры поселился в пасечной избушке. В деревню наведывался лишь за водкой да продуктами. Голубеву рассказывали, что Гриня в пьяном виде любил неразумные шутки. То, бывало, начнет с нехорошим смешком кому-либо угрожать, что подожжет усадьбу. То какой-нибудь засидевшейся в гостях старухе скажет, что у нее старик только что в колодец упал. То всей деревне объявит, будто возле пасеки фонтан нефти забил и начался пожар, который вот-вот докатится до Серебровки. Словом, под пьяную лавочку Гриня баламутил народ основательно.

Трезвый он был замкнутый, нелюдимый и как будто стеснялся своих пьяных выходок. Свое пчелиное хозяйство Репьев вел добросовестно и колхозный мед не разбазаривал, хотя на пасеку частенько подкатывались горожане. Об отношениях Репьева с цыганами никто из серебровцев ничего толком не знал, за исключением того, что Гриня «крутил любовь» с Розой.

Поздно вечером, когда в домах по обе стороны дороги засветились огни, Голубев, наговорившись, пришел в бригадную контору. Гвоздарев, кивком указав на стул, подбил счетными костяшками итог, записал полученную цифру и сказал Голубеву:

— Двести сорок один рубль тридцать четыре копейки надо было получить цыганам за прошедшую неделю.

— Такие деньги шутя не оставляют... Витольд Михалыч, а можно сейчас пригласить сюда кого-нибудь, кто сегодня утром начинал работу с цыганами?

— Попробуем...— бригадир посмотрел на приоткрытую дверь.— Матрена Марковна!— В кабинет заглянула техничка.— Сходи до Федора Степановича Половникова. Скажи, бригадир, мол, срочно в контору зовет.

Когда техничка скрылась за дверью, Гвоздарев повернулся к Голубеву.

— Половников—кузнец наш. В прошлом году на пенсию вышел, а работу не бросает. По моему поручению он как бы шефствовал над цыганами.

— Что они хоть собою представляли, эти цыгане?

— Всего их десятка два, наверное, было. Мужчины в возрасте от тридцати до сорока. Один, правда, парень молодой, лет двадцати—двадцати двух. Красивый, на гитаре, что тебе

настоящий артист, играет. Старуха годов под семьдесят да два пацаненка кудрявых. Старшему Ромке лет около десяти, а другой года на три помладше. Ну, да вот Роза еще...

— Сам Козаченко как?..

— Мужик деловой. Слесарь первейший и порядок в таборе держит—будь здоров! Я как-то смехом предлагал ему стать моим заместителем по дисциплинарной части. Отпетых разгильдяев у меня в бригаде, конечно, нет, но, что греха таить, дисциплинка иной раз прихрамывает...

Только-только Голубев и бригадир разговорились, как в кабинет вошел кряжистый мужчина. Взглянув на Голубева, одетого в милицескую форму, он смял в руках снятый с головы кожаный картуз и, невнятно буркнув «добры-вечер», словно изваяние застыл у порога.

— Проходи, Федор Степанович, садись,— пригласил бригадир.

— Дак, я ж ничего не знаю,—с акцентом сказал кузнец, примасиваясь у самой двери.

— Как цыгане сегодня с работы ушли?— спросил Голубев.

Кузнец пожал плечами:

— Дак, кто ведает, как...

Бригадир нахмурился:

— Ты не был, что ли, с утра на работе?

— Был.

— Ну, а в чем дело, Федор Степанович? Почему откровенно не говоришь?

— Я ж ничего особого не знаю.

— Тебя про особое и не спрашивают. Вопрос конкретный: как цыгане сегодня ушли с работы?

Кузнец помолчал, кашлянул. Затем, обдумывая каждое слово, медленно заговорил:

— К восьми утра все десятеро под началом самого Миколая Миколаича Козаченки явились в мастерскую. Не успели перекурить, Торопуня на своем самосвале подкатил. Правую фару, видать, по лихости умудрился напрочь выхлестать...

— Это шофер наш, Тропынин фамилия, а прозвище за суетливость получил,—объяснил Голубеву бригадир.

Кузнец, соглашаясь, кивнул:

— С Торопуниной фарой занялся сам Козаченко. Быстро управился, и цыгане всем гамузом стали домкратить списанный комбайн, на котором в позапрошлом годе Андрюха Барабанов работал, чтобы годные колеса с него снять... Часов в десять прибег Козаченкин Ромка и во весь голос: «Батяка! Кобылу украли!» Козаченко—к табору. Совсем недолго прошло, опять Ромка прибег. Прогорготал с цыганами по-своему: «гыр-гыр-гыр»,—и вся компания чуть не га-лопом подалась. Больше я их не видел...

— Это при Тропынине произошло?—спросил Голубев.

— Нет. Когда Торопуня, наладив фару, отъ-

ехал с Андрюхой Барабановым от мастерской, поболее часу миновало, как Ромка первый раз прибеж.

Бригадир пояснил Голубеву:

— Барабанов — наш механизатор. Поехал купить «Ладу». Вчера утром из райпотребсоюза звонили, что очередь его подошла.— И повернулся к кузнецу.— Значит, Андрей с Торопуней в райцентр уехал?

— Ну,— подтвердил кузнец.

Голубев, перехватив его настороженный взгляд, спросил:

— Цыгане не упоминали в разговоре пасечника Репьева?

— Этот раз нет.

— А раньше?

— Вчерашним утром пасечник в мастерскую заходил.

— Зачем?

— С Козаченкой толковал.

— О чем?

— Вроде про колесо тележное.

— Репьев предлагал колесо цыганам?

— Так как будто бы...

— А цыганочку Розу знаете?

— Знаю.

— Она не родня Козаченко?

— Сестра. Миколай Миколаич в строгости ее содержит, а Роза подолом так и крутит.

Кузнец заметно успокоился, однако лицо его по-прежнему казалось напряженным. Задав еще несколько вопросов и не получив в ответ ничего существенного, Голубев закончил разговор. Федор Степанович повеселел, правой рукой сделал перед грудью замысловатое движение, будто перекрестился, и, поклонившись на прощанье, поспешно вышел из кабинета.

— Верующий он, что ли?— спросил Голубев.

— Есть за ним такая слабость. Библию чуть не наизусть помнит, церковные посты соблюдает...— Гвоздарев усмехнулся. — Любопытная штука с религией получается. Взять, к примеру, того же Федора Степановича. Всю сознательную жизнь при Советской власти прожил, а в бога верит. Поддался с молодости религиозной мамаше. Понимаете, даже семьи собственной не завел, бобылем живет. Но мужик честный до беспредельности, труженик.

— Кажется, он что-то не договаривает.

Бригадир задумался.

— Это Федор Степанович, конечно, может, но соврать — никогда не соврет...

Ночевал Голубев в избе участкового Кротова. Заснул, как всегда, быстро, однако спал на редкость беспокойно. Видимо, не мог избавиться от дневных впечатлений. Поначалу силась пляшущая молодая цыганка. Голубев силится разглядеть ее лицо, надеясь опознать Розу, но это никак не удавалось. Совершенно невероятным образом цыганка вдруг превратилась в красочную

этикетку одеколona «Кармен» и, взвившись над пасекой, исчезла в голубом небе. Затем приснился угрюмый цыган, разбрасывающий по Серебровке пустые пачки «Союза-Аполлона». Потом появился на низенькой лошадке, словно всадник без головы, пасечник Репьев. Зажав под мышкой старую берданку, он как из автомата расстреливал убегающих от него цыган, но выстрелы при этом почему-то походили на телефонные звонки. Тяжело трусившая под Репьевым лошадью вдруг резво взбрыкнула и, заржав мотоциклетным треском, скрылась в березовом колке. В ту же минуту из колка вышел медно-рыжий морщинистый кузнец Федор Степанович, державший в одной руке голову пасечника, а в другой — новые кирзовые сапоги. Кузнеца сменила длинная колонна марширующих по Серебровке здоровенных парней со странными, размахивающими крыльями, рюкзаками. Один из парней вдруг показал Голубеву язык и голосом участкового Кротова громко сказал:

— Нашлась цыганская лошадь!..

Голубев открыл глаза: в дверях комнаты стоял одетый по форме Кротов.

— Нашлась, говорю, цыганская лошадь,— повторил он.

— Где?!— вскакивая, спросил Голубев.

— У железнодорожного разъезда Таежное, который на полпути от Серебровки к райцентру.

— Едем туда!

Голубев, торопясь, стал одеваться.

— Лошадь уже здесь, во дворе стоит,— участковый, словно оправдываясь, принялся объяснять: — В шесть утра мне позвонили с разъезда, что со вчерашнего дня там бродит какая-то пегая монголка, запряженная в телегу. Я немедленно — на мотоцикл и — в Таежное. Как увидел лошадку, сразу признал — цыганская. Оставил мотоцикл и на подводе сюда...

Голубев вместе с Кротовым вышел на крыльцо. Лошадь, с натугой вытягивая шею из хомута, жадно срывала зубами растущую во дворе густую траву.

Рядом стоял бригадир Гвоздарев и хмуро разглядывал на телеге бурое пятно величиною с тарелку. У передка телеги желтела кучка свежей соломы и стояла завязанная в хозяйственную сумку трехлитровая банка, наполненная чем-то золотистым. Поздоровавшись с бригадиром, Голубев спросил:

— Это и есть цыганская лошадь?

— Она самая,— ответил бригадир и, показывая на левое переднее колесо, басовито добавил: — А вот это от пасечника Репьева к цыганам перекечовало...

Голубев подошел к телеге. Бурое пятно на ней оказалось засохшей кровью.

— Было соломой прикрыто,— сказал Кротов.— А банка тоже под соломой была.

— Что в ней?

— Натуральный мед.

— Походу звонить прокурору,— сказал Голубев.

Прокурорский телефон на вызов не ответил. Не оказалось на месте и следователя Лимакина. Лишь начальник РОВД подполковник Гладышев снял трубку после первого же гудка. обстоятельно доложил ему о лошади и подводе, Голубев спросил:

— Что делать, товарищ подполковник? Прокурор со следователем на мои звонки не отвечают.

Гладышев у самой телефонной трубки, похоже, чиркнул спичкой. Видимо, прикуривал. Голубев представил, как насупились густые брови подполковника, и тут же услышал:

— Прокурор и следователь сейчас разбираются с цыганами. Вчера задержали Козаченко, ну и весь табор перед прокуратурой свои шатры раскинул...

— На чем цыгане добрались до райцентра?

— Говорят, на попутной машине... Ты поручи теперь оперативную работу Кротову. А сам гони-ка цыганскую подводу сюда.

Глава 4

Передав лошадь с телегой эксперту-криминалисту Семенову, Голубев зашел в свой кабинет. Вскоре позвонила секретарь-машинистка и предупредила, что в тринадцать ноль-ноль у подполковника Гладышева собираются все участники оперативной группы, выезжавшей на серебрянскую пасеку. Занявшись делами, Голубев не заметил, как пролетело время. Когда он вошел в кабинет подполковника, там, кроме самого Гладышева, уже сидели прокурор, следователь Лимакин и судмедэксперт Борис Медников. Все четверо разговаривали, как догадался Голубев, о цыганах. Точнее, говорил Медников — остальные слушали. Сразу же за Голубевым появился эксперт-криминалист Семенов с неизменной кожаной папкой. Разговор прервался. Подполковник посмотрел на часы:

— Товарищи, к нам приезжает...

— Ревизор? — шутливо вставил Медников.

— Нет, Боря,— Гладышев улыбнулся.— Новый начальник уголовного розыска.

— Любопытно, кто?

— Скоро увидите,— подполковник обвел взглядом присутствующих.— Есть предложение подождать, чтобы... новый товарищ сразу включился в дело.

— Резонно,— сказал Медников и, не ожидая согласия других, продолжил прерванный анекдот.— Так вот, значит, дело так было. Один морской капитан нанял цыганскую бригаду покрасить пароход...

Дверь кабинета распахнулась. Появившийся в ее проеме широкоплечий рослый капитан милиции с улыбкой проговорил:

— Прошу разрешения, товарищ подполковник.

— Разрешаю,— живо отозвался Гладышев и быстро обвел взглядом присутствующих.— Вот и Антон Игнатьевич Бирюков — новый начальник нашего уголовного розыска.

— Антон?!— словно не веря своим глазам, воскликнул Голубев.— Вернулся?!

Капитан поздоровался со всеми. Прокурор, придерживая его руку, спросил:

— Сколько, Антон Игнатьевич, проработал в областном угрозыске?

— Два с лишним.

— Уезжал туда, помнится, старшим инспектором, а вернулся начальником. Молодец!

Бирюков засмеялся:

— Генерал приказал вырасти.

Прокурор вздохнул и попросил следователя Лимакина:

— Давай, Петро, рассказывай.

Лимакин открыл записную книжку. Изредка заглядывая в нее, стал излагать дело. Опрошенные цыгане объясняли свой внезапный отъезд из Серебровки опасением, что их могут обвинить в убийстве Репьева, который накануне продал вожажу Козаченко за десять рублей колхозное колесо для телеги. Первым увидел убитого цыганенок Ромка — искал, якобы, угнанную неизвестно кем лошадь и забежал на пасеку.

— В это можно бы поверить, но один фактстораживает...— Лимакин задумчиво помолчал.— Кто-то очень жестоко изхлестал цыганочку Розу. Когда я предъявил ей обнаруженные в пасечной избушке туфли, она страшно перепугалась и очень наивно стала утверждать, будто туфли отобрал пасечник, а после этого ни с того ни с сего избил ее бичом. Вот и возникает «но». Во-первых, по утверждению колхозников, Репьев жестокостью не отличался, а во-вторых...

— Мы не обнаружили на пасеке никакого бича,— быстро вставил Голубев.

Лимакин утвердительно наклонил голову. Подполковник повернулся к судмедэксперту:

— Что показало вскрытие?

— Вот официальное заключение,— Медников протянул бланк.— Коротко могу сказать... Пасечник находился в легкой стадии алкогольного опьянения. Весь заряд пришелся ему в сердечную полость и застрял там. Смерть наступила вчера, между девятью и десятью часами утра, а горло перерезано примерно на полчаса позднее. Резаная рана создает впечатление, будто нанесена опасной бритвой, однако исследование показало, что горло перерезано остро заточенным ножом с широким и коротким лезвием.

Едва Медников замолчал, снова заговорил следователь.

— Могут добавить, что особое внимание мы уделили осмотру ступней Репьева. Они чисты. Обувь снята уже с убитого... Из груди Репьева извлечено двадцать восемь свинцовых дробинок четвертого номера. Выстрел произведен из гладкоствольного оружия небольшого калибра. Порох охотничий, дымный. Обнаружены два газетных пыжа от заряда. На одном из них — часть фотозатюда с названием «Тихий вечер». Удалось установить: оба пыжа сделаны из районной газеты за девятое августа этого года. Характер пороховых вкраплений в области ранения показывает: выстрелили в Репьева с расстояния не далее двух метров. При нормальной длине ружейного ствола заряд дроби на таком расстоянии практически не успевает рассеяться. В данном случае — заметное отклонение от нормы. Можно сделать предположение, что стреляли из ружья с укороченным стволом...

— Из обреза? — удивился подполковник.

— Да, что-то в этом роде.

— А что нам дает дактилоскопическая экспертиза?

Прежде чем ответить, эксперт-криминалист капитан Семенов взял из папки несколько увеличенных фотоснимков, среди которых были и дактилоскопические, и молча передал их Бирюкову. Тот, внимательно рассматривая каждый снимок, стал по очереди передавать их.

— На стакане из пасечной избушки,— сказал Семенов,— обнаружены отпечатки пальцев Репьева и Розы. Есть отпечатки пасечника и на фляге с медом, которую нашли под хворостом. Однако унес ее туда не Репьев. На ручках и на самой фляге имеются отпечатки ладоней, но, кому они принадлежат, пока не удалось установить. Отпечатков пальцев цыган нигде на месте происшествия не обнаружено. На цыганской телеге — человеческая кровь второй группы. У Репьева была третья группа...

Наступило молчание. Бирюков с интересом продолжал рассматривать фотографии. Подполковник Гладышев, открыв лежащую на столе коробку «Казбека», закурил. Борис Медников «стрельнул» у него папиросу. Прокурор, рассуждая вслух, сказал:

— Не ранил ли Репьев перед смертью своего убийцу...

— Чем, Семен Трофимович? — спросил следователь Лимакин.— На пасеке мы даже столового ножа не обнаружили.

— Между тем, нож у пасечника был,— вдруг заметил Бирюков.

— Да? — недоверчиво произнес следователь.

Бирюков отыскал среди снимков сфотографированный стол, где отчетливо были видны ломти нарезанного хлеба.

— Вот, Петя. Это не топором нарублено. Кроме того, как можно жить в доме, не имея столового ножа?..

Прокурор, разминая папиросу, поддержал: — Был, конечно, у Репьева нож. Вопрос в другом: куда он исчез?

— Что Козаченко говорит насчет окурка своих фирменных сигарет? — спросил Лимакина подполковник. — Он оставил его в избушке Репьева.

— Козаченко может заявить, что оставил окурки, когда покупал у пасечника колесо, — посмотрев на подполковника, сказал Бирюков, — обратился к эксперту-криминалисту. — Отпечатки обуви на месте происшествия обнаружены?

— Трава там. Что в ней обнаружишь... — хмуро проговорил Семенов, передавая Бирюкову фотоснимок трехлитровой стеклянной банки с медом. — Вот здесь обнаружены отпечатки пальцев Репьева и еще одного человека. Кто он, пока не установлено.

Бирюков, посмотрев на снимок, отложил его и взял фотографию, на переднем плане которой отчетливо был виден след телеги, проехавшей по жнивью, а через реденькие березки темнела пасечная избушка. Показывая ее следователю, спросил:

— Это что, Петя?

— Можно предположить, что от этого места на пасеку прошел человек и вернулся назад. Доказательств, что это был именно убийца, нет. Такое могло произойти до убийства или после него, — ответил Лимакин.

— Барс у пасеки след не взял?

— Нет. Время упустили.

Бирюков, перебрав фотографии, отыскал снимок засохшего кровавого пятна на цыганской телеге. Сказал Голубеву:

— Слава, как только отсовещаемся, обзвони больницы и фельдшерские пункты. Не обращался ли кто с ножевым или огнестрельным ранением?

Голубев кивнул, а Медников лукаво усмехнулся:

— Вот так новая метла метет! Старается время не упустить, как Барс.

Бирюков нахмурился:

— Опасаюсь, Боря, что время мы уже упустили. Лошадь обнаружена на разъезде Таежное, где в сутки останавливается больше десятка электричек, идущих в оба направления. Преступник мог воспользоваться любой из них. — Посмотрел на прокурора. — Семен Трофимович, из цыган никто не исчез?

— Козаченко говорит — все на месте. Но мы ведь не знаем, сколько их было в действительности.

— В колхозе сколько работало?

— Те, что работали, все в наличии.

— О лошади что говорят?

— «Кто-то угнал»... Цыганки в то время в палатках находились, не видели, а из мальчишек слова не вытянешь. — Прокурор помолчал. — Подозрительным кажется поведение Розы. Мне она сказала, что спала в палатке, а другие цыганки

говорят, будто Роза догнала табор на шоссе, когда цыгане «голосовали», останавливая попутные машины.

— Может, она просто отстала?

— Может быть, но что-то тут не то. Роза сильно запугана, без слез говорить не может...

После оперативного совещания у подполковника остались прокурор и капитан Бирюков. Все трое были невеселы. Посмотрев на Бирюкова, подполковник вздохнул:

— Видишь, Антон Игнатьевич, как приходится тебе вступать в новую должность. Будто нечистая сила подсунула это убийство! — И, словно стараясь приободрить нового начальника уголовного розыска, заговорил бодрее: — С жильем для тебя вопрос решен. Иди в горисполком, там возьмешь ордер и ключ от квартиры. В новом доме...

— Спасибо, Николай Сергеевич. Но лучше я, не тратя времени, поеду в Серебровку. По-моему, ключ от преступления надо искать там.

— Считаешь, Голубев не справится?

— Мне легче, чем ему. В Серебровке как-никак мои земляки живут.

— Да! — словно вспомнил подполковник. — Ты ведь родом из Березовки, а от нее до Серебровки, как говорится, рукой подать. Родителей попутно проведаешь. Давно у них был?

— В прошлом году.

Бирюков встал.

— Значит, едешь?

— Прежде переговорю с Козаченко и Розой. А там доберусь на какой-нибудь попутке.

— Возьми служебную машину.

— Не стоит, Николай Сергеевич, мне лучше на попутной.

— Ну, как знаешь, — Гладышев протянул руку. — Желаю успеха.

Когда Бирюков вышел из кабинета, подполковник сказал прокурору:

— Мировой парень! В свое время я его через год после института в старшие инспектора выдвинул, и он ни единого дела не завалил.

— Голубев слабее? — спросил прокурор.

— Голубеву подсказывать надо. Вот с Бирюковым у него прекрасно получится: Бирюков — голова, Голубев — ноги.

Глава 5

Сутулясь на жесткой койке камеры предварительного заключения, Козаченко исподлобья смотрел на Бирюкова и молчал. Боковой свет из зарешеченного окна делил угрюмое лицо и окладистую бороду цыгана на две симметричные половины. Затененная левая сторона казалась сизовато-черной. На ней выделялся лишь выпуклый злой глаз да под ухом золотилась круглая серьга

величиной с металлический рубль. Поверх атласной желтой рубахи на цыгане была замшевая черная жилетка. Брюки из зеленого вельвета, с напуском на хромовые сапоги. Плечи широкие, крепкие. Руки с крапинками вьезшегося металла. По паспорту цыгану было за пятьдесят, но выглядел он значительно моложе.

— Меня незаконно арестовали,— наконец хрипло выдавил Козаченко.— Я всего-навсего подозреваемый...

Бирюков, пододвинув табуретку, облокотился на стол:

— К подозреваемому, Николай Николаевич, может быть применена любая мера пресечения.

— На каком основании?

— Вас подозревают в убийстве. Это — тяжкое преступление. К тому же, вы не имеете постоянного места жительства и нигде не прописаны.

— Я прописан в Первоуральске.

— Первоуральск далеко отсюда, и прописка ваша там временная.

Козаченко смотрел на Бирюкова не мигая.

— В таком случае не позднее десяти суток предъявите мне обвинение или освободите из-под стражи.

— Это так и будет,— сказал Бирюков.— Вам доводилось отбывать наказание?

— Нет!

— Откуда знаете кодекс?

— Я старший среди своих людей, мне все надо знать.

— Почему, как старший, не хотите отвечать на вопросы, касающиеся убийства пасечника?

— Я прокурору отвечал.

— Неубедительно отвечали. Сами, Николай Николаевич, посудите: разве купленное у пасечника колесо может послужить поводом для обвинения цыган в убийстве? Вы чего-то другого испугались... Чего?

Не отводя от Бирюкова немигающих глаз, Козаченко словно воды в рот набрал. Светлая половина лица его нервно вздрагивала, как будто ее кололи иголкой. Чтобы не играть в молчанку, Бирюков заговорил снова:

— И еще неувязка, Николай Николаевич, получается... Никто из находившихся в таборе не видел, как угнали вашу лошадь. А ведь прежде, чем угнать, ее запрягли в телегу...

— Ромка, сын мой, запрягал кобылу,— неожиданно сказал Козаченко.— В столовку с братаном хотел съездить.

— Столовой в Серебровке нет.

— В Березовку хотел ехать. Пока брата будил — кобылу угнали.

Сказанное могло быть правдой, но чувствовалось, что Козаченко боится запутаться в своих же показаниях.

— Кто избил Розу? — спросил Бирюков.

— Гришка-пасечник.

— За что?

— Пьяный собака был, бичом хлестал.

— У него не было бича.

Козаченко хотел что-то сказать, но мгновенно передумал...

Выйдя из камеры, Антон Бирюков поднялся на второй этаж РОВД, чтобы в кабинете Славы Голубева оставить форменный пиджак и фуражку. Появляться в цыганском таборе в милицеской форме не имело смысла. Голубев разговаривал по телефону. Пока Антон раздевался, Слава закончил разговор и спросил:

— Что Козаченко?..

— Ничего нового. У тебя какие успехи?

— Больницы обзвонил — никаких раненых. Сейчас начну по фельдшерским пунктам.

— Звони, а я попробую поговорить с Розой,— сказал Бирюков и вышел из кабинета.

Три серых цыганских палатки пузырились за небольшим домом прокуратуры, на опушке соснового бора, рассеченного широкой лентой шоссейной дороги, уходящей из райцентра на восток. У обочины шоссе, метрах в двадцати от палаток, пустовали синенький летний павильон автобусной остановки и длинная скамья со спинкой. Подойдя к павильону, Бирюков сел на скамью. Будто ожидая автобуса, стал присматриваться к табору.

У крайней от дороги палатки старая цыганка в пестром наряде сама себе гадала на картах. Чуть поодаль от нее молодой чубатый цыган медленно перебирал струны гитары. Рядом с ним худенькая цыганочка кормила грудью ребенка. За палатками двое шустрых цыганят бросались друг в друга сосновыми шишками. Старшему, видимо, надоело это и, проводив завистливым взглядом промчавшегося по дороге мотоциклиста, он вдруг направился к Бирюкову. Не дойдя метра три, остановился. Почесал одна о другую пыльные босые ноги, спросил:

— Куда едешь?

— Пока не еду — автобус жду,— ответил Антон.

— Дай пятак — на пузе и на голове спляшу. Бирюков подмигнул:

— Сам умею плясать.

— А дым из ушей пускать умеешь?

— Нет.

— Дай сигарету — покажу.

— Рано тебе курить,— Антон достал из кармана гривенник.— Держи, без пляски и курева.

— Обманываешь?

— Ну, почему обманываю?

— Бесплатно деньги отдаешь.

— Не хочешь так брать, Расскажи что-нибудь или спой.

— Чего рассказать?

— Как тебя зовут, например.

— Ромкой зовут... А спеть чего?

— Цыганское, конечно.

Мальчонка живо схватил монету и, притопы-
вая, зачастил:

А ручеек-ручеек,
А брала воду на чаек,
А речка замутилася,
С милым разлучилася-а-а-а...

— Хорошая песня,— сказал Антон.— Кто тебя
научил?

— Сеструха батькина, Розка.

— Пригласи ее сюда.

— Зачем?

— Чтобы она сама мне эту песню спела.

Ромка нахмурился:

— Нельзя.

— Почему?

— Батька в палатку ее засадил.

— За что?

— Рыжих цыганят хотела в таборе распло-
дить.

— Чего?..

— За медом к пасечнику повадилась, вот
чего.

— А кто Розу бичом исхлестал?

— Твое какое дело? — огрызнулся Ромка.—
Чего ты все про Розку да про Розку? Давай еще
деньги — сразу две песни про любовь спою.

— Лучше расскажи, кто у тебя лошадь украл.

— Я это знаю, да?

— Расскажи, что знаешь.

— Хитрый ты...

Ромка разжал кулак, будто хотел убедить-
ся — на месте ли гривенник, и со всех ног стри-
ганул к палаткам. Бирюков пошел следом.

Вызвать из палатки Розу оказалось не так-то
просто. Старая цыганка, раскладывая карты,
прикинулась непонимающей по-русски, а чубатый
гитарист отрицательно покрутил головой. При-
шлось показать служебное удостоверение. Рас-
крыв красные корочки, цыган не столько читал,
что там написано, сколько сверял фотографию с
оригиналом. Убедившись, он вернул Антону до-
кумент и нехотя проговорил что-то на своем языке
сидящей рядом цыганке, только что прекра-
тившей кормить ребенка. Та поднялась и вместе
с ребенком скрылась в одной из палаток.

Прошло не меньше десяти минут пока появи-
лась Роза. Бирюков узнал ее по синякам на смуг-
лом лице. В отличие от своих соплеменниц, оде-
тых в крикливо-пестрые наряды с длинными юб-
ками, Роза была в светленьком современном
платье, обнажающем до колен загоревшие
стройные ноги, исполосованные синяками. Густые
смоляного цвета волосы были откинuty за спи-
ну. На шее — бусы из разноцветных крохотных
ракушек, в ушах — клипсы-висюльки. Но Бирю-
кова особенно заинтересовали Розины глаза.
Большие, с сизоватым отливом, они были пере-
полнены ужасом.

Едва Бирюков заговорил о пасечнике, Роза,
прижав маленькие ладони к ушам, закричала:

— Не знаю! Ничего не знаю!..

— Вы послушайте... — начал было успокаивать
Антон.

— Не буду слушать! Ничего не буду слушать!

— Кто вас так напугал?

— Кровь! Кровь! Кровь!.. — уткнувшись лицом

в ладони, истерично выкрикнула Роза и со всех ног бросилась к палатке, из которой только что вышла.

Притихший было чубатый цыган с гитарой громко ударил по струнам.

— Что это с ней? — сумрачно спросил Антон.

Смуглое лицо цыгана нервно передернулось.

— Собака пасечник до крови Розку изувечил.

Бирюков молча повернулся и зашагал к РОВД.

Глава 6

В разгар уборочной страды поймать попутную машину легче всего у районного элеватора. Именно туда и «подбросил» Антона Бирюкова шофер ровдовского газика.

От ворот хлебоприемного пункта тянулся чуть не километровый хвост груженых «Колхид», самосвалов, бортовых ЗИЛов, армейских трехосок и «Беларусей» с прицепами тележками. Бирюков показал вахтеру удостоверение личности, прошел на территорию элеватора, тоже забитую машинами, и огляделся. У весовой площадки, в кузове очередного ЗИЛа, пухленькая лаборантка в белом халате, запуская длинный металлический зонд в золотистый ворох зерна, брала пробы. Подойдя к ЗИЛу, Антон спросил:

— Девушка, с кем в Серебровку можно уехать?

Лаборантка, стрельнув подкрашенными глазами, оглядела с высоты многочисленные машины и звонко крикнула:

— Тропынин!.. Иди-ка сюда, родненький!

— Поцеловать на прощанье хочешь? — слышалось издали.

Лаборантка, как пикой, погрозила блеснувшим на солнце зондом.

— Вот этим поцелую — долго помнить будешь.

— Ради этого не пойду.

— Иди, родненький, попутчик тебе есть до Серебровки.

— Скажи ему, чтобы четыре двенадцать готовил.

— Не дорогонько ли?

— Овес, Верочка, ноне подорожал.

Поигрывая цепочкой с ключом зажигания, из-за кузова ЗИЛа вышел парень в нейлоновой куртке, сверкающей замками-молниями. Увидев одетого в форму Бирюкова, он опешил:

— Здравия желаю, товарищ капитан!

— Здравствуй, земляк, — улыбнулся Антон. — Двенадцати копеек не хватает. Может, сделаешь скидку?

Лаборантка расхохоталась:

— Что, родненький, покраснел, как вареный рак?..

Парень задрал к ней голову:

— У меня кровь молодая! — И повернулся к Антону. — Идемте, товарищ капитан. С ветерком прокачу!..

Проплыв по окраине райцентра, парень вырулил на щебеночную дорогу и повел свой трехтонный самосвал так лихо, что за приспущенными стеклами кабины на самом деле запел ветерок.

— Не залетишь на повороте? — спросил Антон.

— По семь ездов в день на элеватор гоняю. Не только повороты, каждый камушек на дороге изучил.

— Тебя как зовут?

— Торопуня... — парень смущенно поморщился. — То есть, фамилия моя, конечно, Тропынин. А по имени-отчеству я полный тезка академика космонавтики Королева.

— Сергей Павлович, значит?

— Угадали. А вы не родня нашему председателю колхоза Игнату Матвеевичу Бирюкову?

— Сын его.

— То-то, смотрю, точный портрет Игната Матвеевича, с той лишь поправкой, что лет на тридцать моложе, — Тропынин, не отрывая взгляда от смотрового стекла, помолчал. — А что в Серебровку, а не в Березовку, к родителям?

— Дела ведут, Сергей Павлович.

— По убийству пасечника, наверно?..

— По нему. Что в Серебровке об этом говорят?

— А чо говорить?.. Укокошили цыгане ни за грош, ни за копейку, — Тропынин скосил чуть-чуть глаза на Антона. — Слышал, что жоака ихнего арестовали. Правда?

— Допустим, — ответил Антон.

— Зря. Не Козаченко убил Гриню.

— Кто же?

— Левка или Розка.

— Какой Левка?

— Чубатый гитарист из табора.

— Почему так думаешь?

— Предполагаю на основе фактов...

Самосвал стремительно спускался к мостику через узкую, поросшую камышом речушку, названную из-за крутых спусков к ней Крутихой. Перед самым мостиком Тропынин резко тормознул и, прижав машину к правой кромке дороги, выключил зажигание. Достал из-под сиденья резиновое ведро, склеенное из куса камеры.

— Водички надо подлить...

Бегом спустился под мостик и, зачерпнув воды, так же быстро вернулся. Наливая воду в горловину радиатора, сказал:

— Вот, товарищ капитан, чтоб в рубашках двигателя не образовывалась накипь, воду на охлаждение беру только из Крутихи. Речушка как все другие, но вода будто с антинакипином...

— Так какие же у тебя факты, Сергей Павлович, по убийству Репьева? — спросил Антон, когда самосвал угрожающе зарычал и, разгоняясь, рванулся в гору.

— А на основе фактов, товарищ капитан, такое кино получается,— продолжил прерванный разговор Тропынин.— Левка-гитарист без ума любит Розку, но по каким-то цыганским обычаям ему жениться на ней нельзя. Обычай — обычаем, а цыганская кровь кипит... Гриня Репьев, конечно, от скуки за цыганочкой ухаживал, но Левка всерьез это принял. Как-то говорит мне: «Зарежу собаку-пасечника, если к Розке приставать не перестанет». Я, конечно, Гриню предупредил, но Гриня ж — баламут. Зальет глаза водкой и — все ему до фонаря. Вот доигрался...

— Когда убили пасечника, Левка с другими цыганами в мастерской находился,— сказал Антон.

— Не было его там.

— Кузнец говорит, что утром все цыгане вышли на работу.

— Может быть, в восемь утра и все, но полчаса девятого Левки в мастерской не было. В это время я туда подъехал фару подремонтировать. Козаченко за час ее залатал, и мы укатили с Андрюхой Барабановым. Левки все еще там не было.

— По пути нигде его не видел?

— Нет. Я сразу рванул к комбайнам на Поповщину. Так по старинке у нас пшеничное поле зовется, которое правее пасеки.

— Знаю это поле.

— Ну, значит, загрузился я и по старому тракту газанул к шоссе. Поравнялся с пасекой — сигналю... — Тропынин осекся. — Стоп... Пропустил один факт. Когда ехал к комбайнам, у пасеки высадил Андрюху Барабанова. Меду тот хотел прихватить для родственников — в райцентре живут. Договорились, что Андрюха будет ждать меня против пасеки на старом тракте. Подъезжаю — нет его. Посигналил — глухо. Тормознул, еще посигналил — в ответ ни звука. Значит, думаю, махнул Андрей на шоссе пешком порядком и на другой попутке укатил...

— В какое время ты сигналил у пасеки? — спросил Антон.

— Ровно в одиннадцать,— посмотрев на часы, ответил Тропынин.— Андрей вот-вот прикатит на «Ладе» из Новосибирска. Вы его поспрошайте толком. Может, он потому и не дождался меня, что на пасеке ЧП случилось.

— Барабанов в Новосибирск за машиной уехал?

— Ну! Машины-то оформляют на оптовой базе облпотребсоюза, которая в Клещихе находится.

— Проще было сесть на электричку в Таежном.

— Пятьсот рублей у Андрея не хватило на

«Ладу», и он хотел в райцентре в долг прихватить у родственников.

Бирюков вспомнил, как Слава Голубев рассказывал об автомобильном следе, пригладившим след телеги.

— Цыганскую подводу, Сергей Павлович, не видел, когда ехал по старому тракту?

— Подводу — нет, а самих цыган видел, когда порожняком возвращался с элеватора. На шоссе они «голосовали». Это уже в половине первого было.

— Левка и Роза были среди цыган?

— Не разглядел.

Неожиданно вспомнилась фотография завязанной в хозяйственную сетку банки с медом на цыганской телеге, и Антон спросил:

— Сергей Павлович, в какую посуду Барабанов хотел меду взять?

— Стекланную трехлитровую банку в сетке он с собою из Серебровки вез,— ответил Тропынин.— А чо такое?..

— Да так, ничего,— сказал Бирюков.

Среди поредевших березок показались шиферные крыши серебрянских домов. Тропынин быстро спросил:

— Вас к бригадной конторе подвезти?

— К участковому,— ответил Антон.

Глава 7

Кротову о Бирюкове сообщил по телефону подполковник Гладышев. Участковый инспектор пригласил радушно Антона к столу, угостил арбузом. Вчера завезли арбузы в магазин, и вся деревня их покупала.

Наконец, заговорили о деле.

— Есть новости? — спросил Бирюков.

— Относительные.

Кротов, выдержав паузу, в свойственном ему канцелярском стиле стал рассказывать, как неделю назад жена бригадира Гвоздарева, разнося по деревне свежую почту, слышала в середине дня негромкий выстрел. Предполагает, что он раздался или во дворе Степана Екашева, или в соседней от него усадьбе деда Лукьяна Хлудневского. Кротов попытался осторожно выяснить этот вопрос, но Хлудневский со своей старухой уверяют, будто стреляли у Екашева, а Степан Екашев говорит, что слышал выстрел у Хлудневских.

Смакуя тающую во рту сладкую арбузную мякоть, Бирюков спросил:

— У кого из них ружья?

— У Лукьяна Хлудневского одноствольная ижевка двадцать четвертого калибра. Ружье смазано. Признаков недавнего употребления не обнаружено. Степан Екашев никогда огнестрельного оружия не держал. Но иногда к

нему наезжает из райцентра сын Иван, заядлый охотник.

Бирюков, вспоминая, задумался:

— Иван, кажется, самый старший из сыновей Екашева?

— Так точно. На кирпичном заводе работает. Передовик труда.

— Когда последний раз он в Серебровке был?

— На прошлой неделе. Помогал Степану сдавать соленые грузди сельповскому заготовителю... Еще, товарищ Бирюков, одна загадка. Хлудневский заявляет, будто со дня выстрела у него пропал кобелек. Букетом звали. Больше пяти лет жил, а тут пропал.

Антон положил на стол арбузную корку. Достал носовой платок, чтобы вытереть руки, но Кротов подал полотенце.

— Есть предположение,— сказал Бирюков,— что цыгане крепко поссорились с Репьевым. Попытаться бы отыскать корни этой ссоры. И с выстрелом надо разобраться. Хлудневский дома?

— Вероятно. Вас проводить?

— Если не затруднит...

Небольшой светлый домик деда Лукьяна Хлудневского весело голубел простенькими наличниками через три усадьбы от дома Кротова. Следом — подернутая зеленоватым мхом, с прогнившими черными тесинами крыша когда-то добротного крестовика. Большую часть его окон прикрывали перекошенные старые ставни, а сам дом от времени будто осел и съехался. Показав на него, участковый усмехнулся:

— Хоромы Степана Екашева. Надорвался мужик непосильной работой, совсем запустил усадьбу. Всего второй год, как ушел на пенсию, а высох, что тебе щепка.

— Болеет?

— Трудно сказать... Ни сам Екашев, ни его старуха ни разу в больнице не были, хотя на болезнях жалуются постоянно. Полагаю, от усталости у них это. Представьте себе, товарищ Бирюков, по четыре головы крупного рогатого скота держат. По сорок-пятьдесят центнеров ежегодно вдвоем сена накашивают. В три часа ночи уходят на покос и возвращаются в одиннадцать вечера. Старуха прибежит, управится со скотиной и опять — на помощь Степану.

— Помнится, раньше Екашев сапожным ремеслом подрабатывал,— сказал Антон.

— Сапожник и пимокат он отменный. В послевоенные годы, можно сказать, всю Серебровку и Березовку обувал. Теперь народ привык к фабричной обуви, однако Степан своего ремесла не бросает — идут некоторые к нему с заказами.

— Что ж он дом не починит? Неужели денег нет?

— Каждый год по весне умирать собирается,

не хочет связываться с ремонтом. А что касается денег, говорит, сыновьям отдает. У него, кроме Ивана, еще четверо. Трое из них в Новосибирске определились, семьи завели. А последний — не удался. Был судим за воровство и где теперь находится, не известно.

— Это Захар, что ли?

— Он самый. Знаете?

— В школе начинали вместе учиться, только он и четырех классов не закончил. Когда его осудили?

— Еще до того, когда вы после института в наш райотдел приехали работать. Скотником в бригаде Захар трудился и, представьте себе, занялся систематическим хищением комбикормов. В райцентре похищенное сбывал, на водку денег не хватало...

После разговора с дедом Лукьяном о том да о сем коснулись выстрела.

— У Степки Екашева за амбаром кто-то стрелил,— твердо сказал дед Лукьян.— Мы с Агатой у крыльца грибы перебирали, а там не очень сильно бабахнуло.

Бирюков оглядел светлую горницу, обставленную современной мебелью. О старине напоминала одна лишь потемневшая икона в переднем углу, рядом с которой с яркого цветного плаката улыбался космонавт Юрий Гагарин. Весь угол под иконой занимал новенький телевизор с большущим экраном.

Заметив на столе газеты, Бирюков вспомнил о пыжах, обнаруженных оперативной группой, и спросил:

— За этот год районка?

Хлудневский утвердительно кивнул.

— Можно посмотреть?

Антон быстро перебрал всю пачку и с удивлением отметил, что из августовских номеров не хватает одного-единственного номера за девятое число, то есть как раз того, из которого были сделаны пыжи. На вопрос — куда исчезла эта газета? — Хлудневский с искренним недоумением пожал плечами:

— Агата, должно быть, куда-то подевала. Берет газеты без ведома.

Антон решил не скрывать:

— Пыжи были сделаны из газеты за это число для заряда, которым убит пасечник Репьев.

— У нас каждый житель, кроме Степки Екашева, районку выписывает,— испуганно проговорил дед Лукьян и старательно принялся перебирать газеты, словно не поверил Антону, что какого-то номера недостает.

Из магазина вернулась с большим полосатым арбузом запыхавшаяся бабка Агата. Хлудневский встретил ее сердитым вопросом:

— Ты, старая, куда подевала газетку за девятое августа?

— Будто я их разглядываю, когда беру,—

поздоровавшись с Кротовым и Антоном, ответила старуха.— Чего случилось-то?

— Ничего страшного, Агата Васильевна,— постарался успокоить Антон.

Старуха задумалась и вдруг виновато посмотрела на деда Лукьяна.— Две недели назад, может, попозже я в одну газетенку кусок сала свиного завернула для Екашихи. Это ж надо подумать! Люди на покос собираются и всего-навсего берут буханку хлеба да жбан молока. Много ли на таком питании протянешь? Сердце мое не вытерпело, отнесла Екашихе кусок сала.

— Сколько наказывал: не трожь газетки! — вспылал Хлудневский.

Бабка Агата с укором покачала головой:

— Клок негодной бумаги пожалел,— и обратилась к участковому:— Федорыч, до тебя Федя-кузнец направился. Арбуз от магазина помог мне донести.

— Чего это он?

— Не ведаю, милоч. Хмурый шел...

Бабка Агата пригласила отвесть арбуза, однако Антон и Кротов, сославшись на неотложные дела, отказались и, попросив стариков никому не говорить о состоявшемся разговоре, вышли на улицу.

Возле угрюмо съездившегося дома Екашевых стояли два новеньких самосвала с зерном. Их номера были городскими.

— Чего-то зачастили приезжие водители к Степану в гости. Не нравится мне это,— сказал участковый.

Глава 8

Худенькая, под стать самому Кротову, жена участкового, поившая на кухне парным молоком белолицую внучку, на вопрос— заходил ли кузнец?— ответила прямо-таки в кротовском стиле:

— Только что здесь находился и вышел. По какому вопросу хотел тебя видеть, не сказал. Просил по возможности к нему домой подойти.

Над Серебровкой уже загустели вечерние сумерки. Во дворах мычали вернувшиеся с выпаса недоенные коровы, хозяйки брякали подойниками. Недалеко от деревни, сразу за поскотиной, глухо рокотали работающие комбайны.

Окна кузнецова дома чуть-чуть желтели, словно в нем горела тусклая коптилка. Снаружи дом почти не отличался от других серебровских домов, но, войдя в него, Антон поразился оригинальностью планировки. Одна-единственная громадная комната казалась пустующим спортивным залом, совсем незначительную часть которого занимала высокая русская печь, прижавшаяся к стене слева от порога. Вдоль всей правой стены, под окнами, тянулась широкая лавка. Уходящий вдаль ее конец, словно упирался в

старинный буфет с обломанными наполовину резными украшениями. У противоположной стены стояла самодельная деревянная кровать, заправленная байковым одеялом. В изголовье кровати, свернувшись клубком, спал пушистый черный кот. Возле печи стоял небольшой стол. На нем лежала старая зачитанная библия.

Больше всего поражала передняя стена. Без окон, она, как церковный иконостас, была увешана иконами и цветными литографиями с божественными сюжетами. Перед стеной с потолка свисала на медной цепочке фиолетовая стеклянная лампадка с тоненькой восковой свечкой, а под самым потолком тускло светилась мало-мощная электрическая лампочка.

Дверь, скрипнув, отворилась, и с подойником парного молока вошел кузнец. Сняв с меднорыжей седеющей головы картуз, он поклонился Кротову:

— Здоров будь, Михаил Федорыч,— повернулся к Антону.— И вы, молодой человек, здравствуйте.— Прошáгал к буфету. Достал из него несколько глиняных кринок. Начал сцеживать в них молоко.— Садитесь там... Разговор, можа, долгий получится... Вот, с хозяйством справлюсь...

Кузнец разливал молоко неторопливо, словно тянул время. Затем плеснул остатки в консервную банку, скомандовал:

— Жук!

Дремавший на кровати кот черной молнией метнулся к банке. Кузнец молча вынес кринки. Достал из печи чугунок с горячей водой. Ополоснув подойник, выставил его за дверь. Погремел во дворе рукомойником. Шикнул на заготовившего гуся, похуже, загнал в хлев корову и вернулся в дом. Однако начинать разговор не торопился. Убрал со стола в сундук библию. Придвинул к столу табуретку. Сел и уставился в пол.

— Как понимать твое молчание, Федя? — не вытерпел Кротов.

Кузнец тяжело вздохнул:

— Чудится мне, Михаил Федорыч, что по-решили пасечника за золотой крест...

Кротов недоуменно переглянулся с Антоном. Кашлянув, сказал:

— Не совсем понятно, Федор Степаныч, твое заявление.

— Я не заявляю — подсказываю, из-за чего убийство могло совершиться.

— Нам действительно надо знать подробности,— вмешался в разговор Антон, а Кротов тут же представил его кузнецу:

— Это товарищ Бирюков, начальник уголовного розыска района.

Кузнец ничуть не удивился:

— Бирюковых издали видать.— И с паузами, словно взвешивая каждое слово, стал рассказывать, как недавно пасечник Репьев предлагал ему за тысячу рублей архиерейский золотой

крест с изображением распятия. Крест был старинный и стоил намного дороже, чем тысяча.

— А где Репьев взял этот крест? — спросил Антон.

— Сказал, что в роднике, близ цыганского табора нашел.

— Из Америки с подземным потоком выплыл? — усмехнулся Кротов.

Но кузнец вполне серьезно ответил:

— Нательные золотые, серебряные крестики и раньше в роднике находили. Часовня в старое время стояла там. С годами разрушилась. Остатки часовни Степан Екашев в войну на дрова себе увез, оттого теперь и чахнет здоровьем...

— Откуда же, Федя, кресты в роднике оказались? — недоверчиво спросил Кротов.

— Видно, служители после революции зарыли их в землю, а вода подмыла. Кресты не для земли делаются.

— По-твоему, Репьев на самом деле мог найти крест?

— Мог найти, а мог и украсть.

— У кого?

— У тех же цыган.

— Думаешь, за это цыгане и убили Репьева? Кузнец торопливо перекрестился:

— Упаси бог так думать. Винить цыган не хочу. Верней всего, кто-то другой на Гриню руку поднял.

— Кто же, по-вашему? — спросил Антон.

— Я ж ничего не знаю. Только подсказываю, что у пасечника был золотой крест.

— Почему уверены? Потому что после убийства Репьева этот крест на пасеке не обнаружен?

Кузнец растерянно посмотрел на Антона, затем на Кротова, но ни слова не произнес.

— Вопрос поставлен конкретно... — строго-официальным тоном начал взгляд Кротов, однако, перехватив осуждающий взгляд Бирюкова, закончил мягче: — Ты, Федор Степаныч, не скрывай, сам знаешь, преступник должен быть наказан.

— Я ж на самом деле не знаю, можа, нашелся крест, можа, нет... Вчерашним вечером бригадир Гвоздарев и молодой офицер из милиции спрашивали меня: все ли цыгане в день убийства были на работе? Со страху сказал, что все, а как после одумался, то одного не было...

— Кого именно?

— Левкой его зовут, — тихо сказал кузнец и перекрестился.

Черный кот, долакав банку молока, сыто потянулся, подошел к порогу и уставился на кузнеца светящимися в сумраке зеленоватыми глазами. Кузнец поднялся и выпустил его за дверь.

Бирюков, размышляя о золотом кресте, вспомнил, что при осмотре на пасеке не обнаружили даже столового ножа.

— Михаил Федорович, — обратился он к Кротову, — у Репьева был какой-нибудь нож?

— Безусловно. Охотничий... Понимаете, товарищ Бирюков, как зима ляжет, в селе начинается массовый забой личного скота. Это праздничный месяц для Грини Репьева был — нанимался резать свиней да бычков. Туши свежевать мастерски умел. Денег за работу не брал, а поллитровку и свеженины — обязательно.

— Сломал Гриня недавно тот ножик, — неожиданно сказал кузнец.

Кротов удивился:

— Мне этот факт не известен.

— Сам Репьев говорил, просил финку сделать. Я отказался.

Антон, задумавшись, спросил:

— До того, как поселиться на пасеке, Репьев у кого в Серебровке жил?

— У Екашевых, — быстро ответил Кротов...

От кузнеца Бирюков и Кротов ушли поздно, когда деревня уже засыпала.

— Полагаю, заночуете у меня? — спросил участковый.

— Нет, Михаил Федорович, пойду в Березовку, — ответил Антон. — Надо проведать родителей.

Глава 9

В доме Бирюковых за полночь горел свет: еще бы — сын приехал. Но Антону не терпелось остаться с отцом наедине. Да и тот этого хотел.

— Ну, что с серебрявским пасечником? — сразу спросил Игнат Матвеевич, когда мать ушла стелить постель. — Кротов сказал, что ты за этим делом приехал.

— Пока — загадка, — ответил Антон.

— Не скрывай: на кого след наводит?

— Честно говорю, отец, скрывать нечего.

— Неужели такой опытный преступник был, что все следы замел?

— Следов много, но их расшифровать надо, — Антон помолчал. — Пока все шишки на цыган валяются.

Игнат Матвеевич задумчиво повертел в руках пустую чашку, вздохнул:

— Не верю, чтобы цыгане. Старых дружков Репьева, по-моему, надо искать.

— Почему Репьев после тюрьмы в Серебровке оказался?

— Беседовали мы с ним на эту тему. Последнее наказание он отбывал с Захаром Екашевым. Освободились они вместе. Захар сговорил Репьева заехать в Серебровку. Тому здесь приглянулось, и он, решив покончить с прошлым, надумал остаться в колхозе... Единственное, от чего Репьев не мог избавиться, это, пожалуй, от выпивки. И то, надо сказать, последнее время значительно умереннее стал пить.

— За какие дела он был судим?

— Первые три года — за хулиганство, потом пять лет схлопотал за какое-то воровство, по моему, связанное с убийством.

— А где сейчас Захар? — опять спросил Антон.

— Где-то по белу свету мотается.

— В Серебровке бывает?

— Как-то разговаривал со Степаном, говорит, нет. Из всех сыновей только старший, Иван, стариков навещает. Остальные разъехались, и как будто не существует для них родителей.

— Что же так?

— Сам Степан виноват. Можно сказать, с детства замучил парней в личном хозяйстве, ни одному сыну образования не дал. Вот они как ушли на службу в армию, так и не вернулись.

Помолчали. Антон снова спросил:

— Отец, почему Екашев так бедно живет? Игнат Матвеевич нахмурился.

— От жадности. Денег у него, наверное, уже миллион.

— Ты серьезно?..

— Конечно, не шучу. И дядька Осип, отец Степана, такой же был. Работал, как вол, от зари до зари, а в таких портках ходил, что другой на его месте от стыда бы сгорел. В сундук все деньги складывал. Скотины полный двор имел, но мясо в доме было только по церковным праздникам.

— Екашевы из кулаков, что ли?

— Кулаки на чужом труде наживались, а Осип Екашев сам спину гнул и Степана приучил.

— Помнится, Степан раньше в колхозных передовиках ходил, — сказал Антон.

— До самой пенсии безотказно трудился. Сколько правление ему премиальных выплатило — не перечесть! Двужильный мужик. С виду кажется: в чем только душа держится? А за дело возьмется — не каждый здоровяк со Степаном потягается... Держал до самого последнего времени корову, телку да пару бычков. Прикинь, сколько это надо литовкой помахать!...

— Зачем вдвоем со старухой иметь такое хозяйство?

— Спроси его...

Вошла мать Антона, Полина Владимировна.

— Давайте-ка спать ложиться, полуночники.

— Правда, мам, — улыбнулся Антон. — Кро- тов за мной приедет ни свет ни заря.

Глава 10

Несмотря на ранний час, в коридоре серебрянской конторы дым висел коромыслом. Как бы ни была отлажена работа в бригаде, на утренней разнарядке всегда выявляется что-то «вдруг».

Толклись люди в конторском коридоре. Судили-рядили о колхозных делах, шумели-спорили, дымили табаком. И каждый норовил проскользнуть в кабинет к бригадиру раньше другого. Всем было позарез некогда, всем — срочно!

И бригадир Гвоздарев, сдвинув на затылок флотскую фуражку, которую не снимал даже в кабинете, время от времени виновато поглядывал на терпеливо сидящих у окна Антона Бирюкова и участкового Кротова.

Уже в девятом часу, проводив взглядом монументально сложенную повариху, приходившую жаловаться на лихача Торопуню, который своим самосвалом раздавил возле комбайнов новенькую алюминиевую флягу с молоком для механизаторов, бригадир, будто владыка морей Нептун, наконец-то укротил в коридоре стихийный гул и, наслаждаясь воцарившимся штилем, облегченно вздохнул:

— Теперь перекурить можно...

На вид Гвоздареву было около сорока пяти. Плечисто-сутулый, с загоревшим до смуглости крупным лицом и воспаленными от недосыпания глазами, он в своей флотской фуражке больше походил на корабельного боцмана, чем на колхозного бригадира.

— Витольд Михайлович, — заговорил Антон, — когда Барабанов должен вернуться в Серебровку?

Разминая в толстых пальцах папироску, Гвоздарев недолго подумал:

— Вчера вечером надо бы Андрею появиться, но пока что нет его... — Прикурился, посмотрел на Антона. — А что, нужен вам Барабанов?

— Он в день убийства утром на пасеку заходил и, вероятно, видел пасечника еще живого.

Антон рассказал, как Тропынин высадил Барабанова возле пасеки, где тот хотел взять меду для родственника из райцентра, у которого собирался занять деньги. Гвоздарев, внимательно выслушав, пустил к потолку густое облако табачного дыма и сердито заговорил:

— Неужели Андрей в райцентре загулял? Шурин у него там живет на улице Кирпичной, Костя Ляпин. Неужели машину обмывают? Ну, всыплю, когда появится!

— Адрес этого шурина знаете?

— Номер дома не помню. Да все там Костю знают.

Андрей подсел к телефону.

Слава Голубев ответил так быстро, словно ждал этого звонка. Выслушав Антона, он скороговоркой прочастил:

— Минут через двадцать буду у Кости Ляпина и, если Барабанов там, направлю мигом в Серебровку.

— Поговори с ним насчет пасечника, — подсказал Антон. — И вот еще, Слава. Попроси Петю

Лимакина, чтобы он побеседовал с чубатым гитаристом Левкой. Понимаешь, надо узнать, где этот Левка находился утром в день убийства. На работе, как стало известно, его не было. О результатах сразу звони. В кабинет бригадира.

Бирюков положил трубку. Участковый поднялся и, зашагав по кабинету, заговорил, обращаясь к Гвоздареву:

— Подозреваю, Витольд Михалыч, что Степан Екашев самогонварением занимается. Тебе ничего не известно?

Гвоздарев насупился:

— Зачем ему самогон? Он же непьющий.

— За воротник льющий,— скаламбурил Кротов.— Говорят, что приезжим шоферам продает по рублю пол-литра.

— За приезжих я — не ответчик,— с облегчением сказал Гвоздарев.— То, что Степан пол-литру-другую самогона приезжим алкашам спит, меня абсолютно не щекочет.

— По-твоему, пусть Екашев безобразничает?

— Степану-то жить от силы месяца осталось.

— Он еще нас с тобой переживет.

— Нет,— бригадир, прикуривая, крутнул головой.— Совсем плохим Степан стал. Вчера его видел. Говорит, в придачу к туберкулезу старая грыжа открылась, а в больницу ни под каким предлогом ехать не хочет.

— Екашев туберкулезник? — заинтересовался Антон.

— Лет десять уже.

Антон быстро взглянул на Кротова:

— Не он ли застрелил Букета? Я слышал, что туберкулезники лечатся собачьим салом.

— Вполне возможно,— тоже быстро согласился Кротов.— Кобелек у Хлудневского был очень упитанный.

За окном внезапно закудахтали испуганные куры. Тут же послышался приближающийся гул автомобильного мотора, и возле конторы, будто наткнувшись на невидимую стену, остановился запыленный самосвал. Увидев выскочившего из кабины Тропынина, бригадир нахмурился:

— Как с цепи сорвался молокодав. Сейчас оправдываться станет за новую флягу.

А Тропынин между тем достал из кабины что-то похожее на ружейный приклад, громко хлопнул дверцей и бросился к конторе. Ворвавшись в бригадирский кабинет, он возбужденно оглядел присутствующих. Протягивая Антону Бирюкову перемазанную илом куцую винтовку, выпалил:

— В Крутихе нашел, товарищ капитан! У мостика...

Бирюков и Кротов стали рассматривать обрез. Это была старая винтовка со стволом, расточенным для стрельбы дробью и отпиленным, примерно, на три четвертых своей длины. Судя по ржавчине на месте отпила, сделан он был давным-давно. Повернув рукоятку, Антон осто-

рожно потянул затвор. Из патронника показалась стреляная ружейная гильза тридцать второго калибра.

Антон посмотрел на Тропынина:

— Расскажи, Сергей Павлович, как нашел.

— Просто, товарищ капитан. Радиатор у моего самосвала немножко подтекает. Первым рейсом зерно сдал — возвращаюсь из райцентра. Думаю, надо водички подлить. Остановился у Крутихи, где всегда воду беру. Спускаюсь под мостик, а там кто-то передо мной черпал, муть поднял. Прошел метра два к камышу. Присматриваю, где бы поглубже место найти. Вижу — в прогалине между камышами приклад ружья под водой. Сразу — в кабину и к вам...

Завязался оживленный разговор. Минут через пятнадцать зазвонил телефон. Бригадир, отнесясь, сразу передал трубку Бирюкову.

— Антон, вот какое дело... — встревоженно заговорил на другом конце провода Слава Голубев.— Барабанов не появлялся у Ляпина.

— А уговор между ними был насчет денег?

— Был, но Барабанов за деньгами не пришел,— Голубев будто вздохнул.— И из райпотребсоюза никто в Серебровку не звонил. Очередь Барабанова на машину подойдет только через месяц.

— Ты, Слава, ничего не напутал? — нахмурился, спросил Бирюков.

— Путать нечего. От Ляпина я сразу заехал к председателю райпотребсоюза. Он всех опросил, кто с машинами связан. Никто о Барабанове ни сном ни духом не знает. Мигом позвонили на базу в Клещиху. И там Барабанов не был.

— Подожди, Слава,— Бирюков повернулся к бригадиру.— Витольд Михайлович, с кем из райпотребсоюза говорил Барабанов насчет машины?

Гвоздарев встревожился:

— Я сам разговаривал. Позвонила оттуда женщина, назвалась секретаршей. Потом передала трубку будто бы председателю. Тот мне все рассказал, а я передал Андрею Барабанову, что слышал. Барабанов сразу недостающие деньги занимать стал.

— Сколько денег он с собою повез?

— Деньги у него в райцентре на сберкнижке лежали. Но, видно, недостаточно. Тысячи полторы он в Серебровке занял. Я тысячу дал, да еще, по-моему, у кузнеца Андрей рублей пятьсот перехватил.

— У кузнеца он четыре сотни взял, а еще сотню дед Лукьян Хлудневский ему дал,— уточнил Тропынин.

Бирюков, морщась, потер висок и сказал в трубку:

— Слава, с другого телефона позвони сейчас в сберкасса: взял ли Барабанов со своего счета деньги? Результат сразу мне. Я жду.

Вскоре снова послышался голос Голубева:

— Барабанов в сберкассе не был.

— Вот что, Слава...— Бирюков опять потерял висок.— Немедленно бери Онищенко с Барсом, эксперта-криминалиста... Словом, полностью оперативную группу. И, начиная от речушки Крутихи до серебрянской пасеки, прочешите весь березник глубиной метров на тридцать вправо от дороги. Каждый кустик проверьте. Понял?

— А слева не надо?— спросил Голубев.

— Слева— жнивье, там искать нечего.

— А в кустах что?..

— Что найдете, все наше будет.

— Понятно.

Бирюков положил трубку и встретился взглядом с насторожившимся Тропыниным:

— Тебе, Сергей Павлович, срочно надо ехать к Крутихе. Дождешься там милицейскую машину и покажи оперативникам, где и как нашел обрез. Понял?

— Конечно!

Тропынин, запнувшись за порог, гулко простучал в коридоре сапогами. Кротов, посмотрев на Антона, тревожно спросил:

— Полагаете, организованное преступление?

— Кажется, Михаил Федорович, очень ловко организованное,— уточнил Антон.

— Какие планы?

— Все планы будут зависеть от того, что обнаружит оперативная группа между Крутихой и серебрянской пасекой.

— Будем ждать их результата?

— Нет,— Антон посмотрел на бригадира Гвоздарева.— Витольд Михайлович, в Серебровке есть депутат поселкового Совета?

— Я депутат,— ответил Гвоздарев.

— Прекрасно. Возьмем сейчас понятых и в вашем присутствии поищем у Екашева самогонный аппарат.

Глава II

Тропынин подъехал к Крутихе почти одновременно с оперативной группой. Все рассказал и стал наблюдать за оперативниками. Те что-то измеряли, записывали, фотографировали. Через мост прошли на другой берег и опять начали измерять, записывать, фотографировать. Тропынин поскуучнел.

— Эй, начальство! Мне некогда с вами прохлаждаться. Зерно возить надо...

Щупленький старший лейтенант махнул рукой— поезжай. Самосвал развернулся и запылил от Крутихи в сторону Серебровки.

Зеркальная гладь воды у мостика желтела редкими пятнами опавших листьев. На одном из них растерянно елозила божья коровка с черными крапинками на глянцевиито-красной спине. Метрах в шести, раскачивая спелыми метелками.

шелестел густо затянувший речушку белесый камыш, за которым скрывалась прогалина, где Тропынин наткнулся на обрез. Несколько тоненьких камышинок перед ней надломленно склонили макушки. Приглядываясь к ним, эксперт-криминалист Семенов сделал по мосту шаг в сторону и сказал:

— Можно предположить, что вот отсюда бросили обрез в речку.

Слава Голубев, не отрывая взгляда от камыша, подошел к Семенову. Прищурясь, подтвердил:

— Точно, макушки надломлены, похоже, прямо по траектории падения.

Следователь Лимакин сделал пометку в блокноте. Судмедэксперт Медников, заглядывая в пустую сигаретную пачку, недовольно проговорил:

— Меня-то зачем сюда привезли? Траекторию высчитывать?

— Сейчас, Боря, лес начнем прочесывать,— ответил Голубев.

Осмотр березника начали от самой речки, рассредоточившись друг от друга метров на шесть. Слава Голубев шел крайним к придорожному кювету. Справа от него понуро брел Борис Медников, затем — криминалист, следователь, а в глубине леса замыкал шеренгу Онищенко с Барсом. По шоссе, рядом с кюветом, медленно двигался милицейский «газик», мимо которого то и дело проносились машины.

Освещенные сентябрьским солнцем березки, роняя желтый лист, тревожно лопотали на ветру. В глубине колков было сумрачно и тихо. Впереди, будто накликав беду, надсадно каркала одинокая ворона.

Выйдя с опушки очередного колка к шоссе, Слава Голубев огляделся. От Крутихи было пройдено уже больше километра. Примерно столько же осталось до серебрянской пасеки. В полутора километрах за жнивьем, параллельно шоссе, по высокой насыпи тупоносый зеленый электровоз шустро тянул за собой длинный хвост грузового состава. В той же стороне среди тополей виднелись покрытые красной черепицей крыши пристанционных домишек разъезда Таежное. Через жнивье к разъезду черной полосой тянулась накатанная проселочная дорога.

Из колка вышел задумчивый Медников. Подойдя к Голубеву, показал на ладони старую обгоревшую спичку:

— Вот нашел. Посмотри, по-моему, шведская...

Голубев серьезно ответил ему:

— Знаешь, Боря, о чем сейчас думаю?

— О чем, мыслитель?

— Вот с этого места убийца Репьева мог отправить лошадь к разъезду Таежное порожняком, а сам — на попутную машину и — в райцентр...

— А тебя не заинтересовал серебрянский шофер? Мне, например, показалось, что обнаружить в камышах обрез можно было только при очень пристальном внимании.

Оба задумались. Ворона, ненадолго умолкнув, надсадно закаркала снова. Теперь уже близко, сразу за колком. Там же длинными очередями застрекотала сорока. Голубев повернулся к березнику. Из глубины колка послышался тревожный отрывистый лай Барса. Придерживая кобур с пистолетом, Голубев со всех ног бросился в колок. Медников побежал следом. С березок густо посыпались желтые листья, под ногами захрустел старый валежник. Приостановившийся на шоссе милицейский «газик», словно по тревоге, свернул в придорожный кювет, выбрался из него и, оставляя в траве жирную колею, быстро помчался в объезд колка.

Метрах в пятидесяти от шоссе, почти у самой опушки Семенов и Лимакин смотрели на невысокую кучку хвороста. Рядом, держа за поводок лежащего Барса, стоял хмурый Онищенко. Из-под хвороста торчали ноги в черных лакированных полуботинках, а в примятой траве бурели остатки раздавленных на корню груздей, на которых отпечатались вмятины шипов, похоже, от подошвы кирзового сапога.

— Понятых надо? — спросил Голубев.

— Конечно,— мрачно ответил следователь.— Выбеги на шоссе, останови кого-нибудь.

Слава понятия кивнул и заторопился. Минут через пятнадцать следом за ним в колок пришли два пожилых шофера. Объяснив понятым суть дела, следователь стал разбирать кучку хвороста.

Труп молодого светловолосого парня лежал на боку. Серый новенький пиджак на нем был расстегнут. Под левой лопаткой торчала наборная рукоятка ножа, и от нее до самого пояса тянулась полоса засохшей крови, пропитавшей пиджачную ткань.

Подошедший шофер милицейского «газика» молча протянул экспертам их чемоданчики. Семенов сфотографировал труп с разных точек. После этого Лимакин склонился было над трупом, но тут же выпрямился и просяще посмотрел на Медникова.

— Боря, при осмотре обыщи, пожалуйста, карманы.

— Нашел ищейку,— надевая резиновые перчатки, буркнул Медников.

— Не могу, запах...

В карманах, кроме чистого носового платка и тощего бумажника, где лежали паспорт и сберкнижка на имя Барабанова Андрея Александровича, ничего не было.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ЯЗЫК ЗЕМЛИ

Краткий словарь географических названий Урала

Александр
МАТВЕЕВ

Оформление
З. Баженовой

УВИЛЬДЫ, большое озеро в Челябинской области к югу от города Кыштыма. В источниках XVIII—XIX веков господствовала форма Увельды (Увелды), которая явно ближе к языку-источнику. Это хорошо подтверждается башкирским названием озера — Уелдекул, где *кул* — «озеро». При сравнении русского и башкирского названий выясняется, что *в* — вставной звук, возникший в русском языке.

М. В. Лабзина считает, что в слове Увильды та же основа, что и в Увелька (есть такая река в Челябинской области), то есть *уй* — «низина», «долина», но структура названия в этом случае непонятна. Можно привести еще татаро-башкирское *оялы*, казахское *уялы* — «гнездовой», однако и здесь остается неясным окончание *ды*.

Приемлемо в качестве прототипа названия озера татарское *уйалды* — «передняя часть дома», «сени». Смысл этой метафоры — «Озеро находится перед домом».

Наконец, следует еще указать на татарское *уелу* — «быть углубляемым», *уелдык* — «выбоина», *уелды* — «углубилось», «прорубилось».

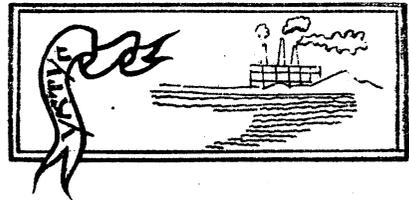
УГЛЕУРАЛЬСКИЙ, рабочий поселок в Пермской области южнее Кизела. В 1831 году здесь возникло поселение углежогов. В 1904 году нача-

ла работать первая угольная шахта. В 1960 году возник рабочий поселок Углеуральский. В названии отражены объект добычи (уголь) и местонахождение (Урал).

УЗЯН, левый приток Белой на юге Башкирской АССР. Башкирское *узьян* — «долина».

УИ, река в Челябинской и Курганской областях, левый приток Тобола. В Челябинской области есть село Уйское, в Курганской — село Усть-Уйское. Башкирское и татарское *уй*, казахское *ой* — «низина», «впадина», «долина». Сравнивают еще с татаро-башкирским *уй* — «мысль», «дума», перевода «Задумчивая», но это явная ошибка.

Есть еще речка Уй и село Уинское в бассейне Ирени на юге Пермской области. Возможно, что и это название связано с тюркским *уй* — «низина», «долина».

УКТУССКИЕ ГОРЫ, горный массив на южной окраине Свердловска. Они хорошо известны как место лыжных соревнований. Горы названы по речке Уктус (теперь Патрушиха), правому притоку Исети. На этой речке в 1702—1704 годах был построен Нижнеуктусский металлургический завод, который просуществовал недолго (сгорел в 1718 году), но поселение сохранилось, став пригородом Екатеринбургa. Эта часть Свердловска и в настоящее время носит название Уктус.

Слово Уктус неоднократно пытались связать с башкирским или татарским языком. Его возводили к *юк* — «нет» и *туз* — «соль», к *Ук* (название реки) и *туз* — «устье». Оба эти толкования неубедительны, тем более, что село Уктуз (Уктус) есть и на юге Тюменской области.

В периодической печати, особен-

Продолжение. Начало см. в № 1—3, 5—10, 12 за 1978 г., № 2, 3 за 1979 г.

но в информациях спортивных комментаторов, нередко можно встретить форму Уктусы (по образцу Карпаты или Гималаи). Эту форму в Свердловске никто не употребляет, и она должна рассматриваться как неудачное нововведение.

УРАЙ, поселок в Серовском районе Свердловской области, а также станция на железной дороге Алапаевск — Серов. В 1965 году возник город нефтяников Урай в верховьях Конды (Ханты-Мансийский автономный округ). До этого там был небольшой населенный пункт с тем же названием.

В конечном счете из мансийского языка, где *урай* — «речной залив», «старница». В этом же значении слово *урай* известно и в русских говорах Северного Урала, куда оно проникло из мансийского языка. Поэтому в каждом отдельном случае трудно определить конкретный путь названия — прямо из мансийского языка или через русское посредство.

УРАЛ, горный хребет и река.

Впервые упомянуто это слово в официальных документах последней трети XVII столетия, а в XVIII оно окончательно закрепилось в употреблении. В 1775 году Екатерина II, желая выкорчевать все, что напоминало о мятежных яицких казаках и их вожде Емельяне Пугачеве, приказала переименовать реку Яик в Урал, а Яицкий городок — в Уральск. Так что к этому времени название Урал, видимо, было уже общеизвестно. До XVII—XVIII веков в русских официальных документах фигурирует только древнее название Урала — Камень, да еще иногда, особенно на картах, — Пояс, Каменный Пояс, Земной Пояс и тому подобное.

Многое за то, что слово Урал пришло к нам из тюркских языков Южного Урала. На это прежде всего намекает типично тюркский звуковой облик слова: ударение на последнем слоге и сходство с многочисленными тюркизмами русского языка (*буран*, *кушак*, *урман*). Но основной аргумент в том, что самый длинный хребет на Южном Урале и понные называются Уралтау, то есть «Урал-гора», причем в «Книге Большому Чертежу» (1627) это название приведено в форме Аралтова или Оралтова Гора.

Что может означать слово *ура* в тюркских языках?

Первым был В. Н. Татищев. Зная об одном из древних названий Урала — Пояс, он счел его за переведенное с татарского или башкирского языка, поскольку в татарском языке глагол *уралмак* — «опоясываться». Отсюда, по его мнению, и слово Урал, которое точно передает характер объекта — очень длинного и узкого хребта. К В. Н. Татищеву присоединились многие: П. И. Рычков в своей «Топографии Оренбургской губернии», автор книги «Центральная Азия» знаменитый путешественник А. Ф. Гумбольдт и другие.

Со временем этот взгляд все более утверждался, но не все ученые были с ним согласны. Одни говорили, что в тюркских языках нет слова *ура* — «пояс», и этот предмет называется *билбау* или *кушак*. Им отвечали, что *билбау* и *кушак* — «пояс вокруг талии», а тут речь идет о горном хребте, поэтому здесь и другая основа.

Другие резонно настаивали на том, что первоначальная форма слова Арал или Орал, а не Урал. Им говорили, что в «Книге Большому Чертежу» могли быть искажения.

Но, пожалуй, больше всего возмущений было с точки зрения грамматики тюркских языков.

Казахский ученый Г. К. Конкашпаев хотел доказать, что Урал — это все-таки «Пояс», как думали В. Н. Татищев и другие исследователи XVIII—XIX веков. И посчитал, что *ура* — форма повелительного наклонения единственного числа от тюркского глагола *уралмак* (*оралмак*), *урау* (*оралу*) — «опоясываться», то есть, если перевести на русский язык, «опоясывайся», причем он добавлял, что в названии Уралтау компонент *ура* воспринимается как причастие со значением «опоясывающийся». Значит, Уралтау — «Опоясывающаяся гора»? Но это по смыслу несколько не лучше, чем «Опоясывайся, гора!»

Пришлось искать и другие пути. Один из них — обратиться к башкирскому фольклору — показался заманчивым географу Е. В. Ястребову.

В башкирских преданиях много рассказывается об Урал-батыре («богатыре Урале»). Храбро бился Урал-батыр с врагами башкирского народа — разными духами и чудовищами. Из трупов убитых им драконов и змей возникла «Дурная гора» — Ямантау и «Горелая гора» — Янгантау. Долго совершал подвиги Урал-батыр, но в конце концов погиб, и теперь, окаменев, молча наблюдает за порядком в своем огромном горном хозяйстве.

Красивая легенда! А в «Справочнике личных имен народов РСФСР» среди башкирских и татарских имен приведен и Урал. Итак, Урал от имени Урал-батыра?

Увы! Чем красивее легенда, тем меньше шансов, что она правильно объясняет происхождение названия.

Начнем с того, что горы по имени древних героев обычно не называются. А вот сами горы олицетворяются сплошь и рядом. Помните у Лермонтова в «Двух великанах»: «Как-то раз перед толпою союземенных гор у Казбека с Шат-горою был великий спор...» И так всюду.

Поэтому-то предание об Урал-батыре в своей основе, видимо, довольно поздний миф. Не случайно впервые он был записан только в 1910 году. Исследователи башкирского фольклора XIX века — Вл. Даль и М. Лоссиевский зафиксировали, правда, отдельные легенды, вошедшие в цикл Урал-батыра, но самого Урал-батыра в них еще нет. А это значит, что перед нами сравнительно поздняя поэтическая обработка древних легенд.

Вот почему трудно поверить и в это фольклорное объяснение названия. Вокруг гор всегда легенды. И прекрасное предание об Урал-батыре — одна из них.

Есть ли надежда добраться до правды? Кое-какая есть. И первая зацепка — старое название гор Южного Урала — Аралтова или Оралтова Гора.

Русские писцы в чужом слове легко могли смешивать *a* и *o* в безударном положении (ударение, несомненно, Аралтова, Оралтова). Ведь писали же Андрей и Ондрей, Анисим и Онисим.

Допустим, что исходным была *a*, то есть Аралтова Гора, и тогда перед нами откроется довольно любопытная перспектива.

Южная часть Уральского хребта через его непосредственное продолжение горную цепь Мугоджары примыкает к Аральскому морю, по-казахски Арал тенгизи, по-башкирски Арал дингезе — «Островное море». Что это название дано за обилие островов, знали уже В. Н. Татищев и П. И. Рычков. Поэтому на южную часть Уральского хребта по смежности (метонимии) легко могли перенести название Аральского моря: Арал дингезе могло породить вторичное Арал тау — «Аральская гора, хребет», дошедшее до нас в виде Аралтова Гора.

Если припомнить, сколь важны водоемы, особенно в засушливых местах, да и роль самой Средней Азии в период господства татаро-монголов, то эта гипотеза не покажется слишком смелой. Курьезно, но ведь Екатерина II переименовала Яик в Урал, используя метонимический перенос.

Но как из Арала получился Урал? Вот этого-то ученые и не могут объяснить...

Другая версия была выдвинута в XIX веке астрономом и геодезистом М. А. Ковальским, участником знаменитой Североуральской экспедиции Э. К. Гофмана: слово Урал происходит от мансийского *ур* — «гора». Это предположение поддержали недавно венгерские ученые Б. Кальман и

Я. Гун, которые нашли в мансийском языке сложное слово *ур-ала* — «крыша горы».

Против мансийской версии есть сильные аргументы. Сами манси называют Урал только Нёр — «Камень» и никогда не используют для его обозначения слово *ур-ала*. В то же время русские, которые познакомились с Северным Уралом раньше, чем с Южным (в XII—XV веках), всегда именовали Урал Камнем, что можно рассматривать как перевод (кальку) с мансийского языка. Другие народы Северного Урала тоже называют Урал Камнем — Кев (ханты), Из (коми), Нгарка Пэ — «Большой Камень» (ненцы).

Поэтому намного вероятнее, что название Урал заимствовано у тюркских народов: оно пришло с Южного Урала. Правда, в последнее время ученые пытаются найти разгадку в далеком эвенкийском языке, где *урз* — «гора», *л* — суффикс множественного числа, то есть Урал — просто «Горы». Непонятно одно: как русские, двигаясь с запада на восток, позаимствовали название Урал у жителей Восточной Сибири?

УРЕНЬГА, длинный горный хребет в Челябинской области южнее Златоуста (высшая отметка — 1198 метров).

И. И. Лепехин в XVIII веке записал это название в виде Уренга и Уранги и перевел «Кленовый», а П. С. Паллас тогда же зафиксировал в формах Урянгетау, Урангетау, Уранге, из которых первая является точной передачей татарских слов *урянге* — «клен», «кленовый» и *тау* — «гора». Таким образом, Уреньга действительно «Кленовый (хребет)».

УСА, правый приток Печоры в Коми АССР. На языке коми Усва. На Усе в 1971 году возник рабочий поселок Усинск. В Пермской области есть река УСБВА, правый приток Чусовой, на ней рабочий поселок Усва. Эти названия трудно отделить друг от друга, тем более что и в характере рек много общего: они берут начало на склонах высоких гор и обе стремительны.

Коми *усьны* — «падать», а также «впадать» (основа *усь*) и *ва* — «вода», то есть «Падающая вода» или «Впадающая вода». Не объясненным, однако, остается наличие твердого *с* в топониме Уса (Усва) вместо ожидаемого *сь*. Возможно, это указывает на то, что название печорской Усы усвоено коми из какого-то другого языка и только втянуто в ряд названий на *ва*.

Есть еще Уса, правый приток Уфы в Башкирской АССР, и Уса, правый приток Волги, река в Куйбышевской и Ульяновской областях. Эти названия другого происхождения, может быть, они связаны с монгольским *ус* — «вода», «река».

УСОЛКА, название многих рек на Урале и в других районах нашей страны, в том числе притоков Камы, Вишеры, Яйвы и Чусовой в Пермской области, а также притока Белой в Башкирской АССР. На Усолке, притоке Камы, расположен город Соликамск. Кроме того, есть город Усолье в Пермской области, на правом берегу Камы, где в 1606 году был основан Новоусольский солеваренный промысел и возникло поселение Новое Усолье (с 1940 года — город Усолье).

Все эти названия означают реки и местности у соли, около соляных ключей, а также солеварен.

УТКА, название нескольких рек в Свердловской и Пермской областях, из них три — притоки Чусовой. Наиболее значительна река Межевая Утка (Нижняя Утка), правый приток Чусовой, в устье которого находится деревня Усть-Утка. Название Межевая Утка (от русского межа) обусловлено тем, что раньше эта река была границей между владениями уральских заводчиков. Вблизи устья двух других (левых) притоков Чусовой, которые в прошлом именовались также Средней и Верхней Уткой, находятся рабочие поселки Староуткинский и Новоуткинский, возникшие как заводские поселения в первой половине XVIII столетия.

От названия Утка, видимо, нельзя отделить и гидроним Ут. Так именуют две реки в Приуралье — притоки Бисерти и Сылвы. Название Ут особенно интересно по той причине, что позволяет видеть в гидрониме Утка русский суффикс *ка*, который, может быть, появился не без влияния со стороны русского слова утка.

Основу *ут* пытались связать с татарским *ут* — «огонь» и венгерским *ут* — «путь». Первое почти невероятно; наоборот, сравнение с венгерским *ут* привлекательно, но будет иметь доказательную силу только в том случае, если в этих местах будут обнаружены и другие топонимы венгерского происхождения.

Кроме того, есть еще и западно- и южномансийское *уть*, *вють* — «вода».

УФА, река в Челябинской и Свердловской областях и Башкирской АССР. По реке назван город Уфа, столица Башкирской АССР, который находится у впадения Уфы в Белую.

По сведениям, идущим от такого

видного знатка Южного Урала, как П. И. Рычков (XVIII век), русская крепость на месте современной Уфы была построена в 1574 году, вскоре после разгрома Казанского ханства (1552 год). По другим данным это укрепление и город возникли в 1586 году, который считается годом основания Уфы. Однако само название Уфа было известно русским значительно раньше: в русских документах начала XVI века уже упоминается «князь уфинский» (форма уфимский возникла гораздо позже), которого казанский хан отправлял в Москву для переговоров с Иваном III.

Популярная легенда сообщает, что слово Уфа образовано от междометия «Уф!», которое якобы произнес первый русский поселенец, когда взобрался на крутой уфимский берег. Нелепость этого объяснения очевидна.

Не принесли успеха и попытки найти прототип названия Уфа в тюркских и финно-угорских языках. Здесь особенно важно заметить, что сами башкиры называют реку Уфу — Каранзель — «Черная река», поэтому искать объяснение названию Уфа в башкирском языке — малоперспективное занятие.

Слово Уфа сравнивали с башкирским *уба* — «могильный холм», «курган», названием башкирского рода Упа и даже членили на якобы заимствованные у пермских финно-угров слова *ю* — «река» и *ва* — «вода». Все это типично кабинетные этимологии, которые не выдерживают критики.

Странно выглядит попытка одного исследователя вывести название Уфа из литовского и латышского *упэ* — «река», «ручей»: ведь самое восточное из балтийских племен — голядь — некогда обитало западнее Москвы.

Пожалуй, наиболее интересен поиск первичного источника слова Уфа в иранских языках. Археологи давно установили, что в древности скифо-сарматские племена обитали на Южном Урале. Первые шаги к выявлению иранского наследия в топонимии Урала сделали лингвисты. В скифо-сарматских языках было одно интересное для нас слово — *ап* — «вода». Оно живет и сейчас в таджикском *об* — «вода», а может быть, и в названии великой сибирской реки Обь.

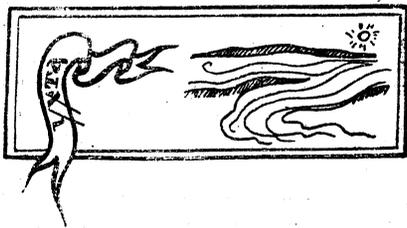
В языке современных осетин — прямых потомков древних скифов — это *ап* перешло в *аф* или *ах* и до сих

пор звучит в названии реки Ираф, дословно «Осетинская вода».

Если учесть, что современному Урал предшествовала древняя форма Аралтова или Оралтова Гора, то, пожалуй, и не удивит, что иранское слово *аф* или *оф* могло дойти до наших времен в виде Уфа, хотя и не понятно, какой народ повинен в переходе звука *а* в *у*. Что касается *ф*, то этот звук обычен для иранских языков.

УФАЛЕЙ, наименование правого притока Уфы в Челябинской области. В окончании *лей* следует видеть тюркский словообразовательный суффикс, возможно, измененный в русском языке. Скорее всего это суффикс *ле* со значением принадлежности, то есть Уфалей — «Уфимская (речка)».

На реке Уфалей в XVIII веке были построены Нижнеуфалейский и Верхнеуфалейский железоделательные заводы. В настоящее время Нижний Уфалей — рабочий поселок, Верхний Уфалей — город (с 1940 года).

УХТА, правый приток Ижмы в Коми АССР. По реке получила название город Ухта (город — с 1943 года).

Коми называют эту речку Уква, приспособив название к топонимам на *ва* — «вода» и заменив звук *х*, отсутствующий в коми языке, на *к*. Уже из этого следует, что Ухта — древний топоним, воспринятый коми у какого-то другого народа.

В данном случае все пути идут на русский Север — в Архангельскую и Вологодскую области, где зафиксировано несколько десятков топонимов с основой *ухт*, в том числе Ухта, Ухтозеро, Ухтюга, Ухтома и тому подобные.

Высказано множество предположений о происхождении этих загадочных топонимов. Наиболее аргументирован взгляд, что названия с основой *ухт* восходят к каким-то вымершим финно-угорским наречиям.

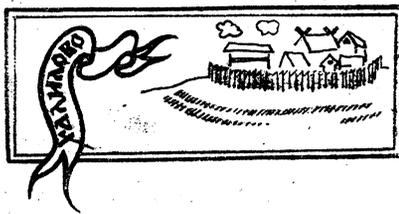
Значение основы *ухт* окончательно пока не установлено, но есть две интересные версии: *ухт* — «протока» (мансийское *ахт* — «протока», финское *окса* — «ветвь», Охта — протока Невы в Ленинграде) или «медведь» (финское *охто*, мордовское *овто* — «медведь»).

УЧАЛЫ, город на востоке Башкирской АССР, центр междурудной промышленности. Образован в

1963 году из поселков Новые Учалы и Малые Учалы. В основе — название башкирской деревни Учалы и озер Большие и Малые Учалы. По-башкирски эти озера называются Оло Асыузы и Кесе Асыузы. Поскольку слово *асыузы* можно рассматривать как диалектный вариант башкирского *асыулы* — «гневный», то допустимо перевести название озера как «Гневное». Но откуда форма Учалы? Очевидно, русские освоили не башкирскую, а татарскую форму названия Ачулы (татарское *ачулы* — «гневный»), переработав ее в более соответствующее нормам русского языка Учалы.

ХАЛИЛОВО, рабочий поселок в Гайском районе Оренбургской области, к северо-западу от Орска. От распространенного у мусульманских народов арабского личного имени Халил — «Верный друг».

ХАЛЬМЕРЬЮ, название нескольких рек на Полярном и Приполярном Урале, а также рабочего поселка севернее Воркуты (Коми АССР). Гибридное название: ненецкое *хальмер* — «покойник», коми *ю* — «река».

ХОЗАТУМП, горный хребет на Северном Урале в верховьях реки Ивдель. Из мансийского языка: *хоса* — «длинный», *тумп* — «отдельная плосковершинная гора».

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Уральские имена, уральские реликвии

Михаил
ИВАНОВ

Известно, что в команде «Авроры» было много уральцев. В именном списке личного состава, сохранившемся от 1917 года, указаны даты рождения и начала службы матросов, призванных с Урала, но из каких населенных пунктов — не названо. Сведения эти нашлись в Центральном военно-морском архиве. Там и тут коренных уральцев по документам оказалось восемнадцать человек.

Анкета авроровца Мельникова Степана Дмитриевича. Он был призван царским правительством из деревни Васино Ирбитского уезда. Крестьянин, беспартийный.

— В чем выразалось Ваше участие в Февральской буржуазной революции 1917 года?

— Принимал участие в аресте богатых и высших чинов, участвовал в восстании.

— В чем выразалось Ваше участие в Великой Октябрьской социалистической революции?

— Принимал участие в штурме Зимнего. Нес вахту в машинном отделении с 25 по 26 октября 1917 года. Задача кочегаров была «держаться пар на марке», что мы и делали...»

Рядом с кочегаром 1 статьи Степаном Мельниковым действовали матросы 2 статьи Николай Икрян из деревни Исаковой, Василий Чернов из села Черновского, Григорий Крутиков из деревни Теминой, Дмитрий Мильков из деревни Талаховой — все пятеро из одного, Ирбитского уезда.

Четверо были из Шадринского уезда: матросы 1 статьи Ефим Уткин и Яков Раговин, матросы 2 статьи Иван Чистяков и Михаил Жикин.

Константин Грачев, из деревни Пуздрино Кунгурского уезда, был на «Авроре» артиллерийским унтер-офицером, Федор Кочегаров из села Ново-Деребинского Камышловского уезда — электриком. Матрос 2 статьи Николай Чудинов призван из Добрянского завода Пермского уезда.

Из Соликамского уезда было трое: унтер-офицер по электрической части Ефим Исаков, уроженец деревни Дубляново, матрос 1 статьи Василий Якимов и матрос 1 статьи

Александр Неволин (в часы штурма Зимнего он возглавил на берегу десантный отряд).

И трое было екатеринбургских. О матросе 2 статьи Николае Ремизове с Каслинского завода мало что известно, а вот о машинисте 1 статьи Михаиле Пономареве — токаре Васильево-Шайтанского завода — можно рассказать многое. Это он в июле 1917 года нес по Петрограду плакат: «Долой десять министров-капиталистов!», а 25 октября нажал рукоятку пускового клапана своей машины, — «Аврора», выполняя приказ из Смольного, подошла к Николаевскому мосту и встала почти под окнами Зимнего дворца.

Бывший каталь Пышминского медеплавильного завода Петр Дмитриев до революции был корабельным писарем. В исторический для «Авроры» день судовой комитет назначил его связным между крейсером и Смольным. Ему также довелось целый месяц охранять Смольный, видеть и слышать Ленина. П. П. Дмитриев и сейчас живет в Свердловске.

...Хожу по палубам и отсекам, рассматриваю экспонаты. Сегодня «Аврора» — музей, мемориальный памятник. Кадровые военные моряки по сей день несут вахту, содержат корабль в образцовом порядке, охраняют ценнейшие реликвии. Над кораблем каждое утро выдмывается ярко-белое шелковое полотнище с голубой полосой, с серпом и молотом, с изображением орденов, которыми правительство наградило корабль за исключительные заслуги перед народом. Служить под этим знаменем — высокая честь.

Стальная палуба крейсера, покрытая индийским тиком, в период боев за Ленинград была сильно побита, но после войны ее опять застелили драгоценной заморской древесиной, а детали старой стали экспонатами многих музеев страны.

— Со времен Петра Первого Урал поставлял Балтийскому флоту якоря и орудия. А что на «Авроре» — наше, уральское? — спросил я научного сотрудника музея на корабле, капитана II ранга в отставке И. Склярова.

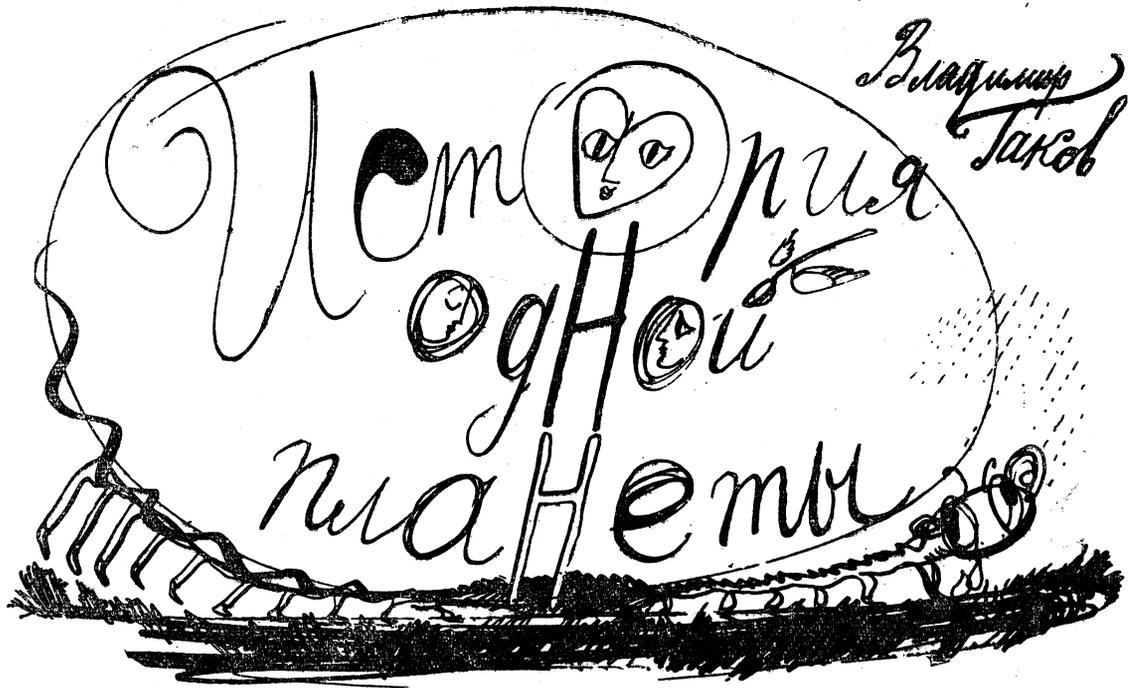
— Есть ваше, уральское: из четырнадцати орудий главного калибра — три ваших.

Поднялись на верхнюю палубу. Вот они: третье, девятое, тринадцатое. Все шестидюймовые, все на правом борту. Хочется осмотреть не только дульную часть, но и казенную. Трое матросов снимают чехлы. На каждом орудии четко обозначено: «Пермский завод». Изготовлены в 1902, 1904, 1906 годах. В начале Отечественной войны все орудия главного калибра были сняты и отправлены на острова Финского залива, на береговую батарею «А» возле Ленинграда. Своим огнем они хорошо помогли обороне города. После войны орудия возвращены на крейсер и установлены на своих постоянных местах: одно рядом с носовым орудием, стреляющим по Зимнему, второе — в центре бортовой линии, третье — в кормовой части, возле входного трапа.

На корабле раздается мелодичный звон судового колокола: это вахтенный отбивает получасовую склянку. Новенький, сверкающий на солнце колокол — тоже наша реликвия.

В период боев за Ленинград старый, видавший виды колокол был поврежден осколком вражеской авиабомбы. После войны Ижевский машиностроительный завод получил заказ отлить для «Авроры» новый колокол. На корабль приехали инженер-литейщик М. Фонарев и художник-конструктор Б. Аверьянов; они сняли размеры, сделали эскизы, увезли на завод осколок колокола для химического анализа состава металла. Надо отлить точно такой же, как был раньше. Но выяснилось, что отливки подобных габаритов из такого сплава ижевцами не производились... Пришлось разрабатывать и внедрять новую технологию, необычную для завода. Под руководством начальника цеха кавалера ордена Ленина М. Колпакова модельщики П. Ворожцов и В. Третьяков во главе с заслуженным рационализатором РСФСР Б. Цилевым изготовили сложную модель. Опытный литейщик М. Семенов, проработавший на заводе 32 года, и его товарищи по цеху отлили новый колокол.

Он установлен на грот-мачте крейсера и снова отбивает склянки и судовые сигналы.

Рисунки
О. Земцова

Сестра Земли

С самых ранних произведений воображаемая Венера стала обильно заселяться разумными существами — вспомним хотя бы романы Мунро и Гриффита. Приманка была лакомой, ничего не скажешь: облака, облака... — а попробуй отгадай, что там творится под их покровом! Идеальный полигон воображения!

Традиция закрепила за венерианцами роль «младших братьев» человека. Была ли популярность гипотезы Лапласа о неравном возрасте планет Солнечной системы всему виновной, не знаем. Вероятно, подсознательное противопоставление Марсу действительно имело место, но факт остается фактом — в подавляющем большинстве произведений мы встретим лишь «диких» или «полудиких» венериан. Во всяком случае, это существа, стоящие на более низкой ступени развития.

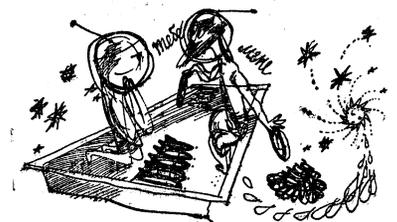
С чем же пожаловали посланцы небес к доверчивым детям природы? Что принесли с собой?

В западной фантастике ответ однозначен и грустен: не мир несли пришельцы, но меч. А с ним — кровь, страдание, смерть.

Западные писатели-фантасты, которых и так-то в изобилии гуманизме не упрекнешь, никак не могли освободиться от сопоставления двух сим-

волов — «старшего» Марса и «младшей» Венеры. А так как со времени «Войны миров» участь марсиан в массовой научной фантастике была практически предрешена, то где-то в недрах «массового подсознания» (интересно, есть ли такое?) выковалась схема: марсиане вторгаются к нам, мы — на Венеру. Марсиане подвергают нашу планету жестокой колонизации — в поисках кислорода или «жизненного пространства», или просто так, по праву сильного... А земные конкистадоры устремляют свой хищный взор на Сестру Земли.

Трагическое несоответствие: мир любви, райская обитель, к которой обращали свой взор утописты и богоискатели всех мастей, — и кровь, смерть, жестокость... Возникает схема «антиконтакта»: отсутствие взаимопонимания — антагонизм — война — уничтожение или порабощения. Грустно, но иной альтернативы писатели разглядеть не сумели.

Гипноз подобного «антиконтакта» с жителями Венеры захватил даже такого крупного английского фантаста 30—40-х годов, как Олаф

Окончание. Начало см в № 4.

Стэплдон (1886—1950). Писатель обладал феноменальной способностью охватывать разом целые эпохи, умением вычленять тенденцию в хаосе фактов, силой и убежденностью философского воображения. В известном романе «Последние и первые люди» (1930) он изобразил эволюционный путь человеческой расы за период в полмиллиарда (!) лет. И тем обиднее, что Венера в его романе — опять жертва колонизаторов-землян, к тому времени перешедших на «плетую» порядковую ступень эволюции.

«Пятые люди» столкнулись с проблемой переселения задолго до его осуществления: по расчетам астрономов в распоряжении человечества оставались «какие-нибудь»десят миллионы лет, после чего Луна должна была упасть на нашу планету. Взоры землян устремились к Венере, которой предстояло стать будущим домом человечества. «С другой стороны, вскоре стало ясно, что преобразовать Венеру в должный срок удастся, только если применить самые эффективные меры воздействия. Так было решено расщепить часть океана Венеры на кислород и водород путем гигантского процесса электролиза... Нечего и говорить, что технические трудности мало волнуют наших отдаленных потомков. Хуже, что их не очень-то трогают трудности моральные, возникшие быстро и неожиданно.

Оказалось, что на Венере есть разумная жизнь, — постоянно скрытая от глаз землян толщей океана, странная, абсолютно нечеловеческая, но все-таки жизнь. Причем «цивилизовавшаяся» настолько, что претерпела разделение на враждебные группировки, постоянно изобретающие новые типы вооружений.

Вновь земляне — поработители Венеры. Вновь венериане уничтожены «более развитой, нуждающейся в новых землях» расой... И спасительная «моральная соломинка», предложенная автором (жизнь на Венере все равно обречена, помочь ей невозможно даже при техническом потенциале землян, поэтому «пятые люди» выполнили всего лишь роль лекарей, избавляющих пациента от ненужной мучительной агонии), не в состоянии оправдать чудовищное решение. Плох лекарь, который не борется за жизнь умирающего до последней секунды...

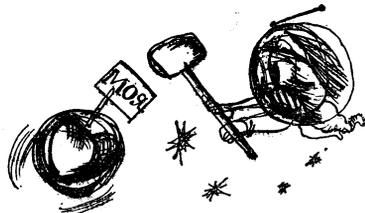
Дважды десятилетиями позже тема заиграла новыми мрачными красками. Еще свежа была в памяти кровавая бойня, развязанная арийскими «сверхчеловеками», еще висел незримо в воздухе атомный гриб Хиросимы. Реальность, которая оказалась страшнее самых мрачных фантазий, определила западную фантастику пятидесятых.

Не обошлось без Венеры. Достаточно пробыть взглядом по названиям рассказов: «Армия зани-

мает Венеру» Эрика Фрэнка Рассела, «Терро-венерианская война 1979 года» Дж. Нейронда... И наконец рассказ, знакомый нашему читателю, — «Сестра Земли» Пола Андерсона. С поразительной болью, трагической обнаженностью нарисовал американский фантаст свой вариант «контакта» с разумными обитателями Венеры, дельфоидами.

Вначале, кажется, ничто не предвещает беды: Венера у Андерсона тихая, спокойная. Бесконечный мирный океан, а в нем — полуразумные дельфоиды, мягкие и доверчивые. Но постепенно становится ясно, что идиллия чревата взрывом, что не будет мира на Венере. И когда это становится ясно главному герою рассказа, он делает свой страшный выбор... Рассказ трагичен, и нельзя однозначно ни оправдать, ни осудить главного героя, да он и сам себе вынес приговор. Выбор был чудовищен: сознательное убийство безоружных дельфоидов и разрушение их подводного города... Быть может, думал герой рассказа, удастся, вызвав вражду обитателей Венеры к землянам, оттянуть «мирный» контакт лет на пятьдесят. Ведь до сих пор венериане общались с учеными, исследователями, а что им придется пережить, когда на планету хлынут убийцы?! А они хлынут, в этом герой рассказа не сомневался...

То, что при этом произойдет, изобразил Джордж Эллиотт в рассказе «Вторжение на Планету Любви». В этой новелле, написанной внешне сухо и неэмоционально, описывается первая экспедиция американцев на Венеру. Эти «миссионеры цивилизации» поразительно напоминают своих предшественников, отличившихся в маленькой деревня на Земле — французской Орадур, чешской Лидице, белорусской Хатыни, а позднее — во вьетнамской Сонгми. С холодной, тщательно сдерживаемой яростью выписан финал. Залив Венеру кровью, пришельцы устанавливают щит с надписью: «Планета впервые исследована Соединенными Штатами Америки! Собственность Соединенных Штатов! Берегись, нарушитель!»

Так что же — только истреблять придет землянин к Сестре своей? Неужели фантазия не подсказывает писателям Запада ничего, кроме этих отвратительных картин?

Впрочем, в их мире всегда су-

ществовала «альтернатива» истреблению, вполне в духе прагматичного янки: раз не убивать, значит, торговать... И тема «торговцев Венеры» — это еще одна грустная, но реально существующая страница нашей «лептисы».

«Венерианские купцы» — таким вольным парафразом из Шекспира названа одна из последних повестей Фредерика Пола. Это название прекрасно отражает общий дух рассказов и книг, на которых мы собираемся остановиться. В них не присутствует сама Венера как планета. Осталась декорация, на фоне которой разыгрываются хорошо известные драмы — драмы алчности, торгашества, надувательства.

Все внешне благопристойно в этом мире: вместо крови, насилия — «честная» купля-продажа, вместо убийц — завоеватели-чиновники, старатели, торговцы. Покупают и продают с невиданным азартом — еще бы, с молотка идет целая планета. В розницу и оптом, законным путем и из-под полы. Продается прошлое, настоящее и даже будущее Венеры... Многие повествуют об этом с лукавством, зачастую юмор уступает место резкой сатире, а иногда проступает настоящая боль. Боль и горечь за общество, в котором решительно все снабжено цеником, и даже целая планета оценивается по принципу «почем?» Итак, на аукцион! Идет планета...

Одно время, вскоре после шумного успеха сочинений «Деннигена пятидесятых» Джорджа Адамского, повалила волна произведений про «летающие тарелочки». Многие из них оказались приписанными к космодромам Венеры, да и сам Адамский во всеуслышанье заявил, что лично встречался с венерианцами. Облака Венеры по-прежнему возбуждали любопытство, и высказываниям шарлатана верило невероятное количество людей. По крайней мере, книжки его разлетались поистине с космической скоростью...

Серьезные фантасты быстро уловили дух общего безумия, и с тех пор пародировать «венерианские» тарелочки стало правилом хорошего тона (как раньше — расписывать ужасы венерианских болот). Жители американского провинциального захолустья принимают венерианских гостей за венецианских (рассказ Айзе-

ка Азимова «Место, где много воды»), а у итальянца Лино Альдани (рассказ «Приказы не обсуждаются») Земля просто наводнена агентами иных миров. И расстановка сил: марсианские агенты — мужчины, а венерианские, разумеется, — представительницы прекрасного пола...

«Обитатели Венеры» со временем начали восприниматься откровенно иронически. Та же история, к несчастью, произошла и с самой планетой на страницах научно-фантастических произведений. Неведение относительно ее действительного облика затягивалось, и скоро фантазия писателей начала иссякать. С миром Венеры в американской фантастике произошло то же самое, что и со всей остальной Вселенной: «американизация». Возник даже собирательный образ этакого комфортабельного, скроенного по американскому образцу «теплого местечка»: старатели, чернорабочие-иммигранты, полицейские, гангстеры, темные личности со всей Солнечной системы, казино и притоны...

Правда, иных писателей-фантастов можно понять — описание пейзажей волновало их в последнюю очередь. Можно без труда перенести старателя из венерианской пустыни на планету какой-нибудь отдаленной, богом забытой звезды — разве судьба его от этого изменилась бы? Да и многим ли она отличается от судьбы современного рабочего-поденщика, какого-нибудь «чиканос» из южных штатов (рассказ Роберта Шекли «Особый старательский»)? Многим ли отличается Венусборг из рассказа американца Фредерика Уоллеса «Погоня» от реальных современных супергородов? Ясно, что в этих произведениях Венере отведена роль индикатора, лакмусовой бумажки, — волнуют же авторов проблемы вполне земные.

До сих пор все это были еще сравнительно мирные рассказы — даже несмотря на то, что у Уоллеса льется кровь и традиционные полицейские ловят традиционных преступников. Но уже в маленькой повести того же Шекли «Четыре стихии» (1958), произведении юмористическом, проскальзывают тревожные нотки. Венера колонизована не до конца, однако это уже вполне «Дикий Запад», с аборигенами в амплу индейцев. Шекли издевательски произносит устами одного из героев выспренние фразы о «великом пути пионеров», «духе американских фронтиров», романтиках-фермерах и прочие заклинания в духе звездно-полосатого патриотизма, а при этом словно невзначай бросает точные и выверенные ядовитые фразы. О том, что войны с аборигенами будут продолжаться; о том, что на тяжелых работах на плантациях, фактически на положении рабов, работают венериане; о том, что плантаторы не

зря носят на поясе оружие. О том, что неизменным атрибутом контакта здесь служит хлыст...

Вероятно, самым популярным произведением о «проданной Венере» является роман Фредерика Пола и Сирилла М. Корнблата «Торговцы Космосом» (1953).

Планета так и не появляется на страницах романа, хотя постоянно находится в центре внимания. Уже одно название «Проект «Венера» в сочетании с активностью американского рекламного концерна наводит на мысль о сделке. Так оно и есть: объектом грандиозной рекламной кампании, затеянной фирмой «Фаулер Шокен», выступает наша героиня, планета Венера. Задача состоит в том, чтобы убедить тысячи землян переселиться на Венеру. Расписывая перед вполне конкретными трудностями на Земле (а трудностей хватает — перенаселение, безработица, рост преступности, загрязнение среды обитания), фирма «забывает» сообщить об условиях, с которыми придется столкнуться колонистам в первые десятилетия пребывания на Венере. Атмосфера, целиком состоящая из формальдегида, высокая температура, полное отсутствие воды, ветры, дующие со скоростью 500 миль в час, оранжево-красный, непривычно яркий, зловеющий свет... Неуютный, мягко говоря, мир.

Однако для заправил концерна все это мелочи. Вопрос для бизнесменов стоит однозначно: товар надо всучить, и по возможности выгодно. Тут-то и закрутилась на все обороты всемогущая машина рекламы...

К счастью, существует и иной взгляд.

Даже в американской научной фантастике, где гуманизм буквально на вес золота, жива «традиция Саймака». Это взгляд на всю обитаемую Вселенную как на единый дом разума, где «старшие» помогают «младшим», где обмениваются научной информацией и идеями, а не угрозами и бомбами. Вспомним в этой связи прекрасный рассказ Теодора Старджона «Особая способность», в которой рассказывается об экспедиции землян на Венеру. Трудно забыть главного героя, нескладуху Слоспа, ставшего всеобщим посмешищем. Однако именно способность Слоспа вызвать смех, улыбку, способность увидеть ее на лицах других принесла ему главный «приз» экспедиции — долгожданный контакт с «лопотунами»-венерианцами, которые тоже оказались не лишены чувства юмора. Что может быть оптимистичнее: качество, которое прини-

мали за враждебность, оказалось... обыкновенным смехом!

Разумеется, совсем по-иному смотрят на будущий контакт с обитателями Венеры писатели-фантасты с «другой» половины земного шара. То, что принимается за исключение в фантастике западной, положено за основу в фантастике советской: убежденность, что взаимопонимание может и должно быть достигнуто, что на Венере никогда не заговорят пушки, что никогда «старшие» братья не придут на планету угнетателями. А придут учителями, исследователями, помощниками.

Сразу вспоминается одна из ранних повестей Георгия Мартынова «Сестра Земли» (1960), где космонавты встречаются на Венере с разумными амфибиями, похожими на земных «крокодилчиков». Снова контакт, сложный и далекий от идиллического благополучия: сначала отсутствие общего языка (речь идет, разумеется, не о лингвистических барьерах), а затем и трагическая ошибка, повлекшая за собой смерть одного из землян. И все же после прочтения повести нас не покидает уверенность: отношения рано или поздно наладятся, и раса более мудрая подаст руку помощи своим младшим собратьям.

Другой яркий пример такой помощи землян — цикл рассказов Виктора Сапарина, написанных в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов («Возвращение круглоголовых», «Исчезновение Лоо» и другие).

Венера у Сапарина — молодая, богатая жизнью. Ставшие уже привычными картины — опять ящеры, озера, непроходимая «голубая глина», старые знакомые — болота... Но не это главное в рассказах. На Венере обитают разумные существа, обнаруженные Восьмой экспедицией. И в решении нештучной проблемы — как вести себя с «младшими» братьями — вовлекается едва ли не все население Земли.

Сапарину хорошо удалось портреты человекоподобных венериан, особенно молодого и симпатичного Лоо. Говоря «симпатичный», мы имеем в виду не внешность, но ту жажду знания, жажду нового, желание расширить свой крошечный горизонт, которые не могут не покорить. Лоо оказался первым из своего племени, кто по-настоящему подружился с людьми Земли. Символично звучит в финале первое слово, произнесенное Лоо на языке землян: «И-дем!».

И последний поворот, последняя страница в нашей главе о Венере — сестре Земли. На этот раз речь идет о сестре «старшей».

Серьезную и глубокую попытку изобразить высокоразвитую цивилизацию Венеры (точнее, то, что от нее осталось) предпринял в 1950 году польский писатель Станислав Лем. Свой первый научно-фантастический роман он назвал «Астронавты».

Нет нужды пересказывать роман, хорошо знакомый советским читателям. Трудно отделаться от впечатления, что все это списано с натуры, — жуткие до правдоподобия, выписанные до мельчайших деталей пейзажи мертвой планеты, какими предстали они космонавтам с Земли:

«Так возникли картины, которые нам довелось увидеть через много десятков лет после катастрофы: развалины, пепелище, пустыни, леса сконденсированных кристаллов, реки ферментирующей плазмы в диких ущельях и этот Белый Шар, последний свидетель катастрофы, механизм которого, разладившийся, но все еще действующий, продолжает работать...»

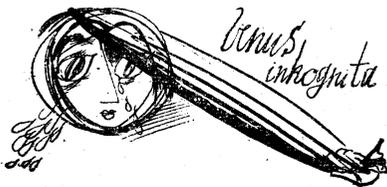
— Страшное наследство, — прошептал я.

— Да, — ответил Арсеньев, — но мы имеем право принять его... Только жизнь придает смысл миру. Поэтому у нас хватит смелости, чтобы вернуться на эту планету».

Укрощение строптивой

А теперь забудем на время об обитателях Венеры. Они, вероятно, так и останутся лишь на страницах фантастических произведений. Ибо веками молчала загадочная красавица, возбуждая в изобилии слухи и легенды, но пришлось и ей снять маску таинственности. А когда в середине шестидесятых годов ученые слегка приоткрыли ее вековую «паранджу», то на смену фантазиям и домыслам пришли уныние и разочарование.

Грезы сменила суровая реальность — «Планета Любви» оказалась едва ли не самым неприятным местом в Солнечной системе. И о ее гипотетических разумных обитателях теперь предпочитали как-то не думать... Как приговор мечтаниям о «райской» Венере прозвучали слова Карла Сагана: «Венера, яркая утрен-

няя звезда, тысячелетие назад была названа Люцифер. Сравнение кажется на удивление уместным. Ибо по всем параметрам, имеющимся в нашем распоряжении, Венера — самый настоящий Ад!».

В наши планы не входит подробно описывать решающий штурм Венеры. Он начался в исторический год, 1961-й: за два месяца до полета Юрия Гагарина в долгое космическое путешествие была отправлена советская автоматическая станция «Венера-1»...

О полетах космических станций — советских «Венер» и американских «Маринеров» — читатели достаточно информированы. Нас же продолжает интересовать судьба Венеры в научной фантастике. Что здесь изменилось с приходом долгожданной научной информации?

Обрушившаяся на писателей-фантастов лавина фактических данных никакого удовлетворения не принесла. Полеты автоматических станций подтвердили или опровергли с дюжину гипотез, но одно стало ясным: надо обладать изрядной фантазией, чтобы теперь, когда на руках у нас факты, вообразить себе жизнь на Венере.

Уже в шестидесятых выяснилось, что единственным, практически, компонентом атмосферы там является углекислый газ; облачный покров простирается на десятки километров; прибавьте сюда температуру в сотни градусов по Цельсию плюс чудовищное атмосферное давление...

В лагере сторонников «венерианской жизни» царил меланхолия, и ученые добавляли масла в огонь: жизнь на Венере исключена. Впрочем, кое-кто из фантастов отказался от возможности существования венериан еще в те времена, когда вроде бы и не было оснований для пессимизма.

Известен, например, роман Генри Каттнера «Ярость» (1947). Каттнер довольно точно угадал ту эмоциональную реакцию, которую вызовет у людей Венера. «Романом неистовства» назвал эту книгу один американский критик, и назвал удивительно верно. В нем рассказывается о том, как после гибели земной цивилизации в результате геокосмической катастрофы маленькая колония уцелевших землян укрылась на дне венерианского океана. Многокилометровая толща воды отделяет людей от бушующих стихий на поверхности. Человечество спасено, но каково его будущее? Неужели раса звездочетов обречена на жалкое существование в вечной тьме океана? И борьба героя романа, возглавившего движение за выход на поверхность Венеры, — это борьба за самую нежсткую мечту человека: мечту о звездах...

Теперь за Венерой в научной фантастике закреплена другая функ-

ция: это один из главных испытательных полигонов землян в их пионерском космическом пути.

Сражаются с атмосферой Венеры космонавты в повести Александра Шалимова «Планета туманов» (1966). Кромешная мгла, нефтяной океан, населенный гигантскими червями, крошечные островки из асфальта, парауглеродородная атмосфера, мощная ионосфера на тысячи километров, исключающая всякую радиосвязь... — что еще можно вообразить, чтобы описать преисподнюю?! Сама попытка совершить высадку на планету в таких условиях сопряжена со смертельным риском и равносильна подвигу...

Томасу Дишу, автору новеллы «На Венере в тоске», вероятно, принадлежит патент на изобретение самого оригинального киборга в научной фантастике. Мы уже встречались с «человеком-прибором», даже с «человеком-космическим кораблем», но вот в данном случае — что-то новое, теплое, но-настоящему человеческое: «человек-комната». Особый исследовательский отсек, защищающий землянина от внешних условий...

Разумеется, у западных фантастов встречаются проекты и померачнее. Например, в радиопьесе Фридриха Дюрренматта «Операция «Вега» со стихиями Венеры борются преступники, сосланные с Земли и оставленные на произвол судьбы. Однако борьба с природой строптивой планеты объединяет даже этих изгоев общества: в маленькой колонии обнаруживаются черты коллективизма, взаимовыручки, которые выгодно контрастируют с «лоском» цивилизованных землян.

У Пола Андерсона, в его повести «Большой Дождь» (1954), Венера — как бы декорация к «божественной комедии»: ядовитая атмосфера, страшные ветры, абсолютно голые, безжизненные скалы. Воды нет совсем — лишь в виде льда в глубине некоторых кратеров. И всему этому противостоит горстка людей, сражающихся во имя своего будущего. Они строят специальные заводы, которые впоследствии должны будут изменить атмосферу планеты. Работающих не покидает вера в то, что придет день, когда над Венерой соберутся не аммиачные, а обычные, дождевые облака — и пойдет дождь. Не как все дожди — Большой Дождь, длящийся несколько десятилетий.

Когда он кончится, на Венере будут шуметь сады и леса, появятся реки и озера. Можно будет дышать без скафандра и гулять под открытым небом... Это будет не скоро — лет через пятьсот, может быть. Но обязательно будет.

Мы еще вернемся к этому проекту, а пока обратимся к повести, которую долго представлять не нужно. «Страна Багровых Туч» (1959) Аркадия и Бориса Стругацких была первым крупным произведением популярных ныне советских писателей. Сейчас, возможно, их первый опыт покажется кое-кому наивным и шероховатым в отдельных деталях, однако интересно припомнить, что, дебютировав этой книгой, Стругацкие сразу же прочно заняли свое место в ряду отечественных писателей-фантастов. Что повесть вышла несколькими изданиями у нас в стране и за рубежом. Что она меньше других подверглась «эрозии времени». Что она, наконец, до сих пор остается одним из лучших в мировой фантастике произведений об экспедиции на Венеру.

В конце пятидесятых годов, когда относительно Венеры еще ничего доподлинно известно не было, когда равноправно существовали и «каменноугольная» и «песчаная», и «дождливая» модели планеты, когда различные венериане и полчища ящеров еще не вызвали иронических ухмылок, — Стругацкие одними из первых усомнились. И написали повесть, в которой лучше всего предвосхитили дух будущей реальной борьбы земных первооткрывателей с венерианскими стихиями.

Главные испытания для героев повести начались, едва они приблизились к цели своего путешествия. Урановая Голконда — так первые исследователи Венеры назвали край неисчерпаемых богатств, удивительный природный «атомный реактор». Трансурановые элементы, на создание которых тратились колоссальные средства на Земле, здесь, на Венере, лежали прямо под ногами исследователей. Эти богатства означали не только будущее Земли, но и будущее Венеры — Венеры преображенной и покоренной.

«Вот она, Голконда!.. В километре от «Мальчика» клубилась над землей серая пелена дыма и пыли, протянувшаяся вправо и влево до самого горизонта. Пелена шевелилась, вспучивалась, колыхалась огромными волнами. А вдаль, заслоняя полнеба, вздымалась исполинская скала-гора, угольно-черная, озаряемая ослепительными вспышками разноцветного пламени. Вершина ее тонула в бегущих багровых тучах. Оглушительный грохот несся из недр этого чудовищного, вечно бурлящего котла, и почва вздрагивала, уходя из-под ног, словно живое существо... Быков не мог оторвать глаз от не-

вообразимо огромной черной горы на горизонте. Наконец он понял — перед ним столб дыма. Не верилось, что это мрачное сооружение состоит из пара, раскаленных газов и пылевых частиц. Только приглядевшись, можно было различить еле заметное на таком расстоянии медленно-неуклонное движение гладких стен вверх, к низкому небу. На мгновение ему стало не по себе. Необъятная труба, будто вонзившаяся в тело планеты, всасывала в себя тысячи тонн песка, пыли и щебня, выбрасывая все это в атмосферу. Там, по склонам черной «горы», с безумной скоростью мчатся сейчас в небо облака каменного крошева, раскаленного до невероятных температур...»

В таком вот окружении — клокоущем, бешеном, радиоактивном, беспросветно-мрачном — герои Стругацких делают свое дело, подготавливая почву для будущих экспедиций. Герои, незримо или явно, присутствует на каждой странице этой повести, и обстановка ежеминутного подвига, не терпящего напускной «р-р-романтики», описана молодыми писателями с удивительной силой. Странно было бы рассчитывать, что штурм Венеры, укрощение самого Ада, обойдется без жертв. Уже в первых главах мы узнаем, какой дорогой ценой заплатило человечество за первое любопытство: разбившиеся планетолеты, погибшие или пропавшие без вести межпланетки. Именно поэтому целью экспедиции является пригвозждение естественного космодрома на берегах Урановой Голконды, оборудованного наводными радиомаяками. При выполнении этой задачи гибнут два члена экипажа, включая командира. Однако четверо оставшихся в живых доводят дело до конца...

Дорога на Венеру была открыта, неприступная красавица завоевана. В эпилоге повести Стругацкие набрасывают штрихами грандиозные картины окончательного покорения Венеры. И в этих картинах — вся будущая «венерианская» научная фантастика...

Прощай, Венера фантастическая

Вот и подходит к концу наше путешествие. Мы наблюдали, как на протяжении солидного отрезка времени лик Венеры в воображении мечтателей и фантазеров изменялся, и изменялся не один раз. Сейчас закат «Венеры фантастической» уже не за горами: близко время, когда наша космическая соседка будет лишена титула «Venus incognita»,

Однако даже сейчас, внутренне готовясь к неизбежной «сдаче» Венеры в ведение ученых, писатели-фантасты продолжают писать о ней.

Опасности будут ждать на Венере не только землян, опасен может оказаться и сам человек для Венеры. И дело не в пулеметах и бомбах, которые мерещились западным фантастам (вряд ли их будет против кого применять). Есть враг страшнее.

На память приходят жуткие фотографии, обошедшие в свое время мировую печать. Чайка, в испугленной бьющая крылом по своей будущей могиле — жирной нефтяной пленке, покрывшей воды океана... Водопады химических отбросов, изливаемых из недр заводов в океан... Облака смога над крупными городами... Эмблема Соединенных Штатов Америки, увековеченная на большой государственной печати, — орлан белоголовый, уже сейчас занесенный в вымирающий вид... И многие другие свидетельства, обозначаемые известными словами: «экологическая катастрофа».

От человека уже изрядно досталось земной биосфере. Что же понесет он в Космос, в иные миры?

Перу известного английского ученого и писателя Артура Кларка принадлежит классический рассказ на эту тему — «До Эдема».

Венера — не Земля, предупреждает Кларк, и там может стать роковым даже непредвиденное. Писатель выдвигает гипотезу, что на Венере все-таки возможно существование живых органических соединений. Однако земляне, зафиксировавшие эту жизнь на кинолентку, радовались зря. Некий «живой ковер» (даже неясно — существо или растение) случайно оказался рядом с тщательно закопанным под грудой камней пластовым пакетом с мусором. «Химическая жажда, что неотступно гнала его вперед и вперед через полярное плато, кричала: «Здесь, здесь!» Где-то рядом — самое дорогое, нужное ему питательное вещество, фосфор, элемент, без которого никогда не вспыхнула бы искра жизни... И оно устроило пир, поглощая самую концентрированную пищу, какую когда-либо находило... Одновременно оно поглотило целый микрокосм живых существ: бактерий и вирусов, обитателей более старой планеты, где развились тысячи смертоносных разновидностей... Отползая назад, к озеру, живой ковер нес в себе погибел всемоу своему миру». И когда космонавты были на пути домой, жизнь на Венере умирала.

С Кларком полемизирует советский писатель Север Гансовский: человек не только не погубит жизнь на Венере, но и поможет ей. Оптимизм советского фантаста зиждется не на пустом месте: вся природа его

страны — общенародная собственность, а охрана ее — обязанность граждан. Гансовский изобразил в рассказе «Спасти декабра» еще одного отвратительного ящера, но вот что удивительно — когда венерианские чудовища, «декабры», оказываются на грани вымирания, не кто иной, как человек Земли, приходит им на помощь! Традиционные схемы, внешние симпатии и антипатии (раз зубастый, значит, хищник, раз хищник — значит, уничтожить!) отходят на второй план, когда дело касается спасения экобаланса целой планеты.

Предоставим на минуту слово ученым. Точки зрения фантастов, в основном, выяснены, а вот как видится будущее освоение Венеры специалистам? Оно ведь не за горами...

Американские ученые предполагают, что первые полеты на ближайшие к нам планеты — Марс или Венеру — пилотируемых космических аппаратов состоятся в 1982—1983 годах. Другие специалисты называют следующие сроки: 1979 год — полет по программе «Вояджер», 1988 — попытка высадиться на планету, 1993—1994 — создание над Венерой первой орбитальной научно-исследовательской станции.

Американцы не были бы американцами, если бы не проявили попутно свою коммерческую жилку. Даже стоимость билета для космических туристов, решивших посетить планету Венера, подсчитали эксперты! Вниманию любителей туризма 2001 года: рейс «Земля—Венера», 20 пассажиров на борту, время полета — 18 месяцев, стоимость билета туда и обратно — 20 тысяч долларов...

Как видно, ученые прочно заняли плацдарм фантастов. Ведь о таких деталях, как цена билета на планету, можно было прочесть разве что на страницах научно-фантастических книг!.. Что же писатели? Смириться? Полностью отдала Венеру специалистам, оставили ее в покое?

Ничуть не бывало.

И тут тон задают советские писатели. В повести Аркадия и Бориса Стругацких «Возвращение (Полдень, XXII век)» (1962) есть эпизодический, но важный для нас момент: преобразование ядовитой атмосферы планеты является первоочередной задачей коммунистического человечества Земли. То же название — «Проект «Венера», — но насколько же он отличается по целям и средствам от того, что в романе Пола и Корнблат.. Титанической деятельностью по превращению планеты в островок жизни в Солнечной системе, по перестройке всего сложнейшего геохимического «организма» Венеры посвящен также роман видного совет-

ского ученого-географа Игоря Забелина «Пояс жизни» (1960).

Для того, чтобы Венера стала подлинной «Второй Землей», предлагается использовать ее неиссякаемые энергетические ресурсы: внутрипланетное тепло, атмосферное электричество, энергию бешеных венерианских вихрей (роман Аврама Палея «В простор планетный», 1968). И вот задача, кажется, решена. Евгений Войскунский и Исая Лукодянов в повести «Плеск звездных морей» (1970) описывают то, о чем, вероятно, грезил не один десяток пионеров, идя на бой со строптивой планетой: на Венере уже можно дышать, сняв шлем скафандра, дышать воздухом, который дал человек Венере!

Словно завеса неуверенности, нерешительности наконец-то прорвалась — проекты следовали в изобилии один фантастичнее другого... В общем-то, писатели заразили своей уверенностью и кое-кого из ученых. Карл Саган, например, предложил интересный проект «обживания» ада. Суть предложения в следующем: использовать некоторые виды земных растений, способных устранить оба нежелательных фактора в атмосфере планеты — наличие углекислого газа и отсутствие кислорода. Процесс фотосинтеза в этих растениях может поддерживаться при достаточно высоких температурах, и вполне возможно, что на Венере они послужат доброй службой — помогут превращению планеты в ту «райскую обитель», о которой грезили веками.

Что-то знакомое, не правда ли? Первым эту гипотезу выдвинул тоже ученый, Игорь Забелин, но в научно-фантастическом романе «Пояс жизни»! Вот и попробуй разберись, кто у кого «списывает» — ученые у фантастов или фантасты у ученых?

И чтобы показать, что фантазия писателей не иссякла, что надежда на новые неожиданности, которые может преподнести нам Венера, еще живет, вспомним два рассказа, задуманных как шутки, но наводящих на размышления.

Вот что придумали фантасты. У Михаила Михеева в рассказе «Далекая от Солнца» жители Венеры, опасаясь контакта с землянами, распылили в атмосфере огромную массу ионизированной воды, создав что-то вроде защитного экрана. Они живут не тужат, укрывшись от более чем назойливого любопытства соседей, а разведстанции землян передают заведомо ложную информацию... Похожий вариант предложил и Георгий Островский в рассказе «Сквозь черные пустыни». Летят и летят к Венере автоматические межпланетные разведчики. И с каждым полетом, с каждым новым битом информации мрачней земные ученые. Все меньше желания самим когда-нибудь полететь на Венеру... А оби-

татели Венеры того и добиваются, продолжая «вылавливать» очередные станции и начинать их «данными», одни кошмарнее других...

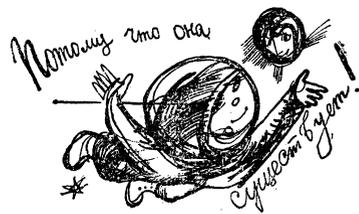
О Венере еще будет написано немало, в этом нет сомнений. Не одному писателю-фантасту еще пригрезится прекрасная и строптивая, загадочно-молчаливая и вероломная Сестра Земли. Время еще есть: освоение планеты затянется, вероятно, не на одно столетие.

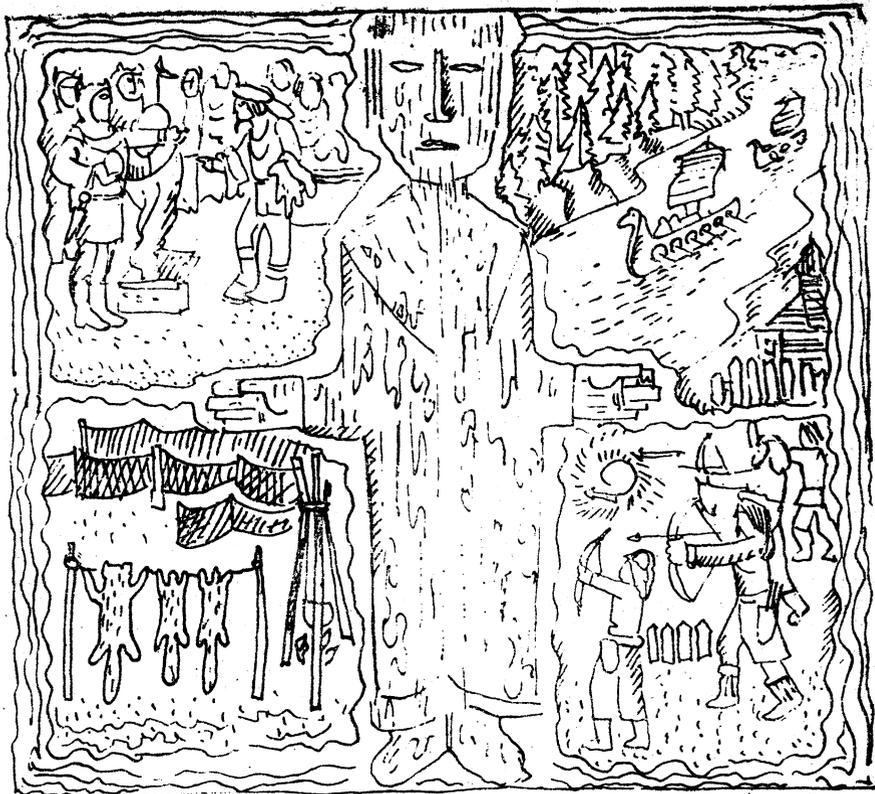
Одно мы теперь знаем наверняка — нелегко будет этот путь. Попытка высадиться на планету будет сопряжена со смертельным риском. Но даже если и не суждено сбываться мечтам о «братьях», даже если предвавшие глазам космонавтов пейзажи окажутся страшнее самых мрачных пророчеств, — все равно мы придем в этот мир. Рано или поздно, но придем. Зачем?

Не только за возможными богатствами его недр и не только за новыми данными для науки. И даже не в поисках нового дома для жителей Земли... Слишком долго она служила нам вечным магнитом, вечным стимулом и вечным зовом. Мы придем в этот мир, потому что не в силах будем бесстрастно созерцать холодную красавицу-гордячку, что каждый вечер и каждое утро будет продолжать появляться на небосводе...

И ответить на вопрос, зачем же нам Венера, лучше всего словами одного из первых покорителей Джомолунгмы, сказанными сразу после восхождения:

Потому что она существует!

СТОЛИЦА ПЕРМИИ

**Василий
ЮДИН**

*Рисунки
М. Паукера*

Во второй половине IX века норвежец Охтере, заплыв в Белое море, открыл на его южных берегах неизвестную страну Биармию. Она простиралась далеко на восток, поражала обилием пушного зверя и бортей, различных руд и соли, которые добывались где-то у самого Каменного Пояса. Так Биармия стала известна европейцам. Охтере назвал ее Биармаландом.

По проторенному Охтере пути скандинавы завязали оживленную торговлю с народами вновь открытой страны. В «Древней Российской истории», изданной в 1766 году, в главе «О чуди» М. В. Ломоносов писал: «Представив чудской народ в нынешнем его рассеянном состоянии и по большей части у других держав в подданстве, помыслить можно, что в соединении бывал некогда силен на свете.

По примеру, как писано выше о величестве словенском, оглянемся на

времена прошедшие около тысячи лет и поищем чудского могущества. Северные авторы (Стурлезон на многих местах, а также Саксон Грамматик) наполнены описаниями военных дел их и других сообщений, бывших со шведами, датчанами и норвежцами. Пермия, кою они Биармией называют, далече простиралась от Белого моря вверх, около Двины реки, и был народ чудской сильный, купечествовал дорогами звериными кожами с датчанами и с другими нормандцами.

В то же время с юга в таинственную и богатую Пермью проникли по большим и малым рекам, где водой, где волоком на легких и крепких ладьях-ушкуях лихие ватаги новгородцев. Летописец отметил, что новгородские дружины еще в 1179 году под водительством князя Мстислава Ростиславовича, прозванного Храбрым, ходили против Заволочской чуди, в междуречье Онеги и Северной Двины. Поход был удачным, нов-

городцы заставили чудские племена признать власть Великого Новгорода и вернуться с богатой данью.

Вероятно там, в Чудской земле, новгородцы впервые услышали о еще более богатом Югорском крае, лежащем где-то за Каменным Поясом. Но только спустя девять лет отважились они пойти на Печору и в Югру. Вызвались самые отчаянные, отправились сами по себе, без князя, без опытного предводителя — и потерпели неудачу. Потеряв в сражениях с местными племенами более ста воинов, новгородская дружина вернулась ни с чем.

Через три года новгородцы ходили по дань недалеко — в землю древних карелов, и опять — на чужь. Успех окрылил.

Отважный воевода Ядрей подбил дружину молодцов к новому походу на Югру. Неизвестно, удалось ли дружине Ядрея достигнуть берегов Оби.

В следующем веке в столь далекие походы новгородцы уже не ходили, а осваивали более близкие, пермские земли. В 1214 году князь Мстислав Удалой, сын Мстислава Храброго, водил дружину опять на чужь и «себя их потрати и осеки их възъма... и чюдь поклонишася ему, и Мстислав же князь възя с них дань, и да новгородцам две чясти дани, а третью чясть дворянам».

Татаро-монгольское нашествие, вторжение Тевтонского ордена на полтора века отодвинули дальнейшие экспедиции новгородцев. Однако походы в Пермию продолжались. Дружины и ватаги ушкуйников пробирались все дальше, осваивая земли на востоке.

Жители Пермии силе сопротивлялись, но охотно вступали в торговые отношения с пришельцами. Они издавна торговали не только со скандинавами, но и с волжскими болгарами, с другими южными народами. В окрестностях Чердыни археологи нашли монеты и различные изделия не только новгородского происхождения, но также завезенные из Византии, Ирана, Средней Азии.

В XIII веке Новгород уже уверенно считал Пермию своей вотчиной, волостью, то есть подвластной ему землей. Не только Пермь, но и Югру, власть над которой оставалась скорее воображаемой, чем фактической. В «Договорной грамоте Новагорода с Великим Князем Тверским Ярославом Ярославичем, учиненной при посаднике Михаиле: на каких условиях владеть ему, князю, Новым-городом», составленной в начале 1265 года, в перечислении новгородских волостей указаны и самые дальние, не столь давно приобретенные — Перемь, Печора, Югра.

Этот же пункт, слово в слово, повторен и в третьей договорной грамоте с Ярославом Ярославичем, «учиненной при посаднике Павше и

при крымских посллах» в 1270 году.

Начиная с XIV века Пермь стала привлекать внимание и Москвы. Между Московским великим княжеством и Новгородом началась борьба за обладание этой землей. Борьба эта продолжалась почти два столетия. Верх одержала Москва, подчинив себе не только бывшие новгородские волости, но и сам Новгород. Чердынь была официально признана столицей Великой Перми — новой земли Русского государства, богатой и обширной области в верхних Камы.

Чердынь лежала на пути, по которому когда-то проходили новгородцы, и была последним городом на северо-восточной окраине Русского государства. Дальше на восток, до Каменного пояса и за ним, простирались по-прежнему чужие и неведомые югорские земли, и пути к ним предстояло прокладывать заново. Чердынь стала базой для походов за Камень.

В начале 1483 года восстали пермские вогулы и отказались платить дань. Иван III «послал рать на Вогульского князя, да и в Югру, на Обь Великую реку». Рать, которую возглавили воеводы Федор Курбский-Черный и Иван Салтин, составила из бывалых и отважных воинов, устюжских и вологодских, из поселенцев с Выми и Сысолы.

Воиско вогулов русские ратники настигли за Каменным поясом, и при впадении Пелыма в Тавду, в коротком и жарком сражении, разгромили его и рассеяли. После этого рать двинулась дальше. «...В Сибирскую землю, воевали, идучи, и полону взяли много... Шли по Иртышу реке вниз, воюя, да и на Обь реку Великую и Югорскую землю, а князей Югорских воевали и в полон вели».

Поход был успешным и продолжался с ранней весны, с открытием рек, и до глубокой осени, до листопада, и из похода «на Устюг пришли на Покров».

С собою привели и пленных князей. Зиму их подержали в Устюге Великом, а следующим летом доставили в Москву. В столице «князь великий за себя их привел и дань на них уложил». Затем пленных вернули в Чердынь и отпустили восвояси.

Однако дань с племен, населяющих северные окраинные земли, сама по себе не поступала, за нею надо было посылать экспедиции. А такая возможность предоставлялась редко. Лишь спустя шестнадцать лет из Чердыни в Югру отправилась новая рать воеводы Василия Бражника.

Югорские и примыкающие к ним земли лежали так далеко от Москвы и были так трудно достигаемы, что еще и спустя полвека на них не было ни одного русского поселения, ни одной крепости. Однако русские дружины и казаки ватаги время от вре-

мени пробирались в эти привлекательные земли, «воевали» местный народ и возвращались с богатыми трофеями. Рассказывали, что на южной окраине Югры нашли реку Конду, которая течет во владения Сибирского ханства, и Кондинская земля столь же обильна ценным пушным зверем. И каждый клочок новой земли, на который ступала нога отважного русского землепроходца, объявлялась отныне и навечно владением Русского государства.

О богатстве и обширности Русского государства свидетельствовал и сам титул Ивана Грозного — «Божью милостью царь и великий князь Иван Васильевич, господарь всяя Руси — Володимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверской, Пермский...». И, конечно же, перешедший вместе с Новгородом — Югорский. И хотя мало что было известно о вновь приобретенных землях, а городок Обдорск возникнет в низовьях Оби только в самом конце XVI века, в титуле уже утверждалось: «...Обдорский, Кондинский и иных и всяя Сибирские земли повелитель...».

Титул Ивана Грозного был полностью воспроизведен на Большой государственной печати, которая имела две стороны и привешивалась к царским грамотам на шнурке. На обеих ее сторонах по окружности воспроизводились также печати поименованных в титуле владений и их эмблемы. Это была примечательная печать, своего рода полное собрание эмблем городов, земель и царств, входивших в состав Русского государства, многие из которых через сто лет станут первыми гербами. На печати Югорской земли изображалась белка, Кондинской — лось, Пермь Великая имела кунцу.

Герб Чердыни утвердили в 1783 году одновременно с учреждением эмблем для новых городов Урала. Казалось бы, что чердынской эмблемой должна была стать пермская кунца. Тем более, что она значилась на пермской печати еще тогда, когда города Перми не существовало, да и он, появившись, получил не кунцу, а медведя. Однако Чердынь неожиданно унаследовала эмблему Кондинской земли, которая упоминалась и в титуле царя Алексея Михайловича, но так и не обзавелась собственной столицей, чтобы оставить ей свою эмблему, и сама при Петре I выпала из его титула и исчезла с карты Российского государства.

Что же отразилось в гербе Чердыни? Какой смысл заключал в себе лесной великан — лось? Может быть, красоту и величие края? Или его славную древнюю историю? Для отражения существовавшего к тому времени положения и состояния Чердыни лось не годился. Мощная чер-

дынская цитадель, с неприступными башнями и потайным ходом, построенная в 1535 году московским крепостных дел мастером Д. С. Курчевым, давно потеряла значение и пришла в запустение. Еще в 1614 году царский дьяк Морозов доносил в Москву о тревожном обветшании Чердынского острога: «...мосты и обломки на башнях сгнили, кровля обвалилась... а на остроге, государь, наряда нет».

Пока основная дорога в период освоения Сибири проходила через Чердынь, она служила не только сибирским предместием, но и сама несла «ямское тягло», отправляла по зимнему тракту хлебные обозы в первые сибирские поселения, а летом снаряжала «плавную рать» — караваны судов. Но после покорения Казанского ханства был найден другой, более короткий путь из Москвы в Сибирь, и Чердынь осталась в стороне. Правда, в конце XVIII века ее возвели в степень уездного города, но былое значение к ней не вернулось, и осталась она заштатным полузабытым торговым городком. И лось на ее гербе отразил всего лишь обыденность: «что жители округа одного города промысел имеют звериною ловлею и что платят ясак лосиными кожами».

Чиновники из герольдмейстерской канцелярии, составив герб для Чердыни и придумав ему такое будничное, бесстрастное описание, вероятно, не ведали, сколь бурной и драматичной была история введения в Чердынском округе ясачной повинности.

Ясак — это подать, которая уплачивалась только натурой определенного вида и ею облагались исключительно охотничьи и оленеводческие племена Поуралья и Сибири. Условия ясачной повинности были жесткими и тяжкими. Ясак обычно взимался со всего мужского населения в возрасте от 18 до 50 лет, его размер был твердым и неизменным, независимо от величины личного хозяйства, навыков и охотничьей удачи. Он всегда превышал возможности среднего охотника и ввергал его в безвыходную кабалу. Ясачным людям запрещалось продавать, а торговцам — покупать пушнину до того, как будет собран ясак. Нельзя было заменять шкуру указанного к подати зверя другой. Ясак взывался неукоснительно и безоговорочно и за недоимки подвергали жестоким наказаниям. Ясачные охотники, доведенные до крайности нуждой и притеснениями, нередко отчаивались на выступлении против власти московского царя. Случались такие бунты и в Чердынском округе. Особенно во времена, когда Сибирь только осваивалась, ее богатства были еще недоступны и основная часть пушнины шла с северного Предуралья, с бывших новгородских волостей.

Грамотой от 30 мая 1574 года

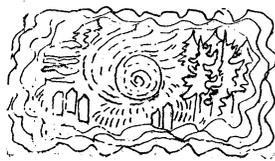
царь Иван Грозный разрешил известным на севере промышленникам Строгановым искать и разрабатывать по реке Тоболу и его притокам медную и свинцовую руду и горючую серу и строить на их берегах слободы и остроги в обмен на обязательство «оборонять московских данщиков остяков и вогулов от царя Кучума», а также «воевать и подчинять государевой дани самих сибирских татар». Для охраны своих обширных владений и многочисленных горно-рудных и солеваренных предприятий Строгановы держали немалую армию вооруженных ратников, которые обеспечивали также и спокойствие по всей Пермской земле. К походу в Сибирь Строгановы снарядили наиболее испытанный и надежный отряд казачьего атамана Ермака, отправив с ним основные силы своего войска и оголив гарнизоны местных острогов и городков.

Пока доблестная дружина Ермака покоряла Кучумову Сибирь и пока от него не было вестей, вождь одного из пельмских племен Кихек, объединив ясачных вогулов, остяков, татар и вотяков, возмущенных притеснениями, поднял восстание и предпринял поход по Малой и Великой Перми, разоряя и выжигая села, погосты и посады и забирая служилых и чиновных людей в плен. Он дошел до самой Чердыни, но овладеть ею не смог.

Чердынский воевода Василий Перепелицын, не ладивший со Строгановым, спешно послал царю донос на них: будто в алчности, опрометчиво Строгановы отправили всех ратников на завоевание Сибири и оставили беззащитным весь край, который ныне подвергся разграблению взбунтовавшихся инородцев. Иван Грозный разгневался на Строгановых, но подоспевшее к этому времени посольство Ермака с сообщением о покорении Сибири рассеяло царский гнев. Строгановым в помощь послали рать из Устюга и Вологды. Бунт Кихека был подавлен.

С освоением сибирских богатств ясачный гнет в истощенных Пермских и Югорских землях несколько поослаб. Вогулы и остяки охотники превращались в кочевников-олeneводов. Наиболее успешно развивалось оленеводство в верховьях рек Вишеры и Печоры, где много водилось также и диких оленей и лосей.

Так и появился на чердынском гербе лось — ясачный зверь.

КАКОЙ БЫЛА ТЮМЕНЬ

Сейчас город Тюмень знает каждый. Это — центр крупнейшего газо- и нефтедобывающего района страны.

А интересно, какой была Тюмень прежде, скажем, 200 лет назад?

В середине XVIII века в России составлялось географическое описание государства. С этой целью Петербургский шляхетский кадетский корпус рассылал в города страны запросы. Ответы на них и рассказывают о том, какими были города.

«Город Тюмени, — писала тюменская воеводская канцелярия, — состоит на горном высоком месте против сиверу... вышины она гора 15 сажень. Город с прездну одного с полденную сторону огорожен стоячим острогом и земляным валом и рвом и деревянным палисадом...»

В городе было три монастыря и одиннадцать деревянных церквей. Все прочие постройки и жилые дома также были деревянными.

Население Тюмени занималось торговлей, кожевенным, кузнечным и мыловаренным производством, изготовлением предметов из серебра, меди, олова, шитьем одежды и обуви. Воеводская канцелярия также сообщала: «При городе Тюмени и в уезде оном фабрик, заводов никаких не имеется».

Тюмень была крупным центром транзитной торговли. Вот что говорится об этом в документе:

«Весною по рекам... ходят суда казенные с провиантом вниз, в Тобольск, по Туре, весною из Тобольска бывают в приплавле купецкие из низовых городов суда, а в межень бывают из Тобольска с казенной... солью».

В уезде население занималось хлебопашеством. Оставшийся в излишке хлеб покупали «...прибывшие из Тобольска и Тюмени, кои пахоты не имели».

И. КАПЛУН

200 ЛЕТ НАЗАД

Последний генерал

**Михаил
ДАЙБО**

Рисунки
Н. Мооса

Формируя отряд, Вострецов знакомился с каждым.

С матросом Потаповым беседовал более часа. Батя его на каторгу сослан был, бежал от охраны, под чужими фамилиями на приисках скрывался. На руднике и женился, но вскоре захворал и умер. Когда отца схоронили, полиция дозналась — беглый каторжник! Мать арестовали, увезли куда-то, а мальчонку соседи спрятали. Так и жил сироткой у чужих. Подобрали его моряки, когда после восстания в Севастополе через Урал ехали (царь под Читу загнал — корабли для Амура строить). Привезли на Дальний Восток — вырос из Кольки революционный матрос. К Вострецову он явился во всей красе: широкий в плечах, разговорчивый, подвижный, бывалый в свои двадцать четыре года — в Уссурийской тайге партизанил, Волочаевку и Спасск штурмовал.

— Что ж, по всем статьям подходишь, земляк! Командиром десантного взвода будешь! Первым в Охотск войдешь! — сказал Вострецов.

В этом парне он себя увидел. Правда, сиротой не был, но отцовская семья из двенадцати едоков состояла. Всего хлебнул. Две зимы в церковноприходскую школу бегал в село Казанцево Уфимской губернии, а потом пошел Степка в подручные к старшему брату — кузнецу. Когда подрос, сам кузнецом стал, на заработки в Уфу подался. Пять годов в железнодорожных мастерских отстоял у наковальни, затем решил в Челябинск перебраться, потом еще дальше — в Омск. В том городе с подпольщиками подружился, нелегальные книги стал читать, в октябре 1905-го в политической стачке участвовал. Через два месяца после этого в армию забрали парня, в Ригу увезли «царю-батюшке служить». В 1910-м военно-полевой суд приговорил его к трем годам дисциплинарного батальона «за вредную агитацию против монархии». Когда началась мировая война, направили солдата прямо в окопы. За два года на германском фронте — три раны, три Георгиевских креста... За отличия в подпрапорщики произвели, а он, сразу после революции, в Красную Армию добровольцем записался. И пошел — помкомроты 2-го Петроградского полка, командир 244-го Волжского полка... В боях по разгрому третьего похода Антанты получил пятую по счету рану... А теперь ему поручили последнего царского генерала за далеким студеным морем доконать.

На северном побережье Охотского моря Советская власть установилась летом 1918 года, но вскоре колчаковцы, захватив Якутск, объявили край территорией «верховного правителя России». Через год колчаковский наместник эсер Соловьев слетел со своего трона, и в апреле 1922 года ВЦИК специальным декретом образовал Якутскую Автономную Социалистическую Респуб-

лику. Однако слишком богат край пушнина и золотом, чтобы от него отказались недобитые. Иностранцы фирмы тоже приглаждаются к Якутии. Миллионер Кушнарев, убежавший в страну Нового Света, предложил там назвать Якутию «второй Америкой»...

Генерал Пепеляев после разгрома белых на Урале и в Сибири оказался в Харбине не у дел. Его старший брат Виктор благодаря знакомству с главой конституционно-демократической партии Милюковым в свое время был комиссаром Временного правительства в Кронштадте, затем стал председателем Совета министров при Колчаке. Расстрелян в Иркутске вместе с «верховным правителем».

Младший Пепеляев при царе был подполковником, Колчак же произвел его в генерал-лейтенанты. А сейчас он генерал без армии.

Пепеляев решил снова попытать счастья, на этот раз в Якутии. Сотню офицеров на вербовал в Харбине, полтысячи — во Владивостоке. Сперва назвал их «северной милицией», затем — «сибирской добровольческой дружиной» и, получив от нового «правителя Сибири» Дитерихса оружие, боеприпасы, продовольствие, на трех судах отправился в порт Аян. Американская фирма «Алаф Свенсон и К^о», японская «Арай-Гуми», английская «Гудзон-Бей» дали ему денег, муки и спирта, а главарь местного купечества Галибаров взялся снабдить оленями. Генерал Пепеляев без боя овладел Нельканом, генерал Ракитин захватил Охотск, но поход на Якутск провалился: в бою у деревни Сасыльсысы «дружину» генерал-лейтенанта Пепеляева разгромил небольшой красный отряд и отбросил обратно на побережье.

Командующий Пятой армией Уборевич приказал ликвидировать пепеляевскую банду. Вострецов решил начать операцию, не ожидая, пока Охотское море освободится от зимних льдов. Откладывать поход нельзя: по чистой воде генерал улизнет в Америку или в Японию, нагрузившись золотом и пушшиной.

Начальник морских сил Дальнего Востока Иван Кожанов смог оставить за отрядом старые «Индиگیрку» и «Ставрополь». Они получили имя вспомогательных крейсеров с двумя орудиями и стали готовиться к походу, а два батальона, легкая батарея и пулеметная команда ускорили курс зимних стрельб.

Весной 1919 года два парохода, возившие при царе лес, бочки с рыбой, муку, арестантов, словно помолодели, приняв бойцов со звездами на шлемах. Командир отряда судов Азарьев поостерегся идти Татарским проливом — там в это время много льда, сброшенного Амуром. Курс правее Сахалина длиннее, но мог оказаться короче по времени — там не затерли бы льды. Вострецов согласился.

В проливе Лаперуза огромные волны беспрепятственно качали «Индиگیрку» и «Ставрополь», десантники полегли плашмя, кто где мог, чертыхаясь и молясь богу. Так и плыли вдоль Сахалина.

Стали попадаться льдины. Кольхаясь, били в борта. Штурм стал утихать, будто сжалившись над людьми.

Более старая «Индиگیрка» покорно уступила лидерство «Ставрополю», у которого нос и бока покрепче.

— Товарищ боцман, тебя комдив зовет! — крикнул Петрухину вахтенный.

Каютка Вострецова оказалась небольшой, с одним иллюминатором. Комдив сидел с лоцией Охотского моря в руках.

— Садись, боцман, и слушай. Вот что тут об Охотске написано, — и Вострецов, пососав мундштук, стал читать, округляя слова по-уральски: — «На расстоянии нескольких миль от порта нет ни одного дерева, ни одного клочка зеленой земли, и только немногие огороды, разводимые жителями на привозной земле, с трудом дают некоторые овощи — репу, редьку, капусту, картофель. Трудно себе представить более грустную обстановку природы... Каково, а? Репка с редькой — и то на привозной земле!

— А генералу там нравится, — усмехнулся боцман. — Силой вышибать приходится!

— Ему не редька нужна, и не репка с картошкой, а пушнина да золото. Колыма, Лена, Алдан, Магадан. К ним присосаться хочет. В правители северо-восточной России нацелился Пепеляев, а потом, гляди, новый поход на Москву задумает. Поэтому мы, боцман, идем туда не вышибать его, а прихлопнуть, как в мышеловке. Один разок удрал от нас, но больше не упустим! Вот ты, старый моряк, скажи, как лучше сделать нам, чтобы не спугнуть его. Там и на берегу деревьев нет, а мы идем с моря, как на ладони видны, да и не подойти близко — камней много у берега. На-ко, вот, почитай сам, — и подал ему толстую, со свинцовым переплетом книгу.

Решили встать на якорь где-то в стороне от Охотска, а затем пробираться пешком по берегу.

— Так и сделаем. А теперь скажи мне, боцман, где моя наковальня?

— Какая наковальня?

— Да моя, — засмеялся Вострецов, уминая табак в трубке. — Я без нее не могу, вот и сейчас с собой взял: какой же я кузнец без наковальни! — и рассказал как он в царской армии лошадей ковал, как учил красных конников подковы и гвозди делать, а однажды смастерил даже лафет для партизанской пушки. С тех пор и не расстается с нею, включив наковальню в перечень обязательных принадлежностей походной мастерской 2-й Приамурской дивизии. — Разыщи ее, и горно приготовь, скоро ковать придется.

— Кого подковывать будем, Степан Сергееч? Лошадей на крейсере нет.

— А ты послушай, как ребра затрещат у «Индиگیرки». Ковать придется борта.

Видит Петрухин: комдив не шутит. Разыскал наковальню, разглядел на ней шершавое заводское клеймо.

— Это начальные буквы титула статского советника Никиты Акинфиевича Демидова, — пояснил Вострецов. — Рудниками, заводами, золотыми приисками владел на Урале. Горы богатств имел, но все было мало...

И, действительно, пригодилась уральская наковальня! Чем дальше продвигались на север, тем крепче и плотнее становились льды, и вот настал час, когда «Ставрополь» выдохся, а следом за ним остановилась и «Индиگیرка». Машины заглохли, наступила тишина, и только густой черный дым растянулся по пустынному и бескрайнему ледяному полю. А вскоре и дыма не стало: зачем зря уголь жечь, если хода нет!..

«Индиگیرка» получила несколько вмятин от крупных льдин, появилась течь в заклепках и швах, кое-где зловеще прогнулись шпангоуты. Люди кинулись дополнять крепления ставить, застучали кувалды во всех отсеках, а тут еще кронштейн у насоса лопнул и откачка воды прекратилась... Степан Вострецов встал к наковальне, не переодевшись даже, не нагнув на себя фартука... Ковали кронштейны. Сперва нагревали в переносном ручном горне, потом отправляли железяку прямо в топку, разогревали до безизны.

Целый месяц стояли в тисках льда, все время стучали кувалды на нижних палубах.

В начале июня льды расслабило, пароходы двинулись дальше.

Вострецов приказал всему отряду подготовиться к высадке у мыса Марекан, в двадцати пяти верстах от Охотска.

К мысу подошли на сороковые сутки после выхода из Владивостока. Взвод Потапова сел в шлюпки первым. Воды не видно — одно сплошное ледяное месиво.

Вострецов и Петрухин стоят рядом. Главное — отойти, не дать волне разбить посудины о борт, а там — выгребут! Потапов хорошо подготовил своих грейбов, не зря учил их даже на пароходе, когда во льдах стояли.

Второй взвод высадился на берег следом за первым, сюда же подойдут шлюпки с десантом со «Ставрополя».

Взвод Потапова, успевший продвинуться по берегу дальше всех, прихватил в землянке унтера, безмятежно дремавшего у печурки.

— Здравствуй, унтер, я подпрапорщик Вострецов, —

услышал тот, подняв голову.—Руки ему развяжите, с одними кулаками не бросится на нас. Садись, унтер. И рассказывай, как ты дошел до жизни такой: разве в дозоре можно спать?

Унтер-офицер Чистяков при погонах и португепях под новенькой дубленой шубой с перепугу дрожал.

— Если все расскажешь, мы не станем расстреливать тебя, не бойся. И Пепеляеву не отдадим тебя — он ведь не простит эдакой оплошности. Вот садись давай и рассказывай. Твой генерал где сейчас?

Все, что знал, Чистяков выложил. Поход на Якутск провалился, хотя готовились четыре месяца. Эвенки не дали ни оленей, ни нарт, запрятав их подальше в тундру, а тащить груз на себе не захотелось. Купец Галибаров отдал собственных двадцать оленей с нартами, но этого было мало. Наконец, собрались и двинулись, но на реке Амга были встречены отрядом красных. Потерпев поражение, генерал Пепеляев улизнул в Аян, а генерал Ракитин — в Охотск. Сейчас Пепеляев готовится к новому походу в центральную Якутию и, на случай появления красных со стороны моря, создает оборону, чтобы не дать им высадиться в Аяне. Если удержать Аян не удастся, он будет спасаться на кунгасах, для изготовления которых мобилизовал местное население. Генерал Ракитин этим же занимается в Охотске...

— Сколько в Охотске вашего брата? — спросил Вострецов, ткнув мундштуком в маленькую карту на своих коленях.

— Более ста, все офиеры.

— Возьми трубку и доложи своему начальству, что здесь все во порядке: красных не видно ни в море, ни на берегу.

— Слушаюсь.

Унтер покрутил ручку полевого телефона, взял трубку и доложил, как приказано. Потом, послушав кого-то, горько улыбнулся и сообщил:

— Здесь не помнят случая, чтобы какой-нибудь пароход приплывал сюда так рано, в начале лета. Поэтому генерал Ракитин на охоту уехал.

Вострецов оборвал провод и вышел из землянки. Смеркалось. С моря дул пронизывающий ветер, круша остатки крупных льдин и с шумом бросая их на берег. Атаковать Охотск лучше рано утром, на рассвете, когда офицеры спит. До начала рассвета — шесть часов. Идти надо в полумраке.

На рассвете, пользуясь туманом, взяли поселок в кольцо, а сам Вострецов со взводом Потапова неслышно пробрался уже в центр бандитского стойбища. Штаб захватили без выстрела, а казарму, где жил почти весь гарнизон, пришлось брать с боем: офицеры отбивались, пытались прорваться к кунгасам или в тундру, но поздно спохватились... Настигли и генерала Ракитина — он был в двенадцати верстах, собрался уток стрелять на зорьке. Окружили, предложили сдаться, а он пустил себе пулю в лоб.

В полдень пришли два «крейсера» с красными флагами на мачтах. Начали выгружать хлеб, крупу и соль для местного населения, ограбленного «дружиной». Радисты застучали ключом, во Владивосток полетело донесение: «Сегодня, пятого июня, в пять часов утра взят Охотск. Наши потери шесть убитых, пятнадцать раненых. Смертью героя погибли комбат Кузнецов и комвзвод Серов, представляем к награде. Врагов убито восемь, ранено двадцать, взято в плен семдесят пять. Операция по ликвидации белогвардейской банды на Охотском побережье продолжается».

На другой день уничтожили белогвардейский отряд в соседнем поселке Иня, а вскоре Охотск опустел: «Ставрополь» ушел во Владивосток, забрав раненых, больных и пленных, а «Индирикка» взяла курс к Аяну, где гнездились главные силы противника.

Каким будет предстоящий бой? В Охотске враг был застигнут врасплох, но сдался не сразу. Знают в Аяне или нет о судьбе Охотска? Но не зря, видать, наш кузнец полковника Варгасова за собой тащит, и боцман вспомнил рассказ Вострецова, как он во время боев за Омск ночью пробрался на станцию, захватил штабной вагон и заставил

офицеров отдать приказ о капитуляции всех частей в городе. Вот и унтер Чистяков помог нам в Охотске, а получится ли так в Аяне?

Об Аяне в морской логии сказано кратко: постоянных жителей сорок — сорок пять человек, большинство тунгусы. Берега каменные, овощи не растут...

Генерал Пепеляев отдал очередной приказ, где сообщалось, что Охотское море очистилось ото льда, а на этих днях очистится и вся Аянская бухта. Пароход красных, — добавлял генерал, — находится где-то около Охотска, так как телеграммы ему дают с адресом «Охотск». Сложившаяся обстановка допускает полную возможность появления красных пароходов в порту Аян. Местность здесь для высадки труднодоступная, и потому мы при нашей стойкости и сплоченности легко можем опрокинуть красных с берега в море...

«Индибирка» между тем шла своим курсом. К Андомаской губе, что в ста верстах от Аяна.

Высадились легко — волнами не кидало, льдинами не било. На этот раз все были сухими и здоровыми. Сразу же и двинулись по берегу. На речке Нечая спугнули белогвардейцев: около половины сдались, остальные, бросив лодки, бежали вместе с подпоручиком Рязанским. Теперь надо идти еще быстрее, чтобы не дать Рязанскому появиться в Аяне первым. Вострецов приказал оставить только ручные пулеметы, винтовки с патронами, взять продуктов на пять дней и спички.

В жизни бывает много всяких случайностей: одни нечаянно обрадуют тебя, другие принесут огорчения. Появлению звенка-охотника обрадовался весь отряд. Вдруг как из-под земли возник звенк — скуластый, неразговорчивый, средю не брившийся обитатель тундры. Но проведи согласился. Он вышел в голову колонны и пошагал быстро-

быстро, обходя большие камни, ловко прыгая с кочки на кочку.

К Аяну подошли на пятые сутки. Все камни и кочки, ушелья с рыхлым снегом, горные речки с ледяной водой — все осталось позади. Сквозь наплывающий с моря густой туман, ускоривший наступление вечера, успели разглядеть кривые улочки, и сколько ни высматривал командир в бинокль, не смог обнаружить признаков тревоги у противника: все штатские и военные ходят там спокойненько.

Штабс-капитан Занфилов, захваченный в плен в окрестностях Аяна, вышел поохотиться, как и генерал Ракитин, рассказал все, что интересовало и даже не отказался провести прямо к штабу.

«Штыков у Пепеляева почти столько же, сколько у нас: в порту две роты, а одна рота, кавэскадрон и батарея стоят в поселке Уйка — в девяти верстах отсюда. Генерал ждет нас, но не сегодня, и не с этой стороны, — думает Вострецов. — Надо окружить штаб и заставить генерала отдать приказ о капитуляции. Будет как в Омске, разница только в том, что там с подполковником дело имели, а тут — с колчаковским полководцем. Ну да ничего: Варгасов с Занфиловым для чего у меня? Спасая шкуру, помогут!»

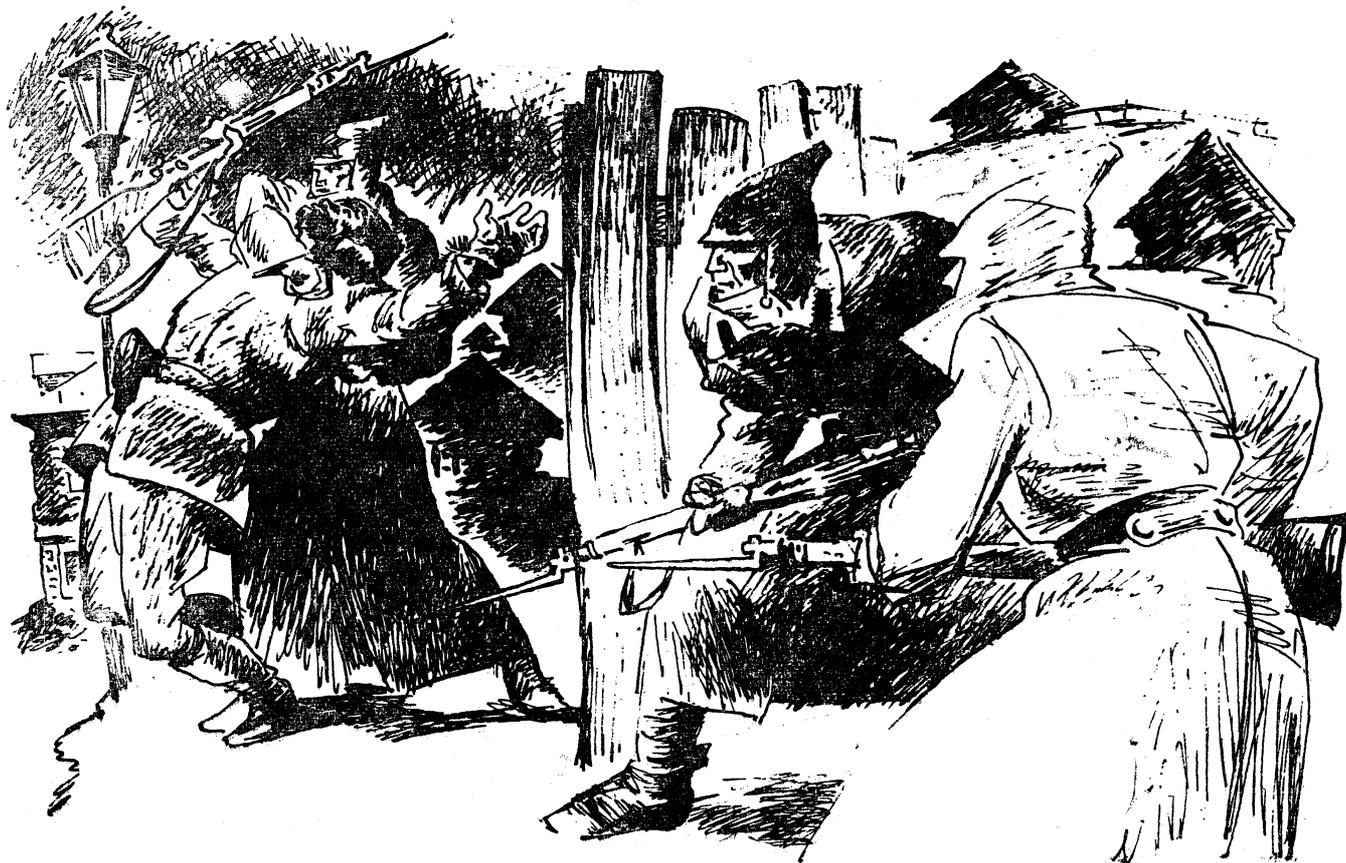
— Мое мнение такое, товарищи, — сказал комиссару и начальнику штаба, — хоть и устали все наши люди, а отдыхать некогда. Если ночью не скрутим генерала, завтра не обойтись без больших потерь.

— Какой отдых, Степан Сергеевич, кузнецы всего мира куяют железо пока оно горячо!

— Так и порешим.

Комиссар со взводом Потапова приближался к штабу короткими перебежками, неслышно, по одному-два человека.

..Часового сразили точным ударом ножа. Обезоружен и связан по рукам весь полусонный состав караула. Востре-

цов уже тоже здесь, он подошел к большому бревенчатому дому, решительно постучал в дверь:

— Именем Российской Советской Социалистической Республики прошу открыты!

В одном окне вспыхнул яркий огонь, но дверь никто не открывает. Молчание. Вострецов потянул на себя дверную ручку — не далась.

— Говорите, Варгасов,— Вострецов подтолкнул его к самой двери.

— Ваше превосходительство! — заговорил он, кашлянув.— Вы меня знаете, я полковник Варгасов, из отряда генерала Ракитина. Наш гарнизон в Охотске сдался. Обращение с пленными хорошее, командир — честный человек, советуя сдать и вам!

— Скажи и ты свое слово,— Вострецов потянул за ручку другого.

— Ваше превосходительство, я штабс-капитан Занфилов. Не удивляйтесь: Аян окружен крупными силами красных, и я поражен, что вы до сих пор об этом не знаете. Рекомендую сдать без боя.

Через минуту, когда в дверь постучали еще сильнее, она открылась, вошла Варгасова с запиской от Вострецова и опять захлопнулась.

«Я располагаю достаточной военной силой для того, чтобы уничтожить 400—500 человек, не подчинившихся рабочим и крестьянам,— читает Пепеляев вздрагивающую в руках записку.— Пролитая кровь будет на вашей совести, а не на моей...»

И вот дверь открылась настежь. В нее первым вошел Вострецов. Перед ним стояло до десятка человек в нательном белье.

— Кто здесь Пепеляев?

— Я,— ответил один из них, шагнув вперед.— Мы сдаемся.

Утром, поднявшись на подошедшую «Индигирку», Вострецов подал радистам текст нового донесения во Владивосток: «После тяжелого перехода в тундре порт Аян ночью на 17 июня взят. Банда Пепеляева ликвидирована. В порту Аян оставляю гарнизон. Пленных офицеров — 103, солдат — 230. Наши потери — один ранен, подробности лично...»

За две десантных операции «крейсер» не сделал ни одного выстрела — не было в том надобности. Сейчас на нем кипела работа: все пленные, лишенные чинов и погонов, вместе с генералом сгружали с парохода продукты для коренного населения Аяна, таскали на корабль ящики с золотом, тюки с пушниной — все это теперь принадлежало трудовому народу. Вострецов действительно честный человек, он пальцем не тронул ни одного пленного, как обещал, и целехонькими доставит во Владивосток, но даром кормить их теперь никто не будет!

Вот потащили на берег и уральскую наковальню — черную, тяжелую, коряжистую, словно дубовый пенек. Смеются Петрухин и Потапов, наблюдая это, а Вострецов перегнулся через фальшборт и весело кричит кому-то на берегу:

— Бери, бери, мне земляки другую отольют, новую! В вашем порту только одна, а понадобится теперь много! Скуластый человек с широким угловатым лицом, подняв лицо, тоже улыбается и в ответ радостно кивает головой.

«Сибирская добровольческая дружина» перестала существовать.

А несколько позже молодая республика узнала о приказе Реввоенсовета: «Награждается четвертым орденом Красного Знамени бывший помощник командира 2-й Приамурской стрелковой дивизии Вострецов Степан Сергеевич за Охотско-Аянскую экспедицию, закончившуюся ликвидацией банды Пепеляева и пленением самого Пепеляева, чем было уничтожено последнее гнездо контрреволюции на Дальнем Востоке».

ТАЙНЫ ТОРФЯНИКА

См. 2—3-ю стр. вкладки.

Прошло много лет, и на Горбуновском и на соседнем Гальянском торфяниках вновь появились археологи.

Свои работы на торфянике тагильские археологи начали с установления мест древних стоянок, которые уже раскапывались в прошлые годы. Были установлены места Чашихи, I и II Береговых стоянок. На I Береговой в одном из шурфов был найден развал сосуда эпохи позднего неолита. Выше его археологи обнаружили медное шило или проколку. Это всего третья находка медного изделия на торфянике. Ранее здесь были найдены топор и обломок ножа.

В течение полевого сезона археологи открыли пять новых стоянок. Особенно интересна стоянка Серый Камень, так как она самая древняя — эпохи мезолита.

Обследуя стенки недавно нарезанной канавы, археологи обнаружили забитый в сапропель деревянный кол. В канаву на веревке спустился доброволец — член археологического кружка Володя Гричко. Ему удалось откопать четыре деревянных кола диаметром 9—12 сантиметров и длиной от 1,2 до 3 метров. Концы всех кольев были затесаны с трех сторон на длину 80—100 сантиметров. Именно на эту глубину они и были забиты в сапропель. Коля располагались в два ряда и шли друг за другом. Поперек их на глубине 120 сантиметров находилось длинное бревно. Здесь же были и срубленные деревья небольшого диаметра. Все это позволяло предположить, что в этом месте была слань.

В одной из канав член экспедиции Виктор Арефьев обнаружил еще один подобный настил. В слое сапропеля, ниже слани, были найдены кости животных и

лопасть от деревянного весла.

На поверхности торфа обнаружили черепок от древнего сосуда. Находка эта сразу позволила датировать комплект деревянных изделий. Все они изготовлены металлическим орудием — это видно по следам обработки — в энеолитическое время и относятся к так называемой Липчинской культуре. Их абсолютный возраст — около 4000 лет.

В 1978 году археологи Уральского университета продолжили изыскания. Обнаружены три новые стоянки.

Самые интересные находки ждали археологов на стоянке Серый Камень. Здесь было обнаружено около семи тысяч находок.

Дважды повезло студенту I курса исторического факультета Нижнетагильского педагогического института Алексею Ильиних. Он нашел правильно ограниченный конический нуклеус из чистейшего горного хрусталя и геометрическое изделие — трапецию. Ценность находки состоит еще в том, что она изготовлена из местного материала — алевритовых порфиритов, — выходы которого имеются недалеко от стоянки на горе Гольей Камень.

В этом же сезоне на торфянике работала и экспедиция Института археологии АН СССР. Были вскрыты остатки деревянных настилов, найдена интересная коллекция керамики и деревянных изделий.

Все эти находки свидетельствуют о том, что Горбуновское озеро было освоено первобытными охотниками-рыболовами в каменном и бронзовом веках.

Будущие исследования, а они будут продолжены, дадут новые и ценные находки, которые обогатят наши знания по древней истории Урала.

ЛЕС, КОТОРЫЙ УТОПИЛИ

**Борис
РЯБИНИН**

Откроем Большую Советскую Энциклопедию, 25-й том, страницу 164. «Тавда — река в Свердловской и Тюменской областях, левый приток Тобола, Длина 719 км, площадь бассейна — 88 100 кв. километров. Течет в широкой долине по Западно-Сибирской равнине. Очень извилиста. Питание — смешанное, с преобладанием снегового. Годовой размах колебаний уровня около шести метров. Средний расход воды в 237 километрах от устья — 462 кубометра в секунду, наибольший — 3250 кубометров, наименьший — 11,4 кубометра. Замерзает в начале ноября, вскрывается в конце апреля. Главный приток — Пелым. В верховьях Тавды — нерестилище нельмы. Сплавная. Судходна. На реке — город Тавда.»

И вот она — река Тавда.

Наш катер, слегка подрагивая, бежит по реке. Бежит не шибко: мелко. Приходится держаться строго по фарватеру («судходна», — вспоминаю я энциклопедию). Справа и слева на высоких в межень берегах — штабеля... Хотя и штабелями весь этот завал леса не назовешь: бревна навалом лежат вдоль реки, скрывая берега. («Сплавная», — снова мелькает в голове.) Мы — я, Николай Васильевич Банокин — главный инженер производственного отдела Тавдинской сплавной конторы, Виктор Федорович Седенин — председатель Тавдинского городского комитета народного контроля и Дмитрий Егорович Толмачев — руководитель местной организации Общества охраны природы, — мы четверо сначала поднимаемся на двадцать километров вверх от города Тавды, а потом идем вниз. И везде — бревна березы, осины, сосны лежат на берегах. За время бесчисленных поездок по стране я навидался всякого, но то, что открылось здесь...

У фанерного комбината река отступила на 80 метров в сторону села Заморозково, выкинув свое очередное коленце («очень извилиста» — смотрит энциклопедию). И тут — ниже комбината — бревна громоздятся вверх, поперек, — всяко! У деревни Ленино, что выше города Тавды, образовались острова из древесины. И тянутся эти острова, порой, по два-три километра.

Спрашиваю у Николая Васильевича Банокина:

— Ваша, наверное, работа? Вы ведь — сплавная контора!..

— Наша и не наша, — отвечает тот. — Надо не рубить лес пару лет, а заняться подъемом вот этого...

Это уже что-то новое: не рубить

лес. Продолжаем разговор о реке. Оказывается, были уже такие годы на Тавде, когда в районе Таборов ее переходили вброд. Забыли о наводнениях — да и как им быть, если в верховьях лес нещадно рубят, обнажая снеговой покров — «питание смешанное, с преобладанием снегового», — говорит та же энциклопедия. А остальную воду дает болотное царство, оно в бассейне реки занимает площадь около миллиона гектаров! Вот и «течет речка из болотца» спокойно, по капельке, и нет уже прежних шестиметровых колебаний уровня реки. Сейчас на лесных складах в Кыртыме, Сарьянке, Новоселово лежат тысячи кубометров березы — основного сырья для фанерного комбината — нет воды в реке! Именно это и породило парадоксальную поговорку: «Чем дальше в лес, тем меньше дров». В самом деле, дров в реке и на берегах больше, чем достаточно. А получают они так: дается план все тому же «Главлесу», чьи владения для заготовок определены от реки Понил до Тавдинского рейда, — 700 километров! — он под руководством Генриха Яковлевича Дика заготавливает в год около двух миллионов кубометров древесины — причем самой разной древесины: сосны, березы, тополя, осины... И все это — в реку.

А между тем фанерный комбинат берет только березу, а сосну — гидролизный, ему и остатков фанерного, вообще-то, хватает. Вот и появляются в реке никому не нужные кубометры осины и тополя. Много или мало такой древесины? Обратимся к цифрам, которые сообщает Виктор Федорович Седенин, причем ограничимся только последними годами.

Итак, в 1975 году по плану в реку надо было сбросить 2.370.000 кубометров. От 1974 года оставалось в сплаве 101.000 кубометров, да стояло на приколе на рейде фанерного комбината — 447.000 кубометров... (Это уже 548.000).

В 1976 году добавилось более 400.000 кубометров. На следующий год — еще 800.000! В 1978 году, по очень осторожным подсчетам, в реке должно скопиться, как написано в акте комитета народного контроля, «не менее 10 миллионов кубометров давно уже списанной, но еще пригодной древесины». 10 миллионов! Это пятилетка заготовителей: можно на целые пять лет закрыть все лесосеки. Но для этого надо... Однако об этом чуть погодя.

Помните, «в верховьях Тавды — нерестилище нельмы»? Коль скоро река засорится гниющей древесиной, портится вода — худо ее обитателям. Маловодье привело к заморам; зимой 1976—1977 годов в декабре, январе, феврале язь, щука, окунь всплывали вверх брюхом по всей реке. Браконьеры долбили майны и вычерпывали полуживую рыбу. Нельма, стерлядь почти исчезли. Раньше рыба отстаивалась в чистых тевжных речках. Там были понастроены плотинки с водопадами. Вода получала естественную аэрацию, обогащалась кислородом. Помогали и многочисленные ключи — они били прямо на дне: теперь деревянное «дно» закупорило их...

Озера кругом! Конопляное, Дошаное, Карабашево, Прорва... Все сплошь были рыбными. Лихолетье коснулось и их. Проток из озера Карабашево забит семи-восьмиметровыми по высоте залежами погибшего леса. То же и Прорва... Пойменные озера, считая, чуть не все выведены, а были нерестовые, куда рыба ежегодно заходила в паводок метать икру. А озеро Матюшино? На его берегу — лесокombинат. Так этот лесокombинат сбрасывает в него свои отходы от производства древесноволокнистых плит, в основном — кору. И летом такой «аромат» от озера!..

Решили здесь побережь реку: очищают ее очень оригинально. Для этого собирают в запанях чурбаки, мелкие обрезки, коряги, палки спе-

циальными сцепленными бревнами, образуется «еж»... Его катерами вытаскивают на середину реки ниже города и там распускают. Плыви вся древесина, губи реку!

Выход есть!

Казалось бы, очень страшная картина нарисована здесь. Но не так все безвыходно. Сами тавдинцы, и в этом меня убедила встреча с заинтересованными людьми, теми же Н. В. Баночкиным, В. Ф. Седениным, Д. Е. Толмачевым, уже не раз предлагали несколько довольно простых мероприятий. Первое и самое главное: надо сбалансировать мощности добычи леса с мощностями ее переработки. Тогда просто не будет лес оставаться в реке. И в первую очередь нужно сократить вырубку листовенных пород, той же березы. Опыт у лесозаготовителей уже есть: на реке Понил рубят сейчас и отправляют только хвойные. Десять лет так работают. И ничего, план выполняют, не вырубая березу и тополь...

Второе, пожалуй,— всерьез заняться топляком. Тут необходимо уточнить места скопления затонувшей древесины. Уже приехала на Тавду комиссия из Центрального научно-исследовательского института лесосплава. Она начала работу с помощью эхолота. Есть сведения, что, проехав по реке километров тридцать, сотрудники института с помощью эхолота обнаружили запасы похороненной древесины объемом в полмиллиона кубометров. Длина реки — 719 километров... Затопленная древесина годится на производство фанеры. Значит, надо начать заготовки древесины... со дна реки! Эту работу тавдинцы начали. Теперь у них есть специальные топляко-подъемные агрегаты, их уже двадцать. За год они поднимают леса около 60 000 кубометров. А если их будет двести и если подъем древесины включить в план? Тогда добыча «бесплатной» древесины достигнет 500 000 кубометров и будет обеспечивать ежегодную потребность фанерного комбината! Да не только обеспечивать, но и сохранит леса от вырубки до конца нынешнего тысячелетия — ведь в реке 10 миллионов «кубов».

Но леспромхозы не закроешь. Пусть продолжают они рубить лес, но только нужно сплавлять его так, как это делалось раньше: всю листовенную древесину, ту же березу, надо перевозить в баржах. Тогда потери будут нулевые! Необходимо совершенно запретить самосплав, молевой сплав. Сделать это тем более легко, что в той же Тавде (городе) есть судоверфь. Ему освоить производство простейших барж, наверное, не составит труда.

Могут сказать, что потопленная

древесина — уже не та, не того качества. В том-то и дело, что дерево в воде может лежать долго, оно начинает гнить, как только его поднимут и бросят на берег. Так что планы по подъему древесины нужно строго согласовать с переработкой, чтоб не лежала она месяцами в ожидании станков. В нашей стране есть полужителный опыт переработки такой древесины. Например, в Карелии за прошлую пятилетку утеряли 112 000 кубометров леса при сплаве, а подняли из реки — миллион! Есть такой опыт и у Сыктывкарского лесопромышленного комплекса. Он почти целиком работает на сырье, которое еще недавно именовалось «сором». И вот теперь из этого «сора» делают массу самых различных продуктов, включая типографскую бумагу № 1. Деловая древесина пошла на другие цели!

Может найти себе применение и все то, что ныне спускается в реку. Для этого надо поставить станки для получения технологической щепы, и не будет тогда отходов, не станут засоряться реки и протоки всякой мелочью деревянной!

Особо нужно сказать об очистных сооружениях всех предприятий по реке Тавде. Фанерный комбинат лет пять назад построил очистные сооружения. Проработали они всего полгода и встали... на ремонт! Так до сих пор и ремонтируются, а в речку сливаются ядовитые отходы. На гидролизном заводе тоже ввели очистку стоков. Но там для этого пришлось закрыть часть цехов, местная санитарная станция постаралась. Гидролизный завод продолжает наращивать производство так нужных нашему животноводству дрожжей, а строительство очистных сооружений запаздывает. Больше того, гидролизникам даны средства на создание замкнутого цикла, когда на литра тавдинской воды не будет изыматься для нужд производства. Отпущено на это дело девять с половиной миллионов рублей. Пока освоено только 130 тысяч. При таких темпах лишь в середине следующего столетия завершатся работы. Что ж, тогда, видимо, и личинки комара не поймать в водах Тавды!

А если помечтать?

Я сижу в кабинете на Большом Черкасском, 17, в Москве. Хозяин кабинета — главный инженер и заместитель начальника Всесоюзного объединения деревообрабатываю-

щих предприятий «Союзлесдрев» Министерства лесной промышленности СССР Михаил Петрович Лозгунов. Мы говорим о судьбе зауральской реки Тавды, о ее заводах и комбинатах, Михаил Петрович, вооружившись ручкой, ведет рассказ о Мухенском комбинате в Хабаровском крае. Там утилизируется все, вплоть до лапок хвои — делают витаминную муку, спрос большой. Комбинат не имеет отходов — все в дело, из ворот вывозится лишь готовая продукция. Можно ли так же сделать на Тавде? Безусловно! Лесокомбинат и перевалочная база — рядом. А что, если тут построить цех по переработке листовенной древесины, пустить двести лесоподъемочные машины по реке? Поднимай и на переработку! Не получилась доска, пустите на рубительную машину, и в вашем распоряжении отличная щепка. Ее — на гидролиз: вот уж и спирт, и дрожжи!

Словом, одобрение полное. Более того, договорились, что проект тавдинцев об объединении их с лесозаготовителями, создании комплекса лично им, Михаилом Петровичем Лозгуновым, будет передан специальной лаборатории объединения. Эта лаборатория проверит расчеты, взвесит все «за» и «против», подготовит заключение. Это даст возможность войти с соответствующими предложениями в директивные органы.

Прекрасные слова! Я уезжал из Москвы окрыленный...

И вот теперь сидим и ждем ответа от Михаила Петровича. А мне видятся другие картины: бойко мчит-ся по светлой воде Тавды катерок. Сидим мы в нем четверо — я, Баночкин, Седенин, Толмачев — и любимся настоящими, без единого бревнышка берегами. Нет деревянного дна у реки, играет рыба в заливах, навстречу нам попадают баржи, гордо несущие белобокые стволы берез — эти на фанерный комбинат. Вот развернулся гидролизный завод — высятсь баки и отстойники, и нет грязной реки, что вливалась в Тавду. Снова город пьет воду речную, а не озерную, как в далеком, 1979 году... Возле лесообрабатывающих предприятий за каждым бревнышком охотятся, построены специальные лесоулавливающие сооружения, а хвойные породы идут небольшими плотами под неослабным контролем сплавщиков. На всех озерах стоят бревнотаски, выволакивают на берег долготье...

Печально все это... Сотни тысяч больших деревьев сплели лишь для того, чтобы утопить их. И целый лес сгинул в реке! А что, если нам всем, действительно, навалиться на эту реку и сделать ее Тавдой-красавицей! А накопивши опыт, взяться и за другие! Сколько таких, как Тавда, малых уральских и сибирских рек текут не по естественному руслу, а по бревенчатому настилу!

Знаменитый следопыт и проводник ивек Яргун — личность почти легендарная на Северном Сахалине. Старому Яргууну благодарно не одно поколение топографов и геологов, его имя хорошо знакомо нефтеразведчикам, охотникам, туристам. Об экспедиции с Яргуном в пятидесятые годы — в годы освоения нефтяного края — рассказывает сахалинский топограф Иван Федорович Панфилов.

ПО ТАЙГЕ — НЕ ПО КАРТЕ

Иван ПАНФИЛОВ
Рисунки
Т. Анпиловой

Рабочие топоотряда поторапливают с выходом в тайгу. Мы уже делали вылазки на лыжах. Снег еще, как вата, но вот-вот первый зимний буран прибьет его.

С отрядом я сработался. Все мы привыкли друг к другу. Если была необходимость, каждый мог сделать любую работу: прорубить просеку, проवेशить створ, измерить длину и угол наклона — за исключением работ с теодолитом. Я в отряд свой верил и намеревался долго работать с ним.

Неожиданно все мои планы рухнули. Я получил приказ о переводе на базу экспедиции в Ноглики. Втайне от меня ребята из нашего отряда стали просить руководство экспедиции, чтобы на новом месте им разрешили работать вместе со мной. Но партию оголять нельзя. Удовлетворили просьбу только Можелева и Недогадова, чему я очень обрадовался.

А на базе экспедиции встретил еще Кирилла Кожухова.

— Вот это явление!.. Ты как здесь?

— А вот так! Мы с Хамовым отпросились у Добрынина. Опять в твой отряд.

Кириллу я обрадовался искренне. Но Хамов-то зачем объявился?

Я наотрез отказался брать его в отряд. Но он клянется-божится, что будет человеком, и я смиряюсь. Омраченное Хамовым настроение неожиданно скрашивается настоящей радостью: к нам идет проводником старый Яргун, личность почти легендарная. У нас будет один из лучших проводников Северного Сахалина.

Район будущих работ — горы Даги. Для меня там все ново. Вообще мне не приходилось еще бывать в длительных переходах и далеко

от населенных пунктов, да еще в зимний сезон. Топографические карты нам на руки не выдавали — получил в камеральной группе вычерченную кальку. С выкопировкой работать плохо, ориентироваться по ней трудно. А кто в тайге поможет и подскажет? Все надежды возлагал я на Яргуна.

Путь предстоял длинный. Мой наставник Бушев советовал:

— Лучше идти по побережью. Для лыж, правда, плохо: снег ветра раздувают — сквозняки там дай бже. Но заливами еще труднее идти — по соленому снегу лыжи совсем не скользят.

— Ну вот, куда ни кинь — всюду клин.

— Не думай, что я тебя пугаю, так оно и будет. А если другого хочешь — зачем такую профессию выбирал? Привычкой быть первопроходцем.

Да я за это и люблю свою профессию. На любое белое пятно земли первыми ступают топографы. Понятно, если человек идет впервые, на него и обрушиваются все главные трудности и лишения. Зато он первый же видит самое интересное... Он — первый фотограф, первый рисовальщик, первый поэт в новом краю.

Давным-давно прочитанные книги оставили в памяти образ землепроходца — богатырского сложения, подобно Илье Муромцу, и почему-то обязательно в кольчуге. Снаряжал он коней или струги...

А мы всю поклажу чаще тащим на себе. За плечами — охотничий дробовик, на лямках — огромный мешок-«гардероб». Чего там только нет! Запасные портянки, ведра, чайник, бритвы, наждак, курево, книги, печка, масло... Все убранство завершает отточенный топор, привязанный

сверху к «гардеробу». За орудиями своего труда — теодолитами, горными компасами, топорами и прочим — разведчики следят очень тщательно.

Получили на складе спецодежду: валенки, телогрейки и... легкие хлопчатобумажные брюки. Даже ватных брюк не оказалось, какие там кольчуги... Бушув ругается на чем свет стоит:

— «Зэк» теплее одевают! Зимой в тайге, в этаких брючишках!.. Что, топографы хуже уголовников?!

Рабочие уже насадили на топоры топоры, наточили их, сделали крепление к лыжам. Каюр Яргун подогнал упряжь. В распоряжение отряда выделили три упряжки, по пять оленей в каждой. Яргун по несколько раз на дню впрягал оленей в нарты и делал пробные выезды, искал правильную расстановку оленей. Он, казалось, угадывал характер чуть не всех оленей. Для меня так они все одинаковы, разве что по росту да по ветвистости рогов как-нибудь отличишь...

Мы готовились к выходу в тайгу на всю зиму. В бараке-общезитии кипела работа. Ребята отпарывали петли, крючки, пуговицы, пришитые по-фабричному, «на соплях», — садили их на крепкие суровые нитки. На валенки сверху нашивали кожу, чтобы в долгой дороге не перерезались креплениями. Из старых автомобильных камер резали резинки — натягивать на носок поверх лыжного крепления, для надежности.

Несведущий человек, заглянув в общежитие, увидел бы сплошной хаос. Шют, куют, клепают, стругают... Валяются лыжи, печи с трубами, обрывки проволоки, брезента, свечи, консервные банки, гвозди, валенки... Накануне выхода на работу каждый предмет займет только ему одному отведенное место.

Самое тяжелое имущество упаковывали на нарты. Что полегче, решили нести в «гардеробах». Строго и придирчиво отобрали самое необходимое: в далекой дороге даже лишняя катушка ниток — и та накладка.

Все готово, за исключением «малого»: у меня нет валенок. Но вот поздно вечером Можелев принес со склада завалывшуюся новую пару. Оказались как раз по ноге — под хлопчатобумажный чулок и портянку.

— Никуда не годно, — нахмурился Можелев. — На два размера надо больше.

— А ты другие еще имеешь? — посмеялся я. И в тот же вечер подогнал на валенки лыжные крепления.

Ясным морозным утром мы отправились в Даги оленьи упряжки, сами следом пошли на лыжах.

— Ты бы ехал до поселка на нартах, — предлагали мне ребята, — а то выдохнешься в самом начале.

— Пусть лучше я выдохнусь, чем олени.

— Ой, не шути, Ваня. На большой переход в таких валенках...

— Ничего, втянусь.

Ноги мои распухли. Вот когда я по-настоящему осознал, каково мне будет в сорокакилометровом переходе от Ноглик до поселка Даги... С тоской посмотрел я в сторону Ныйво, — далеко впереди маячили темными пятнами олени упряжки.

Я ни шагу больше не мог ступить на лыжах и снял их. Не шел, а плелся.

В Даги мы с Можелевым пришли поздно ночью. Ребята давно ушли вперед. На ночлег остановились в нивхской избе. Хозяйка, старая нивха, сидевшая на полу и курившая трубку, внимательно следила, как я пытаюсь стянуть валенки. Я отделил от ног присохшие портянки — пальцы кровоточили. Молча старуха поднялась и через некоторое время принесла мне деревянную долбленку — «орнг» — с теплой водой. Я с благодарностью посмотрел на нее, но она опять исчезла и вернулась бормоча, неся какой-то сосуд с густой жидкостью и полотенце. Положила около меня, села снова на пол. Смыс с ног кровь, я вочию увидел свою плачевное состояние: пальцы потеряны были чуть не до суставных костей. Как же завтра идти?! Чтобы они зажили, месяц, не меньше, понадобится...

Старуха, показывая на фляжку, проговорила:

— Нерпа, нерпа...

— Вытри сначала насухо, — посоветовал Можелев. — Потом смажь нерпичьим жиром.

Пока я продельвал всю процедуру, старуха снова сходилла куда-то — принесла белую тряпку и торбаса. Положила все рядом, села на свое место, взяв трубку, и больше ни во что не вмешивалась. Разорвав пополам белую тряпку, я тщательно перевязал раны, осторожно обул торбаса и виновато улыбнулся.

Николай Можелев сказал:

— Сядешь, Ваня, на нарты. Часть груза на себя переложим.

Я еще пытался протестовать, но он отрезал:

— Не спорь. На профиле нам без техника делать нечего!

Только под самое утро я крепко уснул. И проспал... к полудню. Рассердился на себя и на ребят, что не разбудили, на Можелева — больше всех, он первый попался на глаза.

— Почему не поехали? Сам знаешь, дни короткие, сказано было — затемно встать?

— А мы тут с хлопцами посоветовались. Давай-ка задержимся на подбазе. Дополучим продукты, найдем для тебя валенки...

— Значит, из-за меня не пошли? — злился я.

Можелев тоже повысил голос:

— Да ты гляди, чертовщина какая за окном! Ты еще настоящего бурана не видел!..

Пока я выглядывал в окно и раздумывал, нашелся и третий довод.

— Однако завтра нивхи принай у себя гостей на родовой праздник, — вмешался Яргун. — Сибко-сибко обидятся, когда гости накануне уйди. Оставайся, Иван!.. Большой праздник иди... И буран большой иди — в поселке бывай надо. Оставайся!

Нивхи редко ошибаются в предсказании погоды. Предсказывают они по разным признакам: по направлению ветра, противостоящего морскому течению, по окраске солнца на восходе и заходе, по морской воде в любое время суток, по игре сивучей и нерп... Коли нерпы скапливаются косяками неподалеку от берега, наигравшись-накувыркавшись в воде, часто вылезают на берег — быть плохой погоде. Если на побережье усиливается ветер-свистун — опять жди непогодь. Таких примет у них великое множество.

Медвежьих праздники — «чхырлернд» — идут из глубокой старины. Останки медведей устроители их складывают в два отдельных сруба, метрах в двухстах на север от селения; в одном срубе — кости, в другом — только черепа. Ученый-археолог, если возьмется по медвежьим останкам определить давность стоянща, сделает это без труда. По числу черепов в срубе можно точно определить количество праздников. На каждом убивают лишь по одному медведю, и счет ведется еще дополнительно, зарубками на срубах.

Современный человек на этих древних, как мир, праздниках словно переносится в эпоху первобытно-общинного строя. Ведя вековую борьбу за существование, нивхи придумывали себе многочисленных богов. Боги были земные и неземные. Земные боги — шаманы и медведи — считались главными.

В представлении нивхов жизнь как у людей, так и у животных, бесконечна. Только на земле одна ее часть — видимая, а вторая жизнь — потусторонняя, «млыво». Если нивху посчастливилось убить медведя, лису, соболя, дикого оленя, значит — охотнику все это посылает высшее божество. Добыча, стало быть, уже перенесла все невзгоды на земле, и божество направляет ее в «млыво», в котором душа зверя вновь обретет кожей, — он опять явится на свет в первоначальном виде...

— По этой легенде, Яргун, получается, что люди все время убивают одних и тех же медведей?

— Да, мы раньше тоже так думай.

Во второй половине дня к хозяину, устроителю праздника, стали съезжаться на собачьих, оленьих упряжках, а то и просто на лыжах почетные гости. По старинной традиции, медвежьи праздники собирают нивхов, связанных родословной линией.

Молодому медвежонку, пойманному ранней весной в тайге, привязывают к шее цепь. С осени закрывают его в крытый сруб, который строят из дерева-кругляка. На матерого медведя цепь никогда не надевать. Пока зверь мал, его ежедневно выводят на прогулку. Вскоре одному человеку такие прогулки становятся не под силу: со своего поводья невольник-мишка нередко снимает «сатаны» — штаны вместе с кожей. Быстро взрослеющего на хороших харчах зверя выводят уже два человека. Когда медведь становится опасным и для двух людей, к медвежьей цепи привязывают чурбак, который своей тяжестью утихомиривает разгравшегося зверя.

Приходит пора готовить священное дерево — «наню». В тайге выбирают высокую ель, доставляют на морскую косу и вкапывают в землю. Молодежь очищает ствол до самой верхушки от ветвей; при этом юноши лазят по дереву без каких-либо приспособлений — тоже традиция. На самой верхушке оставляется «голова», и чуть ниже — две широко раскинувшиеся ветви-руки.

С утра взрослое население собирается у медвежьего сруба. Женщины занимают места у «тятиды» — это музыкальный инструмент, сделанный из ошкуренного, высушенного дерева. Они бьют по нему, как

по барабану, и в такт ударам переступают с ноги на ногу. Получается слаженно и довольно эффектно. Слова ритуального пения передаются из поколения в поколение, содержание их примерно такое: «Вот медведь, провожаем земного медведя в потустороннюю жизнь».

Медведя выводят из сруба и привязывают длинной цепью к разукрашенному «наню». Для него уже приготовлена полная нарта еды — зверя кормят в последний раз. Медведь зло поводит коричневыми глазами, время от времени рывкает с досады. Удары «тятиды», звон цепи, громкий разговор мужчин и визг ребятишек, лай собак, грохот морского прибора — все сливается в один праздничный шум... Привыкнув к нему, зверь немного успокаивается и принимается за еду. Ест жадно — хорошо! Нивхи радуются, словно дети, и говорят, что зверь пожелал быстрее попасть в «млыво».

Стрелять в медведя первым предоставляется право самому молодому охотнику-нарху.

Юноша-нарх сначала приступает к пробным стрельбам из лука, в столб, вкопанный на берегу моря. Расстояние отмеряют в два раза больше, чем при настоящей стрельбе в медведя. Пробная стрельба сама по себе интересна, особенно, когда море бывает чистое от льда. Если стрелок промахнется — стрела улетит в море. Утонуть она не утонет: на втором конце сделано оперение. Мазиле никаких послажек — он должен лезть за стрелой в ледяную воду. Понятно, что ждет стрелка на охоте, если он не попадет в медведя или только ранит его; поэтому к пробным стрельбам юноши относятся серьезно и целятся тщательно. В столб стрелять надо три раза, и

все три стрелы должны попасть в цель.

С первого раза молодой нивх попал. Второй раз — промазал. Тут же разделся догола и поплыл за стрелой почти за сотню метров от берега. В старые времена, если судорога сводила человека в воде, его и не спасали — значит, так хотел «Топызынг», хозяин моря. Наш молодой стрелок оказался выносливым. Достав стрелу, он теперь целился тщательно и точно попал. Но поскольку из трех раз он попал только дважды, старики стрелять в живого медведя ему не разрешили — таков обычай.

Второй нивх оказался опытнее и удачливее. Ему и было предоставлено право убить медведя.

С привязи спускают самых сильных и ловких собак. Голодные собаки набрасываются на медведя со всех сторон. Тот быстро преобразуется, встает на задние лапы и с завидным проворством крутится на месте. Задача стреляющего — суметь изловчиться и подстрелить медведя, пока тот не успел поранить ни одну из собак. У нивхов собаки ценятся высоко.

«Тятиды» и пенне смолкают. Стрелок, присев и плавно натягивая тетиву, напряженно следит за медведем; он ждет, когда зверь откроет левую половину груди... Сверкая наконечником, летит стрела, затем другая... Страшный рев разносится вокруг, но вот он затихает — зверь рухнул мертвым...

По ритуалу медведь остается лежать на земле. А гостей и участников праздника приглашают к застолию.

Какого угощения здесь только нет!.. Медвежье мясо — вяленое, жареное, сушеное, мороженое и вареное; нарезанная большими кусками оленина; свежая, жареная, копченая рыба — кета, горбуша, навага, корюшка, таймень; жир — медвежий, нерпичий, олений; строганина из мороженого мяса и наваги... Соусы, приготовленные из клюквы, брусники, черники, шиповника, черемухи, рябины, настоенные на лекарственных травах. Арака, тоже приготовленная на пряных травах, ягодах и корнях...

На второй день готовят медвежатину. Варят в большом медном котле, прямо на улице. Голову варят отдельно, бросая в бульон маленькими порциями коренья медвежьей дудки.

Вареное мясо нивхи делят на части — по числу здравствующих в роду семей. По увесистому куску медвежатину подносят и нам, топографам. Нивхам, живущим далеко, мясо вялят и отправляют причитающуюся им долю с попутчиками, часто по всему Северному Сахалину.

После обильных угощений второго дня хозяину избы подают сва-

ренную голову. Он разрубает большим ножом ее на четыре неравные части: одну — себе, вторую — нам, третью — нархам и четвертую — родичам, не присутствующим на празднике.

— А женщинам? — спросил я у Яргуна, заметив, что и на этот раз женщин не угощают.

— Нивха не должна знать больше мужчины, — ответил Яргун.

Под вечер второго дня медвежьего праздника подул сильный ветер. По мутному небу ползли тяжелые снеговые тучи, и повалил такой густой снег, что за несколько шагов ничего нельзя было рассмотреть. На побережье Охотского моря крутило, словно в гигантском снежном котловане, снег и песок смешивались в одну серую липкую массу. Морские валы набирали силу, увеличивались.

Буран свирепствовал неделю. На седьмой день он утих, и сразу грянул мороз. На темнеющем небе появилась опрокинутая чаша с мерцающими звездами. Яргун сказал, что хорошая погода устанавливается надолго.

Продвигаться было невозможно. Снег такой, что олени проваливаются по самый живот. И чем дальше от залива Даги в глубь острова — тем труднее и труднее.

Посоветовавшись, мы решили сделать вот что. Впереди нарт должны идти в форме уступа три лыжника; причем первый идет полностью по целине, а двое за ним — уже только одной лыжей по целине. Первому идти тяжело, последним — легче, поэтому они все время чередуются. Вначале смена происходит через триста метров, потом — через двести, сто, а к концу дня, когда все выдыхаются до полного изнеможения — и через пять-десять метров. Идя таким образом, мы оставляем на снегу четыре лыжных следа. Это уже торная дорога для оленьих упряжек, если не подкинет каких-нибудь сюрпризов рельеф...

На карте рельеф обозначен емкими и точными топографическими знаками, красочный литографический оттиск выглядит очень эффектно. Одно удовольствие путешествовать по нему, только... мысленно. Тут человек становится сказочным богатырем: с любым грузом «переплывает» море и реку, переходит озеро и топкую марь, взбирается на любые горы.

Совершенно иное, когда идешь наяву, и не с мнимым, а с физически ощущаемым грузом.

Вот, к примеру, на карте море — зелено-небесного цвета, с ярко-синей береговой отмывкой. Красиво... А не скажет карта, что зимой на этом побережье постоянно свищут холодные пронзительные ветры.

Местами обозначено мелководье: через всю ширину реки хаотично разбросаны голубые треугольники — пороги. Через такое место плот перетаскивают волоком. Недалеко от порогов реку пересекает зубчатая линия — «пила». Это водопад — любой плот будет наверняка разбит в щепы.

В углу карты нарисовано огромное болото, по-сахалински — марь. Болото настолько велико, что его пришлось подразделить на травяное (вертикальные параллельные черточки), камышовое (трилистник) и моховое (между двух точек черточка). Голубые сплошные линии — марь непроходимая, а вот «кружева» из прерывистых линий — марь труднопроходимая. На мари нанесены кружочки с подсечками — это редкий низкорослый лесок. Обычно древесина здесь трухлявая, слабая: тонуть будет — зацепиться не за что.

Вертикальные столбики с собственной тенью — вырубки. Дерево с поднятыми голыми сучьями — горельник. Всегда очень трудно ходить по «коричневым точкам» — песку.

На самой вершине горы расположен равнобедренный треугольник. Это и есть пункт триангуляции — основа основ всей геодезической работы. Нам до него еще шагать и шагать.

Чтобы не мучить больше ни себя, ни оленей, решено устроить ночлег. Я как стоял, так и повалился на снег. Ни думать, ни двигаться не хотелось, полнейшая апатия. А надо встряхнуться. Ставить палатку, рубить дрова, варить ужин...

На сотню метров от палатки Яргун отвел оленей, знает, что далеко не уйдут — отпустил их. Вернулся в палатку. Вид у него подавленный.

— У нас на пути до самых гор оленьего моха много-много, — сказал он. — Однако в горах Даги его будет мало-мало...

Я насторожился:

— Ты откуда получил такое мрачное известие?

— Ягель расти на ровном месте, на горах нет...

— Мы же договорились, что обязательно вверх забираться. Между сопок лагерь раскинем.

— Ты меня слушай дальше. Где два-три года не ходи олени стада, там ягель есть. Тогда оленям кушай хватит надолго, еще останется. У нас с тобой оленей мало. А если там ходи большое стадо? Быстро кушай, топчи все вокруг...

— Почему там обязательно должно большое стадо пройти, Яргун? Напрасно, наверно, ты беспокоишься.

А у самого даже спина и ладони вспотели. Не будет корма — не будет оленей, вся наша экспедиция пойдет прахом... Что если многоопытный Яргун прав? Тогда остается один выход: отправлять каюра с оленями в Ноглики. Со всем остальным как будет — с перебазировками, с полевыми работами — вовсе не ясно.

— Подожди мрачный быть, — поняв мое состояние, снова заговорил Яргун. — Там, на месте, я лучше посмотрю.

Я печалился о днях будущих, а беда подстерегала меня в эту же ночь. И если бы не Яргун — сидеть бы мне, как старшему, «сроком до восьми лет», как оговаривалось законом того времени. Кто-то из наших опрокинул рассол из-под вымываемой кеты. Олени так же, как наши коровы, любят соленое, но «пересол» может погубить их. Они вылизали снег до самой земли, изжевали часть палатки, облитую соленым. Не так уж страшно, если бы они потом не наткнулись на мешок с солью, лежавший на нарте около палатки. Мы спали, как убитые. Яргуна под-

няло недоброе предчувствие. Он вылез из палатки и, увидев животных возле мешка с солью, тотчас отогнал их. Спас оленей от неминуемой гибели, и меня с ними заодно... А то ведь — «срыв производственного задания», и разговор короток. После этого случая мы на каждую ночевку заносили мешок с солью в палатку или подвешивали на деревья.

Чем дальше уходили мы в тайгу, тем все позднее снимались с ночлега. И не из-за неорганизованности, не из-за лени, а из-за того, что ночью наших ездовых оленей разгоняли далеко по тайге бездомные разбойницы-росомахи. Охотиться на них времени не было, и непросто это: росомаха издали чует человека и к себе не подпускает. Мучились мы, мучились, по утрам собирая оленей, пока Яргун не отыскал в арсенале своей памяти старинное нивхское средство, основанное на той же, росомахиной «чуткости». Он стал привязывать на шею каждого оленя тряпочку. Утром их снимал, складывал в мешочек и запикивал к себе под малицу, чтобы у тела была. Такие ошейники пропитываются человеческим запахом, способным держаться продолжительное время. От росомах мы избавились.

Многому учился я в тайге. Ориентироваться по звездам, распознавать погоду, слушать звуки и шорохи... Труднее давалась «лесная книга». Для нашего проводника Яргуна она была беллетристкой, а для меня — очень сложным заданием. Разве с ходу научишься тому, что нивхи-охотники впитывают с молоком матери, вбирая многовековой опыт? Где обитает заяц, соболь, глухарь? Кто оставил следы на снегу? Как узнать — кто пробежал-пролетел, особенно летом?

Яргун растолковывал мне многие премудрости, говоря при этом: — Живи много. Сам узнаешь!

Новичок в тайге, я умел пока лишь отличить звериный след от

птичьего. Мало что определял безошибочно: заячий след мог узнать, еще росомаший, куропачий.

— Посмотри-ка, начальник, что там, на снегу? — подозвал меня Яргун.

Как мне не хотелось пасовать перед ним, отличным следопытом! — Четвероногий... Зверь.

— Гм... Разве двуногие звери бывай? — возразил Яргун на мою жалкую хитрость. — Узнавай или не узнавай?

— Не знаю, Яргун, — признался я честно.

— Соболь. След свежий, совсем свежий. Вон — буря дерево выверни. Сейчас он под ней сиди и зорко следит за нами!

Мы все подошли к коряге. Тут же из-под нее выстрелил темно-коричневой окраски зверек и стремглав помчался к такому же поваленному дереву рядом.

— Если, однако, не жалко времени, поймай можно. Так как? Полу-чай зверька? С собой возьми, в поселок принеси? А?

Для охотника сложно убить соболя, не повредя шкурки. А живым его взять какво? Мы бросились за зверьком. Свистели, хлопали рукавицами, колотили палками о деревья. Если он выскочит — по глубокому снегу убежит не быстро: днем зверек слегка неуклюж, не то что ночью.

Но соболь не выскакивал. Мы зорко глядели вокруг, заглядывая под корягу, — негу...

Яргун с хитроватой усмешкой глядел на наши растерянные физиономии. Потом подошел:

— Теперь мало-мало покурим. Соболь в дупле сиди, из дупла никуда не ходи.

Он смотрел на нас, улыбаясь одними глазами, и ждал, что же мы придумаем. Прирожденная выдержка охотника-таежника не позволяла подкашивать. Предложенный было много: спилить дерево или срубить длинный шест и вытолкнуть соболя к дырке, в которую он проник, стучать по дереву, пока не обалдеет... Но ничего путного не могли придумать. Так не поймаете, так поранишь... Спорили, спорили — ни к чему не пришли. Кирилл Кожухов покосился на Яргуна, сидевшего на коряге с непроницаемым видом:

— Этак мы до вечера простоям тут, у дерева...

— А-а-а, — Яргун докурил и неторопливо встал. — Теперь, однако, давай лови нашего соболя.

В самом низу дерева, у земли, он приказал мне расширить дырку. Кирилла послал на противоположный конец:

— Осторожно, однако, не стучи. Делай дырку поменьше этой и сиди тихо.

Мы удивленно смотрели на Яргу-

на, но тот, как ни в чем не бывало, продолжал распоряжаться:

— А ты, Петра, намотай на палку бересты, подожги и поднеси к нижней дырке. Дым потяни сквозняком. Соболь sibko-sibko не люби дым.

Мы сделали все в точности. Едва поднесли зажженный факел к нижнему отверстию, как сразу же на противоположном конце послышалось фырканье. Стремительно высунулась соболиная мордочка... Как только зверек показался весь, Яргун мгновенно успел обхватить его поперец туловища.

Красивый хищник, с мордой разъяренной кошки, с пышным шелковистым мехом и густой подпушью, был выкурен.

— Смотри-ка... Поймали! — восхищенно закричал Можелев. — Куда мы его теперь?

— В Ноглики, в питомник сдавай будем, — сказал Яргун, тут же соорудивший соболю намордничек.

Мы устроили соболя в чехле от спального мешка, и дальше он путешествовал вместе с отрядом.

Дошли до намеченной стоянки на участке работ. Базироваться здесь будем не более недели, но оборудовали свой выкидной лагерь капитально. Под палаткой убрали весь снег до самой земли, — выбрали ведрами, кастрюлями, отбросили лыжами. Палатку натянули на деревянные каркасы и на низ положили тяжелые кражи — чтобы не снесло ветром. Кражи одновременно стали и опорами для нар-лежанок, на них положили тонкие жерди, накатали толстым слоем пихтовые и еловые ветки.

Ужин был давно готов, а Яргун, уведший оленей на пастбище, все еще не возвращался. Мы с Можелевым уже собрались идти на поиски, когда он бесшумно вошел в палатку, присел на корточки и молча закурил. Есть не стал, а выкурив подряд несколько трубок и тогда заговорил:

— Я ходи на широких лыжах в распадок. Ходи и не спеши. Я узнай, что в этих местах оленей не было. Снег хороший, иди и пой: «Ай-ай! Вай-вай!» Снег разрой руками и посмотри, сколько ягеля. Еды для оленей много-много... Но она лежи как под стеклом!

— Под зеркалом лежит? — лениво вставил Хамов. Я одернул его: — Говори, Яргун.

— Я ходи вверх-вниз, много ходи, проверай оленью еду под снегом. Везде толстая корка, лед... Плохо, однако.

— Лед под снегом?!

— Осень была sibko-sibko с дождями. Сразу после этого ходи сильный мороз.

— Совсем нет ягеля? Что же делать, Яргун?

— Пожалуй, по склонам оленей раскопай. Но очень мало. Совсем мало.

Я отчетливо представил оленей, разбивающих в кровь копыта... Значит, старого оленевода не обмануло предчувствие: не одна беда — так другая. Значит, при каждой перебазировке нам тащить имущество на себе. Раз десять за зиму, на большие расстояния... Значит, мы не выполним объем работ.

В палатке стояла тишина. Все были подавлены и расстроены.

— Хлопцы! Подождите горевать! — воскликнул Николай Можелев. — Мы тебе, Яргун, дадим спальный мешок, продукты... Вот жаль, палатки нет второй... Ты завтра, без нарт, уведешь оленей. Не везде же прошедшей осенью гололедица была — разыщешь пастбища!

— Вай-вай, однако, ты молодец, — улыбнулся старик. — Я как раз это соображал в голове.

— А мы, что же, барахло на горбу будем таскать? — спросил Хамов.

— Подожди-ка, — теперь я отчетливо представил план Можелева. — Мы по выкопировке определим объем работ с этой стоянки...

— И узнаем количество дней! — подхватил Кожухов. — Нормально, все нормально!

Мы тут же сели за карту и высчитали, что Яргун со своими оленями должен прибыть к нам на десятый день.

— Старина, а как ты один пойдешь? — спросил Кирилл. — Всю дорогу оленю шли по лыжному следу...

— А я езжай по рекам. Пока не найду олений мох.

Можелев мечтательно потянулся, успокоившись:

— Я недавно вычитал в одной газетке, что имеется такая жидкость... — Он достал замусоленную записную книжку, полистал: — Во! Хлористо-магниева щелочь... Способна лед уничтожать. Разгреби снег, намочи составом лед — и, пожалуйста, сколько угодно ягеля!

От такой перспективы Яргун даже прищелкнул языком, что крайне редко с ним бывает.

Утром Недогадов и Кирилл Кожухов остались дооборудовать лагерь, наготовить про запас дрова. Остальные пошли на рекогносцировку.

Начиналась работа.

Первую триангуляционную пирамиду мы не увидели. Поднялись на сошку — должна же быть! На голой вершине из-под снега торчал кол. Разбросали снег, и обнаружили останки деревянного треугольника. На месте упавшей пирамиды срубили и поставили временную вежу. Закрепили, чтобы не снесло ветром.

Вот теперь мы «привязались» к

своему участку работ. Я ишу в бинокль по горизонту остальные точки — одной-единственной для теодолитных ходов недостаточно. Чтобы начать топороботы, на худой конец надо хотя бы две пирамиды. Обнаружил далеко на горизонте едва различимый силуэт — он то попадал в поле зрения, то исчезал напрочь: рефракция, наверно, приземные слои воздуха колеблются. Второй пункт оказался удаленным от нас километров на тридцать.

С сопки мы засекали по дыму свою палатку. В гористой местности зимой дым виден далеко даже невооруженным глазом.

С рекогносцировки в палатку возвращались другим путем — надо было посмотреть местность, ознакомиться. И чудо увидели.

Сначала понять ничего не могли — что за диво?! Вроде, ель — как ель, но до чего чудно растет. Не вертикально, как положено ей, а параллельно земле... Все четырнадцать-пятнадцать метров ствола тянутся, стелются по земле. А по дереву, через метр-полтора друг от друга, нормально растут вверх от ствола девять елочек. Крайнее деревце, растущее у корня елки-матери, повыше, остальные — меньше и меньше.

А еще говорят: в лесу все деревья одинаковы!

Печурка наша топилась, ребята ждали с ужином. Такой порядок был заведен: дожидаться своих с профиля. В маленькой шестиместной палатке «простуде» тепло. Но это только с вечера. В эти недолгие теплые часы мы разнеживаемся, лежа поверх спальных мешков. Печка остывает, и мы мало-помалу забираемся внутрь спальников; а утром едва поднимаем головы — вспотевшие с вечера волосы примерзают к ткани... Вместо воды — в ведрах до самого дна лед.

Физзарядка нам не требуется. Снегом умоешься — и хорош. За день так «назаряжаешься», что косточки болят... Напляшешься возле теодолита, согревая пальцы то под мышкой, то за пазухой. Хлеб всухмятку съесть — и то времени жалко. Только и поглядываешь на солнышко — подольше бы не садилось за лесной гребень.

...Отряд вел работы уже больше месяца. К нам вернулся Яргун. На каждой стоянке он умудрялся находить корм для оленей. Пусть не очень сытно, но животные все же были накормлены. Обычно Яргун приходил с пастбищ поздно. Но когда случалось, что возвращался пораньше, было одно занятие, которому он отдавался, всей душой — подледный лов. Старик с большим мастерством делал майны, рыбу ловил только самодельными крючками и на естественную приманку — высушенную и обработанную тузлуком рыбешку.

Если у меня была возможность, я старался непременно побывать с ним на рыбалке. Он занимался этим так серьезно и сосредоточенно, что к такой ловле могло подойти одно определение — работа.

Раз мы стояли с Яргуном у пироката. Ледяной панцирь сковывает зимой глубокую воду, а на мелководье быстрое течение не дает спрятать воду под лед. Мимо нас проскальзывали гольцы, наважки, форели... Рыбины как-то странно выпрыгивали вверх. Яргун смотрел на них, и узкие глаза его совсем сощурились-спрятались.

На том берегу неожиданно высунулась из воды усатая плоская мордочка.

— Яргун!.. Кто это?

— Где? — встрепенулся старик, сосредоточенно смотревший в воду.

Зверек успел нырнуть. Там, где он показался и скрылся, лопались по воде пузырьки. Но вот мордочка снова появилась: во рту у зверька, расположенного низко, как у акулы, трепетала рыба.

— Выдра! — торжественно прошептал Яргун. — Так вот почему рыбешки выпрыгивают из воды...

Зверек покрутил головой и, не обнаружив ничего подозрительного, поплыл к береговому припаю. Секунда — и плоское, узкое тело оказалось на льду. Выдра опять огляделась. И стала кататься, словно собачонка. После «обтирочной» процедуры вскочила на ноги, отряхнулась, замерла.

Яргун предупреждающе взял меня за руку, и мы стояли тихо, и шелухнувшись. Когда хвост зверька исчез в воде, Яргун сказал:

— Выдру испугай, она уходит из этих мест. Совсем уходит.

Вечерами, при свете свечи или «консервного» светильника, мы приставляли к Яргуно, чтобы он рассказывал о себе. Старый нивх не был словоохотлив, но на одну тему говорить любил. Петр Недогадов, зная,

на чем сыграть, вкрадчиво просил:
— Яргун, ты бы что-нибудь о жене своей рассказал.

Яргун сначала молчал и, набравшись терпения, молчали все мы. Потом он неторопливо начал.

— Я еще был низенький, когда стал ходи с отцом в тайгу. Мало с ним досталось ходи. Тридцать годов было — умер. Рано. Потом я женись, и ходи на охоту стал с женой. Мамка у меня sibko смелая: одна с ножом и луком иди на медведя. Как это? — а, душа с душой живи мы. Часто трудно бывай. Я хотел, чтоб мне больше трудно, а она возражай: «Тебе и мне, говорит, пополам». Но я старайся делать наоборот.

— Настоящий ты мужчина, Яргун, — похвалил Можелев.

Старик лишь слегка улыбнулся, хотя польщен был. Он знал себе цену.

— Всегда говори: женщина слабая — поэтому никогда не убивай медведя. А моя мамка на охоту ходи порознь, требуй: «Сама!» Собака с ней. Собака лай, медведь становись на задние лапы, а мамка со всей силы вонзай в зверя длинный острый нож и пори ему живот сверху вниз. От сильной боли медведь ори, а мамка проскальзывай под переднюю лапу в сторону. Медведь бери свои кишки и вей, как веревки. И собака на него наседай...

Кирилл передернулся:

— Бесчеловечно как... Хоть и зверь дикий, но такие мучения! Бесчеловечно же, Яргун.

— В старые времена такая охота называй у нас храбростью. А еще у мамки слух был sibko-sibko чуткий, у меня такой не бывай. Припал к земле и меня мани: «Там соболь, под той корягой. Сетку давай». Однако жалостливый был мамка. Далеко зверька стреляй, а близко не трогай. Если не медведь, а мелкий зверь. Как-то заяц выскочи на нас и уставься... И дрожи весь, слезы из глаз ходи. Запищи, словно ребенок. Мамка думай: за беляком лиса или росямаха беги. Ходи заяц обратно — там хищник, ходи вперед — мы с мамкой... Мамка ходи в сторону и пугай его — как побег беляки... Однако, надоедай я вам своим говори. Может, ложись спать?

— Не-не, рано спать, — гудели мы. — Рассказывай!

— Еще мало-мало. Осенью дело. От нашего стойбища охота далеко, залив еще не замерзай. А лед ждуть sibko долго. И реши мы с мамкой вокруг ходи, по морской косе. Долго ходи-ходи, а потом отдыхай у торося. И гляди мы — орлов sibko много, и все летай на лед и обратно. Ходи мы к тому месту. А там таймень лежи, ба-альшой... И орлы пируй над ним. С нами две собачки тогда ходи, а кушай им мало. Мамка говори: «Пусть таймень кушай». Но

орлы ведь собак закрой. И тогда мамка оставайся на берегу с ружьем, а я ходи туда, чтобы орлы на меня нападай. На животе ползи, потому что лед слабый, и тайменя толкай к берегу... Орлы догадайсь, один, как стрела, упали меня и клевай в позвоночник. Сразу все отнимайся — нога, рука. Sibko-sibko я испугайсь и закричи... Мамка моя разозлилась и выстрели. Один хищник тут же летай не надо...

— Разве не запрещают убивать орлов? — спросил я.

— Тогда нет. Теперь строго-строго нельзя. После удара я еще лежи, не двигайся. Мамка палку мне давай и подтягивай за нее. Больно-больно мне, sibko орел туюкай в спину. Не мамка — так лежи я на льду и орел меня доклевывай...

Много у Яргуна за всю жизнь набралось таких историй, слушать его можно без конца.

— Яргун, нивхи народ первобытный, скажи, трудно, когда жизнь меняется круто, хоть и в лучшую сторону?

— Когда вместе с охотничьими припасами нам выдавай мыло, нивхи от него отказывайся: «Мыло, однако, не скусное, с него рот сводит хузе, чем с клюквы...» Еще заставляй нас садить картошку: вместо одной штуки вырастай сразу десять. Мы, однако, долго не соглашайся. Потом посажай много-много картошки, штук, однако, двадцать. А через десять дней и десять ночей разрывай землю — картошка не прибавляй... Нивхи кричи: «Нас обманывай!» Ночуй мы теперь не в стойбищах торафе (юртах), а в срубленных русских домах, с широкими лавками, в каждом домике много маленьких домиков-комнат. Я сразу привыкай. А вот мамхать (старуха) еще долго живи в sibko плохой юрте. Она говори — так удобно: на одном месте сиди и можно делай все работы — сварить кушай на костре, спать. Потом мамхать приходи ко мне в гости. Сначала редко-редко, потом часто. Кости старый, зачем мерзни в юрте?! В избе тепло, ходи-ходь весь рост, прямой, как охотничий лук...

— Яргун, а почему нивхи дают своим новорожденным такие странные имена?

— Раньше обычай запрещай гилячке родить в юрте. Она заранее ходи в глухую тайгу и строй себе шалаш из жердей и коры. После этого оставайся там одна и живи. В тот шалаш ходи не надо! Все это время следи за гилячкой опасности: ветер и буран, жара и насекомые, зверье и голод... Так нивха часто погибай безвестно. А если роды проходи хорошо, то после них, что увиди первое — то и называй малыша: комар, сучок, ягель, палка, бурундук...

Наша таежная жизнь шла своим размеренным порядком. Мы сде-

лали за зиму несколько перебазировок.

Уже виден был конец работы. Но меня сильно беспокоило, что запасы наших продуктов шли с «большим опережением», чем оставшиеся объемы работ. Не закончив полевые работы и предварительные математические вычисления, выходить топографам из тайги нельзя. Возвращаться потом на объект, за сотни километров — кто на это пойдет?!

На полевые работы выходит огромная армия таежников-разведчиков, взаимодействия их уточняются, как на фронте. Сложная, кропотливая работа сотен людей в партиях, экспедициях конечной целью ставит себе открытие месторождения. Геологоразведчики, буровики, нефтяники-промысловики пойдут по нашим стопам. Четкость, грамотность, добросовестность — вот что требуется от топографов в изначальной этой работе на месторождениях. Знал я одного оператора-магнитометриста: вместо того, чтобы работать на профилях, он «наблюдал» возле своей палатки... В полевом журнале у него все было умно: номера профилей, время наблюдений, погода, показания приборов. Не учел он самой малости. Если бы ему не было лень взглянуть в технический проект, он бы увидел, что подобные работы в его районе уже проводились, только мельче масштабом. Геофизики долго удивлялись, как это у горе-оператора вместо синклиналиной складки антиклиналь получилась... А как не получится, если он «наблюдал» в сотне километров от района работ?

Другой топограф так подогнал данные в технической документации, что на проверку вышло, будто он с одного пункта увидел другой пункт... через гору.

Ребята мои, не говоря об Яргуне, из-за недостатка пищи не паниковали, не ворчали. Держались молодцом, хотя жили мы на «подсосе», недоедали изрядно. Брюзжал и возмущался один Хамов, он честил всех подряд, был всем недоволен. Чаще всего это недовольство адресовалось мне: из-за моей непредусмотрительности в отряде преждевременно кончились продукты.

Хамов теперь редко выходил из палатки, а если покидал ее, то только когда нужда приспичит. Про заготовку дров он даже не вспоминал, постоянно ссылаясь на нестерпимые боли в пояснице, желудке, в голове.

Яргуна он выносить не мог, и были на то основания. Как-то Хамова послали на прорубку просеки. Яргун, возвращаясь с оленьего пастбища, проходил мимо. Хамов курил, отдыхая около дерева.

— Чего, однако, делай Хамов?

— Работая, «однако», не видишь?

— Моя гляди, как ты работай...

Ой, лениво!

— Свою норму выполнил, сколько мне положено. А за других вкалывать не собираюсь.

— Сибко-сибко мала твоя норма. Каждый из нашего отряда прорубай больше, чем здесь у тебя.

— Надень на нос бинокляры, старый хрен! «Сибко-сибко, мало-мало!»...

— Бинокль на свой нос надевай не буду. Но вот что, Хамов. По-одному наши никто не ходи на работу. А ты почему-то всегда один ходи? Я знаю, почему.

— Почему?! — вскакивая с места, зарычал Хамов. Этой правды он боялся пуще всего.

— Другой человек, который с тобой, быстро замечай твои уловки и лень. Вот почему!

— Панфилов заставляет меня работать, Можелев тоже, еще и ты тут выискался, задрипанный указ! — закричал Хамов. — Проваливай отсюда, старая горбуша!

— Однако сибко пронзай тебя мои слова, — спокойно ответил Яргун.

Как был Хамов никчемный человек, так и остался. Зря я ему поверил.

Когда нас мучило недоедание, постоянно хотелось есть и мы старались не говорить об этом, он начал рассуждать, как бы между прочим: «Доберусь до Ноглик и ввадлюсь в чайную; закажу там себе жареной картошки, котлет по-сахалински и все это буду жрать с белым хлебом!» И еще долго говорил о разных диковинных блюдах, названий которых я, например, отродясь не слышал — может, сам придумывал их? — пока кто-нибудь не предлагал ему заткнуться.

— А ну вас к черту! — вопил Хамов. — Я предлагаю вам вариант сытой жизни, слушаете или нет? Давайте пустим ша мясо хотя бы одного оленя. Свалим в акте на несчастный случай. Председателю колхоза скажем: олень ногу сломал. Я сам ногу переломлю и на себе, как доказательство, припру! Ну?! Всю работу на себя беру.

Я сразу даже не нашелся, что ответить.

— Ты, Хамов, конченный тип! — сказал Кирилл Кожухов.

...И вот наступил последний день работы. Мне предстояло выполнить завершающее и ответственное задание — с тригонометрического пункта завизировать смежные пирамиды, расположенные в двадцати-двадцати пяти километрах, — и наши теодолитные ходы будут привязаны к государственной плановой опорной сети.

Посреди дня начала вихлять погода. Еще трудно было определить, что надвигается — снеговой заряд или буран. Снеговая вертокругть дольше часа не пробесится; но если буран — мы задержимся еще на не-

сколько суток. В нашем-то и без того незавидном положении...

Противная серая мгла-туман, выползая из распадков, со стороны моря, стала застилать вершины сопкок. У меня еще теплилась надежда, но вот переменялся ветер, и я все-ррез встревожился.

Нельзя было терять ни минуты. Чуть прояснялось, я начал «шарить» зрительной трубой теодолита по сопкам. Только нащупаю — как ее сразу затягивает... Такое отчаяние взяло меня, что невольно выругался и в черта, и в бога. Полнейшее бес-силлие перед стихией, в пору выть нечеловеческим голосом... Безрезультатно простоял под пронизывающим ветром, простудился, и, так и не окончив наблюдений, вернулся в лагерь.

На следующий день погода не улучшилась. Продуктов осталось совсем в обрез: работа не подвигается, а есть-то мы едим... Да в обратной дороге будем не менее недели.

Все было за то, чтобы немедленно сворачивать лагерь и выходить всем отрядом на подбазу экспедиции. Опять идти по целине и бить дорогу для полуголодных оленей. Но ведь обидно!.. Работы-то осталось не более, чем на полтора-два часа...

Собрались и решили: работу во что бы то ни стало закончить. Норму питания каждому человеку убавить на треть.

Вот уже несколько дней подряд мы с Можелевым безуспешно ходим на этот треклятый пункт. Туман белой слошной пеленой по-прежнему висит над сопками. Промерзнув день, мы возвращаемся в лагерь. Даже Можелев начинает выходить из себя. Ни с того ни с сего напустился на Яргуна:

— У нас с Ваней на душе кошки скребут, а у тебя рот до ушей.

— Не сердись, однако, парень. Сибко большая причина: ночью погода переменится. Завтра вы обязательно работу кончай!

— Ты откуда взял? — чуть не бросился я на шею к Яргуну.

— Ворона на хвосте принесла. — Только тут я обратил внимание, что в одной руке Яргун держит убитую ворону. — Эта ворона сиди против ветра и весь день каркай — значит, усилится ветер, а если ветер усилится, то он гони-гони туман. Сейчас смотри сюда: наша собака давно лежи на снегу, свернувшись калачиком. Будет холод... Холод — ясная погода. Теперь слушай ветер в вершинах, теперь смотри на небо... Будет хорошо!

— Во дает Яргун! — помягчел и Николай. — И ворону-то, ворону, гляди, прибил...

Давно мы за этой вороной охотились. И вот из-за чего. Каждое утро, пока стояли выкидным лагерем, ворона прилетала и садилась на одно и то же место. Если бы сидела

спокойно — сиди на здоровье, дерева не жалко; а то ведь прилетит спозаранок и такое карканье устроит, что мы вскакиваем ни свет ни заря от ее гортанного крика. И оставив ничего нельзя было — обязательно сопрет.

Достать ее дробовиком не удавалось. Хитрая bestия!.. Идешь к лиственнице с пустыми руками или с палкой — подпустит. Покажешься с ружьем — тут же поднялась и улетела. Как она распознает: где ружье, где палка — уму непостижимо. Даже уравновешенного Яргуна она вывела из себя, и он решил ворону обхитрить.

Примерно на полпути от палатки до лиственницы, на которую всегда садилась ворона, был узкий и глубокий распадок, заросший северной березкой и ельничком. Когда ворона улетела по своим делам, Яргун замаскировался в нем с ружьем. Опять появилась ворона. По договоренности с Яргуну ребята тотчас ее спугнули. Крикунья полетела на излюбленное свое место, к высокой лиственнице. Пролетая над распадком, в котором притаился охотник, она каким-то образом все-таки приметила его — метнулась в сторону. Но было поздно.

Яргун оказался прав: утром над нашей головой мерцали звезды! Впервые за много дней мы увидели долгожданное чистое небо.

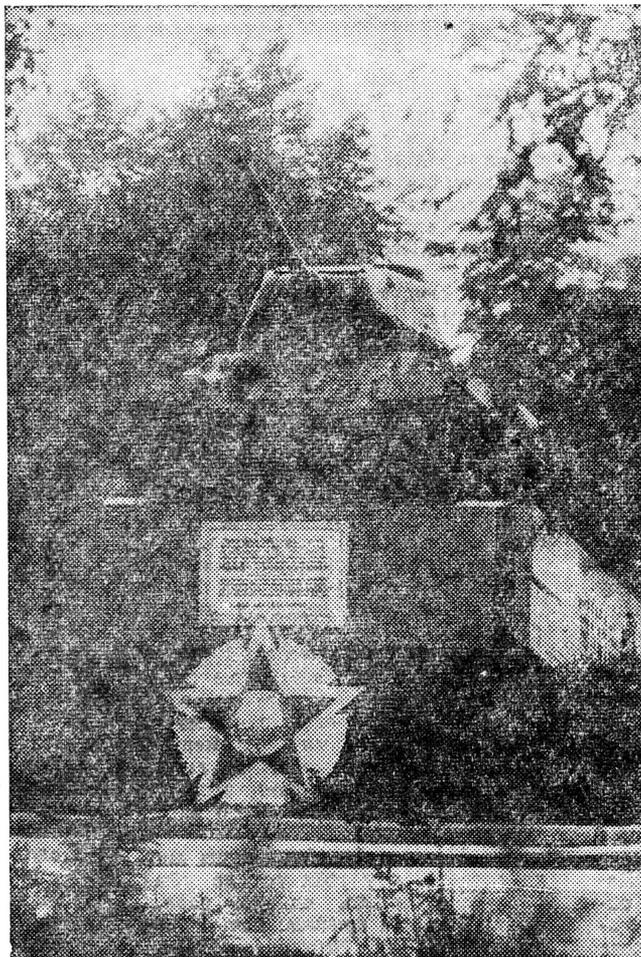
На голой сопке, где стояла наша пирамида, дул снегшибательный ветер. Теодолит так тряслось-лихорадило, что центр сетки зрительной трубы долго не удавалось навести с допустимой точностью. Несколько раз, по очереди, ходили мы с Можелевым греться на подветренную сторону; обоним уйти нельзя — ветер сбросит теодолит и разобьет вдребезги.

Но видимою по горизонту все время была отличная. Наконец-то отряду удалось закончить работу. Вместе с нею закончилось и наше пребывание в горах Даги.

Оха-на-Сахалине

Уральский танк

...Пять раз завязывался бой, и вот, наконец, взята Воробьевка — последняя опора фашистов перед городком Брянской области

Унечей. К вечеру следующего дня город был освобожден.

Произошло это 23 сентября 1943 года.

Москва в честь победы Советской Армии салютовала двадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий.

За эти бои тридцатой мотострелковой бригаде под командованием полковника Смирнова, входящей в состав Уральского добровольческого танкового корпуса, было присвоено имя «Унечская»...

9 мая 1975 года, в день тридцатилетия Победы над фашистской Германией, в Унече был открыт памятник танкистам Уральского добровольческого танкового корпуса. На гранитном постаменте танк.

В школах города созданы уголки славы, музеи, в которых почетное место занимают реликвии воинов Урала, а городской парк носит имя Уральских добровольцев.

На снимке: танк-памятник, воздвигнутый в честь Уральского добровольческого танкового корпуса.

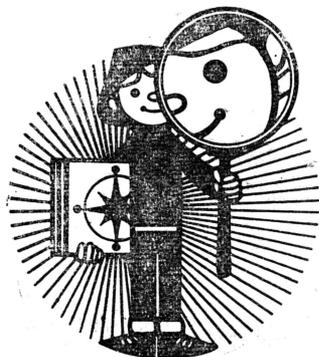
Сергей ШУМКОВ

Фото В. Донецкого.

М И Р

НА ЛАДОНИ

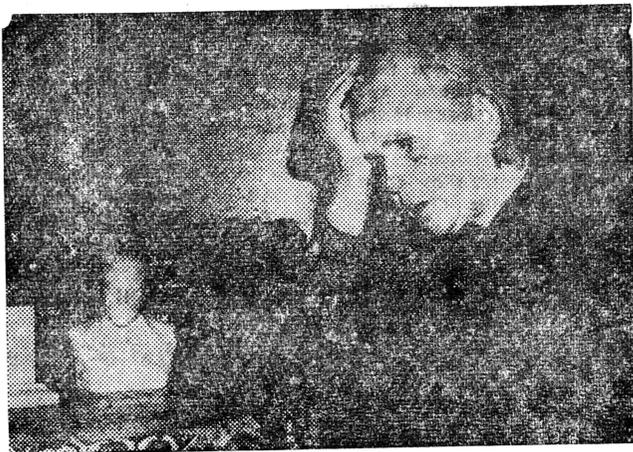
В гостях у матери героя

Помню, как осенью 1932 года нас, мальчишек, потрясла весть о том, что в селе Герасимовке кулаки зверски убили Павлика Морозова и его младшего брата — Федю.

...В 1975 году, отдыхая в Крыму, я навесил Татьяну Семеновну Морозову — мать Павлика. Ей тогда было 80 лет, но она бодрa, работает в саду, ухаживает за цветами, выращивает виноград.

В доме Татьяны Семеновны все напоминает о жизни отважного пионера, одна из комнат — настоящий музей. На стенах картины и репродукции, посвященные Павлику, на столе, среди множества сувениров, — бюст юного героя.

...Тогда Татьяна Семеновна долго не могла прийти в себя, тяжело переживала смерть детей. Надежда Константиновна Крупская приняла самое активное участие в судьбе матери героя. Она пригласила ее к себе, помогла достать путевку в Крым на лечение, оказала помощь в получении персональной пенсии. Содействовала в получении квартиры в Алупке.

1941 год. Сын Татьяны Семеновны Алексей воевал в рядах Советской Армии, он был летчиком. Самый младший сын Роман в 14 лет ушел в партизаны. Он погиб на Украине. Сама Татьяна Семеновна копала окопы в Севастополе, перевязывала раненых...

На снимке: мать Павлика Морозова — Татьяна Семеновна.

Памятники-близнецы

Небезынтересна история двух одинаковых, но установленных в разных городах памятников. Один из них был установлен в Самаре (теперь Куйбышев) в 1932 году. В этом монументе легендарный начдив В. И. Чапаев запечатлен на вздыбленном коне с шашкой в руке. Вокруг Чапаева — готовые к бою комиссар, красногвардеец, стрелок, старик-партизан, работница, красноармеец; сзади — матрос-балтиец с пулеметом. За этот монумент скульптору М. Г. Манизеру было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

В Ленинграде, недалеко от станции метро «Политехническая», также установлен памятник герою гражданской войны Василию Ивановичу Чапаеву. Он представляет собой отлитую в 1933 году копию монумента в Куйбышеве. Они отличаются лишь постаментами.

На снимках: памятник В. И. Чапаеву в Куйбышеве.

Пропуск — фамилия

— Как ваша фамилия?
— Шевченко.
— Проходите, пожалуйста.
— А ваша?
— Шевченко.
— Милости просим.
Ваша?
— Шевченко.

Во Дворце культуры машиностроителей в Орске день рождения великого украинского поэта отмечают вечером однофамильцев. И столько оказалось Шевченков в рабочем городе, что большой зал был полон. Пришел во Дворец культуры Григорий Михай-

лович Шевченко, начальник цеха, рабочий Виктор Николаевич Шевченко и десятки их однофамильцев...

Когда-то, направляясь в орскую ссылку, Тарас Григорьевич сказал, завидев унылую крепость:

— Да поют ли здесь песни?

Стихи и песни великого kobzarya звучали в тот день со сцены Дворца. Слушал их и бронзовый Kobzary — памятник у Дворца культуры на площади Шевченко...

Вильям САВЕЛЬЗОН

Чугунные кружева

См. 4-ю стр. обложки.

Перед вами уникальное изделие мастеров каслинского литья. По размерам этот стол почти точно соответствует обычному обеденному. Но размером сходство и ограничивается. Его не покроешь скатертью, на него не поставишь графин с водой или кадку с фикусом, не обопрешься на него локтями. Этот стол может существовать только сам по себе, как произведение искусства...

В центре кружевной чугунной вязи, где и положено, — солнце-подсолнух с лучами-лепестками. Двумя хоровами окружают солнце листики и подковки чугунного узора. Из каждой ячейки кружева тянутся к центру цветы, плоды и колосья...

Замкнутой линией отделен центральный узор от окраинного, в котором много воздуха, незанятого пространства, легкости: будто раскинулась рыбацкая сеть с большими ячейками, а на ней расположились 12 плафонов — 12 знаков зодиака.

Хотя чугунный стол с трудом можно сдвинуть с места, гармоничные, изысканные линии создают впечатление легкости и воздушности...

Этот стол — не единственный экземпляр. Их было сделано 19 — к началу нового 20 века, в честь прошедших столетий.

Один из столов был подарен тогда царю, другие разошлись по богатым домам. Стол, который вы видите на снимке, оказался в семье учителей Авдониных, а они передали его в Белоречский краеведческий музей.

Людмила ВЕЙСБЕРГ

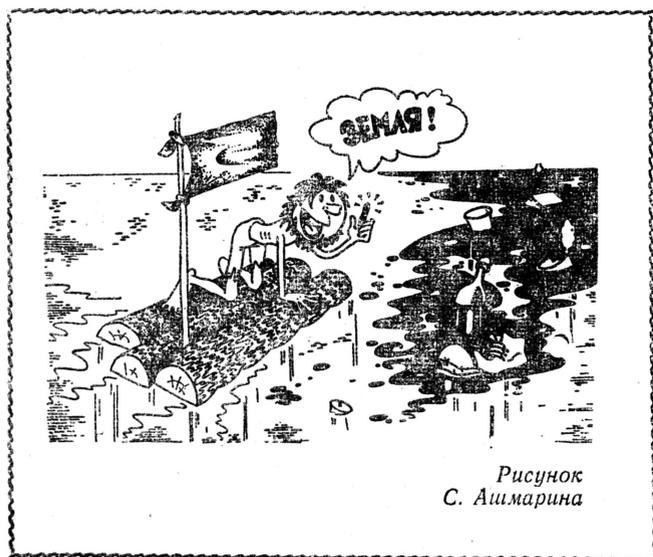
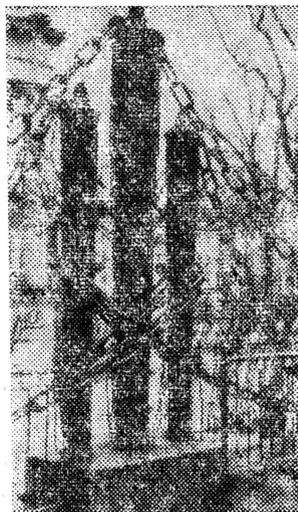

Рисунок
С. Ашмарина

Ограды из пушек

На правом берегу Невы, напротив нынешнего здания Смольного, установлен памятник русским солдатам и офицерам, погибшим при штурме крепости Ниеншанц 1 мая 1703 года. Это была последняя шведская крепость на Неве, после взятия которой началось строительство Петербурга. Памятник представляет собой могильный холм. Он окружен оградой из чугунных шведских пушек.

На площади Радищева в Ленинграде находится

Преображенский собор. Он был построен в 1754 году по проекту архитектора М. Г. Земцова. После пожара собор восстановили в 1829 году по проекту архитектора В. П. Стасова (отца критика В. В. Стасова). Преображенский собор окружает ограда, при сооружении которой использованы 102 бронзовых ствола трофейных турецких пушек.

На Суворовской площади (у Кировского моста) находится памятник Александру Васильевичу Суворову. Он был изготовлен по проекту скульптора М. И. Козловского и установлен в 1801 году на Марсовом поле, у берега реки Мойки. В 1818 году его перенесли на другое место. Памятник окружен оградой из двенадцати пушечных стволов с ядрами. Стволы врыты в землю и связаны между собой цепями.

В саду отдыха города Кронштадта стоит памятник морякам клипера «Опричник», погибшим во время шторма в Индийском океане в 1861 году. Это — гранитная скала с изломанным якорем на вершине и якорной цепью. Памятник окружен оградой из чугунных пушек, соединенных цепями. Он был открыт в 1873 году.

Ирина ЛЕГОНЬКОВА,
Аркадий КОНТОРОВИЧ

История «Дубинушки»

Свыше ста лет назад в России запели «Дубинушку». Она украшала репертуар Федора Шаляпина.

Царское правительство возбудило дело о «Дубинушке». Его завел 21 сентября 1879 года начальник Томского жандармского управления. В Петербург шли донесения о том, что «Дубинушка» завоевывает признание в Сибири.

В фондах Центрального Военно-Морского архива СССР недавно были обнаружены документы, свидетельствующие о том, что «Дубинушка» начала свой путь не с берегов Волги, как это считалось раньше, а из Кронштадта. Ее написал поэт Василий Богданов, флотский врач.

Всеволд КРИВОШЕИН

РЕЧНЫЕ КРАЧКИ

Все словно отлито. Перышко к перышку. Вильчатый хвост, узкие крылья, на голове черная шапочка. Лапы и клюв ярко-красные. Это — речная крачка.

Выезжая на озеро, я заметил, как пара крачек сооружает гнездо. И где — на ондатровой хатке! Все птицы на озере в колонию сбились за островом Волчьим. А эта пара отчего-то отделилась. Да и чем хатка хуже сплывенных камышей или обыкновенной кочки? Вскоре в гнезде лежали три охристых с черными пятнышками яичка.

Поначалу каждое мое появление у гнезда тревожило крачек, на их крики слеталась птичья братия. Но день за днем крачки, завидя меня, тревожились все меньше. И даже когда мне случалось подплывать к их гнезду совсем близко, занятые повседневным делом, они вели себя спокойно.

У речных крачек свои законы — вместе строить гнездо, вместе высиживать потомство, заботиться о нем, кормить, ставить его на крыло.

Трудовой день птиц на-

чинался с первыми лучами солнца. Мать семейства сидит на гнезде, отец-крач отправляется на рыбалку.

Вот он плавно летит над водой, остановился и, часто трепеща крыльями, свесив веером хвост, завис в воздухе, высматривая добычу. Стремительное падение — камнем, бах, о воду — фонтан брызг. Промохнул. Бывает. Опять завис над водой. Падение. Удача! Переливается на солнце золотистый карасик. Крачка, завидя супруга, кричит: «Кия-кия-кия» — лети сюда.

Крач плавно опускается к гнезду и вручает ей рыбку. В ответ несет нежное: «Ки-ки-ки». Вкусно, давай еще.

Теплой стала вода. Мелкие карасики, гальяны всплывают вдохнуть свежего воздуха. У крачек в эту пору начинается праздник. Тут и нырять не надо. Заметит крач рыбку у поверхности воды, молнией сверкнет — и в клюве гальянчик.

Но случается и так. Принес крач супруге рыбку, а она не берет. С гнезда сходит, отворачивается. Что

это? Кокетство? Упрямство? Да нет же, крачка клювом, словно указкой, показывала супругу на будущее потомство, притихшее там, за яичной скорлупой. Она просила его посидеть вместо себя в гнезде. Отец семейства делал вид, что не за-

мечает ее жестов. И только, когда крачка наотрез отказывалась завтракать, осознавал свою семейную ошибку, соглашался посидеть, погреть потомство...

Олег КАПОРЕЙКО
Фото автора

КАСЛИНСКОЕ ЛИТЬЕ
Чугунный стол *См. стр. 80.*

Какие экзамены нужно будет сдавать в XXI веке человеку — первооткрывателю, космонавтику, ученому, — чтобы получить право работать... воспитателем в детском саду? Безводные раскаленные пески — разве они могут стать домом для живых существ? Кто был прообразом Давыдова, героя «Поднятой целины»? Когда создан Олимпийский комитет СССР?

Об этом и другом читатель узнает из фантастического рассказа С. Другаля «Экзамен», научно-популярного очерка «Странствия зеленых жаб», заметок «Давыдов жил на Урале», «Страницы Олимпиад», публикуемых в 6-м номере журнала.

С 6-го номера журнал начинает публикацию новой повести Николая Никонова «След рыси».
